

Генрих Эрлих

ЗАГАДКА
НИКОЛЫ
ТЕСЛА
НАУЧНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

«Я мог бы расколоть
Земной Шар...»

И

НИКОЛА ТЕСЛА

Рассекреченная история

OCR by ЗаНЗибар
www.torrents.ru

Генрих Эрлих

ЗАГАДКА
НИКОЛЫ
ТЕСЛА

НАУЧНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

**УДК 82-3
ББК 84[2Рос-Рус]6-4
Э 79**

Оформление художника *П.Волкова*

Эрлих Г. В.

Э 79 Загадка Николы Тесла. Научный детектив / Генрих Эрлих. - М.: Яуза: Эксмо, 2009. -352 с. - (Никола Тесла. Рассекреченная история).

ISBN 978-5-699-33733-0

Его величают гением, «пророком» и «повелителем Вселенной». Его изобретения изменили мир и стали фундаментом современной цивилизации.

Ему приписывают невероятные открытия, способные не только осчастливить, но и погубить человечество; его подозревают в причастности к чудовищной катастрофе, известной как «падение Тунгусского метеорита», и создании поистине дьявольского оружия, страшных «лучей смерти», которые, по его собственным словам, в состоянии «расколоть Земной шар»...

Но Никола Тесла ненавидел смерть, поэтому изобрел еще и генератор «лучей жизни» – как воду живую и мертвую, как две стороны одной медали, как дорогу с двусторонним движением, пронзающую бесчисленные миры. И в свой последний день на Земле. 7 января 1943 года, великий ученый отправил зашифрованное послание будущим поколениям.

Сможем ли мы разгадать его скрытый смысл? Сумеем ли им воспользоваться? Узнаем ли главную тайну Николы Тесла? Решим ли его загадку?

Читайте новую книгу проекта «Рассекреченная история» – первый научный детектив о гениальном изобретателе!

**УДК 88-3
ББК 84[2Рос-Рус]6-4**

ISBN 978-5-699-33733-0

© Эрлих Г. В., 2009
© ООО «Издательство «Яуза». 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить
наследство.

*И. -В. Гёте, «Фауст»,
пер. Б. Пастернака*

Глава 1

Колдун с Хьюстон-стрит

Дом пользовался дурной славой. Впрочем, в округе не было домов, пользующихся доброй славой. Высокие, в пять и десять этажей здания были заняты фабриками, выросшими из ремесленных мастерских, на каждом этаже – своя фабрика, из распахнутых окон на улицы изливались шум станков и зловоние. Рабочие, сплошь итальянцы, жили тут же, в узких многоквартирных домишках, свято блюя язык, традиции и любовь к обилию детей. Чуть южнее располагался китайский квартал; а западнее – тесно застроенный жилой район, заселенный преимущественно ирландцами и выходцами из стран Восточной Европы. Центром этого беспокойного мира было длинное, четырехэтажное здание из красного кирпича – главное полицейское управление. Это здание тоже пользовалось у местного населения дурной славой.

Дом, располагавшийся на северной стороне Хьюстон-стрит, в двух шагах от Малбери-стрит, был ничем не примечателен до той поры, пока его верхний этаж не снял для каких-то своих нужд загадочный незнакомец. Был он очень высок, под два метра, и чрезвычайно худ, одет всегда с иголочки, неизменно, в любую погоду, в идеально чистых, светло-серых перчатках, которые, похоже, шили ему на заказ, как и костюмы, потому что кисти рук и пальцы были излишне длинны даже для такого роста. Ему бы шляпу с петушиным пером и шпагу на бок, был бы выпитый Мефистофель. Но незнакомец носил вместо этого котелок и трость. Впрочем, такая маскировка не обманула опытных итальянцев. Diabolo, говорили они и набожно крестились.

Молодые итальянцы тоже не оставили его вниманием. Как-то поздним вечером, когда незнакомец, завершив дневные труды, направлялся к центру города, они приступили к нему с обычным вопросом: «Мистер, закурить не найдется?» «Не советую, молодые люди», – сказал незнакомец на безукоризненном английском, безукоризненность которого осталась, впрочем, неоцененной. Незнакомец был абсолютно спокоен, блеск его стальных глаз соперничал с блеском лезвия ножа, который ему показали для убедительности. «Я вас предупредил», – сказал он и сделал несколько быстрых выпадов тростью,

Генрих Эрлих

если точно, то пять, по числу молодых людей. В сумерках сверкнуло пять вспышек, в тишине улицы раздалось пять криков боли, на грязную мостовую рухнуло пять тел.

— Гордитесь, молодью люди, вы первыми познакомились с моим новым изобретением, — сказал незнакомец, — пустячок, но, как оказалось, весьма полезный в определенных обстоятельствах. Не волнуйтесь, скоро вы подниметесь и как ни в чем не бывало отправитесь домой. Всего наилучшего, — он приподнял котелок и пошел своей дорожкой.

Больше его не беспокоили, предпочитая следить за ним издалека. Выяснилось многое странного. Жил незнакомец в «Уолдорф-Астории». едва ли не самом дорогом отеле Нью-Йорка, пристанище миллионеров, потомков пассажиров «Мэйфлауэра» и перебравшейся в Америку европейской знати. Незнакомец любил гулять по ночам, громко разговаривая сам с собой по-немецки и частенько поминая при этом черта, а то и обращаясь к нему напрямую. Маршрут прогулок был таков, что неизменно приводил его к собору Святого Патрика на 50-й улице или в Брайянт-Парк близ Пятой авеню, на площадь перед Публичной библиотекой. Там незнакомец занимался совсем уж непотребным делом — кормил голубей, которые слетались десятками на его зов, садились ему на голову, плечи и руки и ворковали, как будто рассказывали что-то. Незнакомец, улыбаясь, тихо говорил им что-то в ответ, рассыпая при этом корм из бумажного пакета, который носил в кармане пиджака. Удивительно, но когда голуби улетали, котелок, костюм и перчатки незнакомца пребывали все в той же идеальной чистоте и порядке. Когда же незнакомец поднимался на арендованный им этаж, то вскоре оттуда начинали доноситься странные звуки, а еще чаще — вспышки неземного света. «Он призывает дьявола», — говорили старые итальянки. «Зачем ему призывать дьявола, если он и есть дьявол?» — покидали плечами их трезвомыслящие мужья.

После этого никого уже не удивляли шабаши, что случались на верхнем этаже чуть ли не каждую неделю. К дому, извергая клубы тошнотворного дыма, подкатывали новомодные черные дьявольские колесницы — автомобили, из них вылезали одетые в черное мужчины под руку с очаровательными полуобнаженными ведьмами, входили в подъезд и возносились вверх на лифте. Именно в такие вечера вспышки неземного света в окнах верхнего этажа были особенно яркими, и зеваки стояли часами, наблюдая за их причудливыми переливами. С течением времени удалось разглядеть и узнать гостей незнакомца, благо их фотографии и портреты часто появлялись на страницах газет и журналов. Джон Астор, Дж. Бивер Уэбб, Дарий Огден Миллс, Чонси Депью, Эдвард Дин Адамс, Стэнфорд Уайт, Огастес Сент-Годенс, богатейшие и известнейшие люди Америки. Вампиры,

вурдалаки, уп�ри, кровососы, приспешники и прислужники дьявола, так говорили окрестные жители в зависимости от своей национальной принадлежности. Тут они тоже ничему не удивлялись.

В один из весенних дней 1896 года к дому приблизился немолодой, лет за шестьдесят мужчина с выбивающейся из-под шляпы гривой непослушных волос и пышными усами. Он был тут частым гостем, поэтому не затруднялся разглядыванием номеров домов, а уверенно направился к подъезду и скрылся да дверью.

– У тебя опять не работает лифт, Ник, – сказал он десятью минутами позже, входя в большую комнату, заставленную причудливыми устройствами.

– Рад тебя видеть, мой дорогой мистер Клеменс, – ответил ему очень высокий и чрезвычайно худой мужчина, спеша навстречу. – Не работает лифт? А я и не заметил. Я всегда поднимаюсь по лестнице. Знал бы отвоем визите, непременно бы исправил.

– Да, тебе для этого – только рукой махнуть. – сказал мистер Клеменс, тяжело отдуваясь. – Старею, черт подери!

– Сил нет? Подкачаем, – сказал Ник, – позволь продемонстрировать тебе мое новое изобретение. Это пример того, как при желании можно вредное обратить в полезное. Я тебе показывал в последний твой визит мой осциллятор для выработки переменных высокочастотных токов. Помнишь, как он вибрировал? Эффект, несомненно, вредный. Но я установил, что физиологическое воздействие этих вибраций очень даже приятно и полезно во всех отношениях. Я сделал специальный небольшой механический осциллятор, работающий на сжатом воздухе, – мужчина взял мистера Клеменса под руку и отвел в дальний угол комнаты, – и соединил его с платформой, изолированной от пола резиной и пробковой прокладкой. Вставай, не бойся.

– Я так плохо себя чувствую, что уже ничего не боюсь, – сказал мистер Клеменс, вставая на платформу.

Ник включил компрессор, открыл пару вентилей, платформа мелко завибрировала.

– Это бодрит лучше виски! – воскликнул через несколько минут мистер Клеменс.

– Намного лучше, – в тон ему ответил Ник, – но, как и с виски, тут главное – не перебирать. Давай на этом закончим.

– Ни за что! Я помолодел на десять лет!

– Как бы тебе не помолодеть на все шестьдесят. Давай, давай, сходи, хорошего понемножку.

– Тебе не стащить меня отсюда и подъемным краном!

– Сам сойдешь! – Ник загадочно улыбнулся. – Смотри, я тебя предупредил.

Генрих Эрлих

Мистер Клеменс продолжал шумно восторгаться новым изобретением, но вдруг замолчал, напрягся, расправился, как будто аршин проглотил, шагнул негнущимися ногами с платформы и, все больше выкатывая глаза, принял суматошно оглядываться по сторонам.

— Тебе вон туда, — Ник показал рукой в другой угол, — вон за ту маленькую дверь.

Мистер Клеменс поспешно удалился, безуспешно пытаясь сохранить достоинство.

— Помимо всего прочего, мое устройство на определенном этапе оказывает прекрасное слабительное действие, — сказал Ник, когда его друг вернулся.

— Прекрасное слабительное действие, — кивнул головой мистер Клеменс, — очень полезное устройство, я думаю, его ждет большое будущее. Если не возражаешь, я во время поездки в Европу предложу его всей этой стареющей знати, у них с этим вечные проблемы. Отличная тема для застольной беседы!

— Ты лучше найди какого-нибудь промышленника, который купит у меня патент на производство этого устройства. Не мне же этим заниматься. Я имею в виду — производством. У меня есть гораздо более важные и интересные дела. Вот я тебе еще одну штуку покажу, — Ник вновь взял мистера Клеменса под руку и подвел его к лабораторному столу. — Это почти двойник того осциллятора, чье действие ты только что испытал на себе. Только чуть мощнее. И с приспособлением, позволяющим плавно регулировать частоту колебаний, — он положил руку на маленькое колесико вентиля и слегка повернулся. — Приступаем!

Дзинь — звякнули бокалы на столе. Ник чуть повернулся вентилем. Дзинь — звякнули оконные стекла. А потом по очереди зазвучали все предметы в комнате, табуретка пошла плясать вприсядку, большая электрическая катушка, стоящая на полу в центре комнаты, задрожала как в любовной лихорадке, а металлическая урна принялась весело подпрыгивать, разбрасывая вокруг скомканные листы бумаги.

— Они как живые! — воскликнул Ник. — У каждого из них есть внутри струна, воздействуя на которую на расстоянии я могу заставить их петь и плясать! И так же я могу воздействовать на все: на окружающие дома, на далекие горы, на всю Землю!

— Но для этого необходима прорва энергии. Тут не хватит даже всей мощи Ниагарского водопада, укрощенного тобой.

— Нет! Это дурак размахивает кулаками, надеясь на свою силу. А умный человек подойдет да ткнет пальчиком в нужное место — и дело сделано. Надо знать это чувствительное место, надо знать частоту колебания струны, которая есть во всяком природном объекте, и, возбуждая их ничтожными средствами, через резонанс заставить эти

объекты колебаться со всем свойственным им размахом. Очень хорошо, что ты зашел ко мне именно сегодня, потому что именно сегодня я намереваюсь сделать очередной эксперимент. Берем нашу крошку, – Ник взял со стола осциллятор и подошел к металлической балке, пронизывающей комнату от пола до потолка, – помоги мне, пожалуйста, приладить ее. – Мистер Клеменс поспешил на помощь. – Вот так. Отлично. Спасибо. Эта балка – часть несущей конструкции дома, которая прошивает все этажи и уходит на несколько метров в землю. Воздействуя на балку, мы передаем колебания земле.

– А что потом? – спросил мистер Клеменс.

– Вот и посмотрим! – воскликнул Ник, дрожа от возбуждения. – Для того и эксперимент ставим!

Ник поколдовал с компрессором и вентилями. Осциллятор на балке мелко задрожал. Ник же неожиданно успокоился и широким жестом пригласил мистера Клеменса к низкому столику, вокруг которого стояли три мягких кресла.

– Это дело не быстрое. Пока осциллятор наберет нужную частоту колебаний, мы спокойно успеем выпить виски и поговорить о литературе. Чем ты на этот раз нас порадуешь?

Пока друзья разговаривали о литературе, в округе происходили странные события.

Сначала послышался нарастающий гул, потом стала мелко вибрировать земля под ногами, зазвенели стекла в домах, в суповых мисках – а было обеденное время, и все семьи сидели за столом – вдруг пошли концентрические волны. Первыми спохватились китайцы. Они выскочили на улицу с громкими криками: «Землетрясение!» Их примеру последовали неаполитанцы и сицилийцы, составлявшие большинство итальянской колонии. Им тоже землетрясения были не внове. Тут сам собой, тревожно и грозно, зазвонил колокол небольшого костела, по его призыву на улицу с криками «Пожар! Наводнение!» высыпали жители соседнего жилого района. И все с улицы наблюдали, как в их домах лопаются стекла, а по стенам ползут трещины. В эти минуты никто не мог заметить, что разрушения движутся концентрической волной, сходящейся к некой точке в центре итальянских кварталов.

Наконец волна накрыла здание главного полицейского управления. Начальник управления среагировал не сразу – стены его кабинета частенько тряслись от гогота собравшихся в дежурке полицейских. И даже когда от него вдруг отъехал тяжелый письменный стол, он лишь укоризненно покачал головой. Но вот с потолка посыпались куски штукатурки, и он взревел: «Сержант Макнейн!»

– Да, сэр! – дежурный сержант возник на пороге кабинета.

– Что происходит, сержант?

Генрих Эрлих

– Содом и Гоморра, сэр, гнев господень.

– Понятно. А конкретно?

Внезапно кабинет наполнился возбужденными дежурными полицейскими.

– В городе страшные разрушения, сэр! – закричал один.

– Это все колдун с Хьюстон-стрит! – крикнул другой.

– Остановите его, – коротко приказал начальник.

– Разрешите стрелять на поражение, сэр?

– Только в случае неповиновения.

– У меня на этот самый случай есть серебряная пуля!

Земля дрожала под ногами устремившихся вперед полицейских.

Вот и нужный дом. Дверь сама распахнулась перед ними, мощная пружина предостерегающе зазвенела, на третьем этаже лопнуло стекло, осыпав полицейских градом мелких осколков.

Сержант Маккейн перекрестился, выхватил кольт и ринулся внутрь, увлекая за собой еще двоих храбрецов.

Тем временем на верхнем этаже мистер Клеменс обратился к другу:

– Тебе не кажется, Ник, что вибрация усилилась. После того как ты вернул мне жизнь с помощью своего чудодейственного устройства, я стал бояться ее потерять.

– Еще несколько мгновений, мистер Клеменс, для полноты картины, – ответил Ник и вдруг вскочил с места с криком: – О, черт!

Он схватил тяжелую кувалду и мощным ударом разнес осциллятор вдребезги. Все сразу успокоилось.

– Хорошо, что я сделал осциллятор из чугуна, – сказал Ник, – чугун – он хрупкий.

– Хорошо, – согласился мистер Клеменс, – но не проще ли было выключить ту штуковину, которая нагнетает сжатый воздух?

– Нет, в резервуаре оставался сжатый воздух, и его вполне хватило бы, чтобы...

В этот момент в помещение ворвались полицейские и остановились, пораженные вдруг наступившей тишиной.

– Джентльмены, – сказал Ник, отвешивая им старомодный поклон, – вы немного опоздали, чтобы засвидетельствовать мой эксперимент. Мне пришлось срочно остановить его с помощью этого нехитрого приспособления, – он потряс кувалдой, – но если вы зайдете завтра, приблизительно в это же время, я поставлю новый осциллятор и испытаю его в вашем присутствии. Не сомневаюсь, что у вас останутся от этого приятные, незабываемые впечатления.

– Вы разрушили полгорода, – выдавил сержант Маккейн.

– Правда? – поднял брови Ник, быстро подошел к окну и выглянул наружу. – Я не вижу никаких разрушений. Но ваше сообщение меня

чрезвычайно заинтересовало. Не могли бы вы опросить местных жителей, может быть, кто-нибудь из них действительно зафиксировал какие-то необычные явления.

– Нам это необходимо для полноты картины, – вставил мистер Клеменс, сдерживая улыбку.

– Прошу меня извинить, джентльмены, – продолжил Ник, – но сейчас вы должны уйти, так как у меня еще много дел. Всего наилучшего.

Обескураженные полицейские ретировались, а друзья вновь опустились в кресла.

– Я не хотел тебя пугать, но еще несколько мгновений – и дом развалился бы на куски, – сказал Ник.

– И все от этой маленькой штуковины? – спросил мистер Клеменс.

– Ты сам все видел! – сказал Ник. – И не такая уж она маленькая! Я могу сделать многое меньше, такую, что уместится в кармане пиджака. И это с источником энергии! Ты подходишь к любому зданию, например к этому, достаешь из кармана осциллятор, прикрепляешь его к любой части здания, включаешь и отходишь в сторону. Минут через десять-двенадцать, в зависимости от размера здания, по нему пойдут трещины, начнет отваливаться штукатурка или облицовка и вдруг – а-бумм! – здание рассыпается в прах.

– А что, если в зданий есть металлический каркас? – спросил мистер Клеменс с неожиданной заинтересованностью.

– Все то же самое! Клепка конструкций разболтается и разрушится. Мои расчеты показывают, что для разрушения самого большого здания в мире необходима очень маленькая мощность, около одной лошадиной силы.

– Одна лошадка, ритмично дергая, может сокрушить пирамиду или... – раздумчиво протянул мистер Клеменс. – Я на следующей неделе отплываю в Европу, посещу, естественно, и Париж...

– О, Париж! – восхитился Ник. – Я там работал полтора десятилетия назад безвестный инженер! А четыре года назад я приехал туда, чтобы прочитать лекцию перед Международным обществом электриков. Я вернулся и – не узнал Парижа моей молодости. Как же может изуродовать город всего одно сооружение!

– Догадываюсь, о чем ты говоришь. Вот и я подумал... А не одолжишь ли ты мне одно из своих устройств?

Друзья заговорщики перемигнулись и расхохотались.

– Смеются! – возмущенно пробурчал один из полицейских, спускаясь по лестнице. – Все им нипочем!

– Да уж, – веско сказал сержант Маккейн, – а у нас, с тех пор как этот колдун объявился в округе, не было ни одного спокойного дня.

Генрих Эрлих

– А кто это был с ним? – спросил второй полицейский. – Мне его лицо показалось знакомым.

– Марк Твен, писатель, тоже большой шутник, – с осуждением в голосе ответил Маккейн.

– Ну а колдуна, колдуна-то как зовут? – спросил первый.

– Чертова колдуна зовут Тесла! Мистер Никола Тесла!

– Все-то вы знаете, сэр!

Сержант Маккейн самодовольно надул щеки.

Глава 2

В глубине Скалистых гор

Нечто похожее промелькнуло и на лице мужчины, сидевшего перед ноутбуком. Он откинулся в кресле, вытянул, потягиваясь, ноги, за-кинул руки за голову, расправил плечи и удовлетворенно произнес:

– Не Марк Твен, конечно, но для первого опыта вполне, – задумался, стер две последние строчки, пробежал глазами концовку и с еще большим удовлетворением воскликнул: – Так лучше, так намного лучше!

Из иконки в правом нижнем углу дисплея выскоцила фигурка почтальона с письмом в руках. Мужчина поспешно открыл текст и прочитал послание.

«Всем экспериментаторам планеты – наш пламенный привет! Как успехи?»

Мужчина оттолкнулся ногами и подкатился на кресле к столу у стены, заставленному физическими приборами. Два из них, блещущие медью клемм и лаком деревянных корпусов, могли бы послужить украшением музея истории электротехники. Два других являли достижения современной китайской промышленности. Компромиссом между этими приборами, разделенными вековой пропастью, служил самописец, выводивший подрагивающим пером линию на движущейся бумагной ленте. Линия шла вверх. Мужчина скосил глаза направо, на мелькавшие на небольшом дисплее цифры, потом перевел взгляд налево, на мерно колеблющуюся проволочную рамку, хмыкнул и вернулся к компьютеру.

«Алекс – Юстасу. Все идет по плану. Напряженность растет».

«Петьяка, не морочь мне голову, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Это какой-то артефакт».

«Рекомендую иногда заглядывать в словарь иностранных слов и не разбрасываться почем зря незнакомыми терминами. Как известно

любому школьнику, артефакт – искусственно сделанное, именно этим мы и занимаемся. Прием».

«А чем мы, кстати, занимаемся?»

«Объясняю еще раз для непонимающих. Мы создаем стоячие волны и накачиваем их энергией за счет резонанса, как учил нас великий Тесла».

«Чушь все это собачачья. Стоячие волны хороши лишь для лекций в университете. Получить стоячую волну на таком расстоянии, тем более накачать ее энергией при используемой нами мощности установок НЕВОЗМОЖНО».

«Если ты так в этом уверен, то почему ввязался в это дело?»

«Вам, обитателям Веселого леса, не понять нас, австралийских аборигенов. Тут со скуки и не в такое ввяжешься. Да и как я мог отказать в пустяшной просьбе однокашнику? Ведь мы же русские люди!»

«Все, русский человек, хватит болтать. Давай включай модулятор».

«Да я-то включу! Наше дело петушиное: прокукарекал, а там хоть солнце не всходи! Включил».

Мужчина, обретший имя Петр, поднялся с кресла, подошел к лабораторному столу, нажал какую-то кнопку на приборе, подкрутил ручку, настраиваясь на определенную частоту, еще раз внимательно посмотрел на ползущую вверх кривую на самописце, на проволочную рамку, колеблющуюся со всем большим размахом, удовлетворенно кивнул головой. Потом сладко потянулся, потер пальцами и без того красные глаза.

«Тяжело уже дается ночь без сна, – подумал он, – да, кстати, что у нас со временем? – он посмотрел на часы. – О, почти четыре! Ждать осталось недолго! Отличь надо, а то еще приспичит в самый неподходящий момент».

Он вышел на крыльцо, прошел по дорожке к ближайшим кустам, отлил, затем вышел на небольшую полянку и стал оглядываться. Сзади, закрывая полнеба, громоздились горы, самые что ни есть Скалистые. Чуть поодаль и ниже раскинулся спящий город, расчерченный прямыми линиями огней. Лес вокруг, казавшийся днем редким и чахлым, наваливался плотной массой на бревенчатый одноэтажный дом с высокой двускатной крышей. Почти из самого ее конька торчала длинная спица антенны, поблескивающая в свете полной луны. В предрассветной тишине донесся далекий шум автомобиля, движущегося по шоссе со стороны города. Взвизгнули тормоза, потом шум чуть изменился, став более натужным и каким-то шуршащим. «Наверно, свернули на дорогу, ведущую в глубь гор, – подумал мужчина. – Кого это несет нелегкая? Надеюсь, не ко мне». Дорога эта являла местный вариант грунтовки, когда грунт – камень, то и дорога из мелкого щеб-

Генрих Эрлих

ня. Проходила она метрах в пятистах от дома, случалось, что за день по ней не проезжала ни одна машина. «Март по здешнему климату не лучший месяц для поездок на природу», – подумал мужчина и зябко передернул плечами. Дальний свет фар легко прошил полосу леса и тут же ушел в сторону и вверх. Между деревьями мелькнула какая-то тень, хрустнул сучок, зашелестели ветки, как будто кто-то продирался сквозь подлесок. «Надо же, здесь водится крупная живность, – подумал мужчина, – кабаны, наверно». Шум улепетывающего зверя какое-то время накладывался на шелест покрышек по гравию, потом все как-то резко стихло. Вновь воцарилась тишина, еще более звонкая. После ослепления вспышкой света темнота показалась мужчине еще более глубокой.

И вдруг высоко в небе прошел волнами всполох, переливающийся всеми красками спектра. «А еще говорят, что ночью все кошки серы, потому что человеческий глаз в темноте не различает цветов, – усмехнулся мужчина, – а вот извольте! Как в радуге, вернее, как в северном сиянии. Откуда в этих широтах северное сияние?» Додумать эту мысль помешал нарастающий гул, исходивший со стороны дома.

Мужчина опрометью бросился туда, взлетел на высокое крыльцо, ворвался в комнату, обогнул стоявшую посередине большую катушку, свернутую из толстой медной проволоки, подскочил к лабораторному столу. Самописец давно зашакалил, его перо судорожно билось о верхнюю кромку. Цифры на китайском приборе мелькали столь часто, что определить значение было невозможно. Раритетная проволочная рамка из-за быстрых колебаний представлялась цилиндром. Замигал свет и вдруг вспыхнул с неожиданной холодной силой. Мужчина с изумлением уставился на запаянную с двух сторон стеклянную трубку, обычную трубку, без проводов и прочих приспособлений, из обычного, как казалось, стекла, без каких бы то ни было покрытий снаружи или внутри. Слепящий, подстать голливудскому юпитеру свет исходил от нее. Мужчина инстинктивно прикрыл глаза ладонью, тут его уловили характерное потрескивание – кто слышал, тот ни с чем не спутает. Мужчина резко обернулся к катушке. По голому медному проводу, идущему от катушки вверх к антенне, пробегали, потрескивая, яркие искры. «Ох, ё, попыхнет!» – только успел вымолвить мужчина. Как-то нехорошо хрюкнул ноутбук. Мужчина бросился было его выключать, но тут же и замер, наблюдая, как жидкокристаллический дисплей стекает вниз мутными потоками. И еще он почувствовал, что через несколько мгновений он сам растечется по полу грязной лужицей. Мысли метались в голове, грозя пробить черепную коробку, сердце рвалось наружу из грудной клетки, колотя по ребрам с частотой ударов двести в минуту, басовито ныла увеличенная печень, тихо скрипили желудок, скрипели суставы, мышцы подрагивали, стремясь оторвать-

ся от костей, а прямая кишка вдруг наполнилась жидким содержимым, настойчиво желавшим излиться. Мужчина схватил со стола маленькую черную коробочку и бросился вон.

На свежем воздухе резко полегчало, даже неприятные позывы внизу живота сами собой прошли. «Как-то слишком светло, — мелькнула мысль, — или солнце восходит?» Он задрал голову вверх. Вершины гор были еще темны, но прямо над ним волны всеполоха свернулись в воронку, острый кончик которой спускался все ниже, устремляясь — устремляясь прямо к нему. Или к дому, так оно вернее. Где-то далеко и высоко в небе зажглась яркая звезда и стала быстро приближаться, увеличиваясь в размерах. Вот она вошла в раструб воронки... Тут мужчина ощутил дрожание земли под ногами. Откуда-то прилетел маленький камешек и больно ударил в руку. Со стороны гор доносился нарастающий гул, как от сходящей лавины. Дом ходил ходуном, грозя рассыпаться по бревнышку, а торчащая вверх антenna то ли разбрасывала искры, то ли притягивала их — не разобрать, такое вокруг нее было сияние.

«Полный абзац!» — услышал мужчина свой внутренний голос. И повинувшись ему, выхватил из кармана черную коробочку. «Черт, не то! Это не сейчас!» Он принял шарить по карманам, нашел, наконец, мобильник, нажал кнопку вызова. И даже не дождавшись соединения, принял громко кричать:

- Володька, вырубай!
- Что у тебя происходит? — раздался спокойный голос друга.
- Вырубай на хер, тут такое творится!
- Да что творится-то? — крикнул в ответ Володька, не очень, впрочем, обеспокоенный, — Поделись со скучающим другом.
- Вырубай, а то делиться будет некому!
- Даже так? — несколько меланхолично сказал Володька. — Тогда выключаю. Эй-эй, ты чего молчишь? — И уже истощно: — Петька, не молчи!

А мужчина по имени Петр стоял и тупо смотрел на мобильный телефон, безмолвный брускок с темным экраном.

- Петька-а-а! — звенело у него в ушах.
- Ты выключил? — с неожиданным спокойствием сказал мужчина, подняв голову.

Он даже мерно пощелкал пальцами, отбивая ритм, и чему-то удовлетворенно кивнул, заслышиав ответ:

- Уф, ну ты меня и напугал! Выключил. Подожди немного, не сразу дойдет.
- Я знаю, — ответил мужчина, продолжая все также мерно щелкать пальцами и ведя счет.

И вот он поднял руку и щелкнул громко, от всей души. И по этому магическому жесту фокусника вдруг все переменилось и стремглав понеслось вспять. Дом перестал трястись. Сияющий шар вокруг антены поблек и потух. Сияющая воронка на небе стала стремительно укорачиваться, окутала падающую звезду саваном и растворилась вместе с ней в просторах космоса.

Тут что-то тяжелое ударило мужчину в спину, бросило его лицом вниз на траву, навалилось, заломило руки за спину

– Вы можете хранить молчание... Человеческий голос, произносящий набившую оскомину по многочисленным фильмам формулу. Это успокаивало. Но мужчина и так был удивительно спокоен. Он даже успел расслышать шум какой-то возни в лесу и громкий вскрик. И подумать: «А у кабана-то женский голос!»

– Все, что вы скажете, может быть использовано против вас...

– У меня теперь будет время, много времени для того, чтобы все вспомнить и все обдумать еще раз, – произнес мужчина.

Произнес, впрочем, про себя. Ведь все это действительно могло быть использовано против него.

Глава 3

Черная пятница, февраль

День был плохой. Хуже некуда. Чего еще ждать от пятницы, 13-го. Умные люди в такие дни не ходят на работу, а если ходят, то не включают компьютер. И не вскрывают почту, как электронную, так и обычную. Сколько, выходит, он правил нарушил? Целых четыре. А если учесть, что компьютеров было два, дома и на работе, то и все пять. Вот и получил. На полную катушку.

Неприятности начались с утра, вернее, с письма, с письмеца в конверте, погоди, не рви. Порвать-то он порвал, потом, со злости, да что толку? Если твой банк настойчиво напоминает, что у тебя третий месяц недопустимый овердрафт на счете, то тут перехватывай где только сможешь несколько сотен и беги в банк. А то ведь запишут, как грозятся, в ненадежные клиенты, здесь, в Америке, это страшнее сумрака.

А овердрафт откуда? Алименты списали. Таньке, бывшей. Почему так получается? В России жили – не тужили, почти что впроголодь, но дружно. А как сюда приехали, так, насытившись, сразу ссориться начали. Вернее, Танька начала. Говорит, это оттого, что она все время дома сидела и ей не хватало общения. Но если все время дома, то где она своего нынешнего, Юджина, подцепила? И почему с ним она с

Загадка Николы Тесла

удовольствием дома сидит, а по-английски как не говорила, так и не говорит, какое тут общение? Или все дело в том, что дом – свой?

Да бог с ней! Только подумал, как тут же получил от Таньки мейл. На рулише, естественно. Опять денег просит. Ромка, чадо их совместное, попал-таки в школьную баскетбольную команду, теперь ему суперперформа нужна. Вот ведь врет и не краснеет. У них кредит за дом просрочен. Это он казался своим, пока ипотечный кризис не грянул. А ведь придется дать. Ромка в их редкие, строго оговоренные постановлением суда встречи и так смотрит на него как на последнего жлоба. Мамкина работа.

Так и тянулись целый день неприятность за неприятностью. Одна радость впереди маячила – зарплата. Она, конечно, вся уже наперед на обязательные платежи расписана, даже не хватает, но все же приятно. Что же они так затягивают с главным-то? До конца рабочего дня оставалось двадцать минут, а конверт еще не похрустывал в кармане. И тут вызвали к Большому боссу. Не к добру это, мелькнула мысль. Как в воду глядел.

– О, Питер! Рад тебя видеть. Как дела? Как всегда, лучше всех? Проходи. Располагайся. Скотч?

Радущие изливалось из Большого босса, компенсируя скороговорку вопросов, которые не подразумевали ответов. От «Питера» совсем заплохело. Нет, он, конечно, Питер, вернее, Петр, но так его никто не звал, это повелось еще с первого его американского места работы. Когда он представился по своему шутливому обыкновению: «Саров, Арзамас-16», новые коллеги уважительно зашумели: «Как же, знаем! Арзамас-16, Саров! А звать-то тебя как?» Когда, наконец, разобрались, было много смеху. С тех пор и привязалось: Шестнадцатый. И только для официоза осталось: доктор Сарофф или Сароу, кто как прочитывал его сложную фамилию на лейбле.

– Боюсь, Питер, у меня для тебя плохие новости. Пятница, тринадцатое, ничего не поделаешь, – хохотнул Большой босс и отхлебнул виски, – времена нынче трудные, финансирование режут по всем статьям, грант, на котором ты сидишь, не продлевают. Мы бы, конечно, что-нибудь придумали, работать ты умеешь, хотя и сдал что-то в последнее время. Слышал я, увлекся ты Теслой. Нам нравится, когда люди, приезжающие в Америку, интересуются нашей историей, нашими великими соотечественниками, но не в рабочее время. Мы тут проверили твою электронную почту. Шестьдесят процентов посланий относятся к Тесле и все отправлены и получены в рабочее время.

Саров и не подумал возмущаться вторжением в его личный почтовый ящик, это он уже проходил. Здесь хотя бы признались.

– Но это так, мелочи, – продолжал Большой босс, – главное, конечно, финансирование, вернее, его отсутствие. Нам придется рас-

Генрих Эрлих

статься, к глубочайшему моему сожалению, – он протянул Сарову длинный узкий конверт, заменив им последнее рукопожатие.

Саров был внутренне готов к чему-то подобному, но все же застыл на месте, вертя в руках конверт. А Большой босс уже стоял спиной к нему, у большого окна, и весело говорил по мобильному телефону:

– Да, дорогая, все завершил. Сегодня обошлось без происшествий. Не то, что в прошлую черную пятницу. Помнишь, как у меня спустило колесо и мы опоздали в ресторан. Собирайся, я через пять минут выезжаю.

* * *

Саров, глубоко задумавшись о своей горькой судьбине, шел по коридору. Цок-цок-цок, донеслось до него. Он вскинул голову. Мимо прошествовала длинноногая девица. Он неодобрительно покачал головой. Нет, девица была вполне, вот только туфли со шпильками под стать ногам, эти шпильки для их силовых микроскопов были страшнее землетрясения. Впрочем, это же административный этаж, тут все можно, кроме сексуальных домогательств и курения.

Он толкнул дверь и вышел на ажурный мостик, висевший над внутренним двором здания, чудом архитектуры XXI века. Институт нанонауки открыли почти ровно год назад, искусно вписав модерновое здание в сравнительно старый, почти вековой комплекс Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. Главной достопримечательностью верхней части расположенного в форме каре здания были эти самые открытые мостики, или наклонные лестницы, пересекавшие по воздуху внутренний двор и соединявшие разные этажи. Когда Саров увидел их в первый раз, он сильно удивился: как же они ходят по ним в снег и дождь. А потом спохватился: какой снег в Калифорнии, тут и дождя-то не дождешься.

Но главное было под землей: три этажа лабораторий, напичканных супердорогим оборудованием для работ в области нанотехнологий – научной фишкой последних лет, куда вкладывалось все больше денег. Под землю их загнали из-за того, что приборы были очень чувствительны к разного рода колебаниям. Он никогда не думал, что работать под землей так неприятно. Вроде бы и не смотришь во время работы в окно и сидишь к нему спиной, упервшись взглядом в монитор или в стену, но нет такого ощущения ограниченности пространства. И еще тишина, тишина давила. Вот идет он по коридору... Саров натолкнулся на вывернувшего из-за поворота сотрудника соседней лаборатории. Вот о том он и говорит: идешь и ничего не слышишь, ни своих шагов, ни чужих, такое здесь покрытие на полу и стенах. После череды глухих дверей и сплошных простенков вдруг открылась стек-

лянная стена, за ней, как в аквариуме, копошились люди в халатах, шапочках на волосах и бахилах на ногах. «Чистая» комната, такая хирургам и не снилась.

Вот и его лаборатория, слава богу, не чистая, можно не переодеваться при входе. Уже бывшая его лаборатория.

Сборы не заняли много времени. В российских институтах человек быстро обрастает вещами, для работы много чего требуется, а в отделе снабжения снега зимой не выпросишь, вот и приходится все доставать самому. Плюс книги и куча бумаг. Не оставлять же при переходе. Жалко не вещей, жалко времени, которое придется потратить на новом месте для поиска необходимых мелочей. А в Америке со всем – нет проблем, и потому – ничего личного. Все личное, что Саров нарыл в ящиках своего стола, можно было завернуть в носовой платок. Даже традиционной коробки не потребовалось. Оставалось очистить почтовый ящик, да покоцать тестовые файлы. Тут-то комп и заглючил, это уж как водится. Ну и черт с ним! И с ними!

Саров вышел из института и побрел в сторону кампуса. На душе было погано. Русская душа требовала если не дружеского сочувствия, то хотя бы общения. А вот и знакомый бар.

Как же не любил Саров эти обязательные пятничные посиделки всей лабораторией в баре! Колхоз – дело добровольное. Так говорят в России, посмеиваясь над советским прошлым. Оказалось, колхоз – он и в Америке колхоз, такой же добровольный. Невзирая на настроение, желание и самочувствие, ровно два часа крепи единство коллектива. И непременно в пятничной униформе – джемпере и джинсах. Саров и в другие дни отдавал предпочтение «свободному стилю», но в пятницу его неудержимо тянуло напялить пиджак.

Все в сборе, полна коробочка. Пять китайцев, три индуся, трое русских, Эпштейн, Балаян и Загитуллин, мексиканец, две американки, ирландка и полька Кристя, украшение лаборатории. У всех в руках бутылочки «Будвайзера», над длинным составным столом стоит много-голосый гомон, из которого иногда вычленяются знакомые английские слова.

Саров взял в баре банку «Хайнекена», присел к столу. Разговор на мгновение стих. Во взглядах, обращенных на Сарова, сквозит недоумение и смущение, все всё знают, возможно, узнали раньше его. Балаян поднял вверх руку с растопыренными пальцами: «Суки!» Кристия проворковала: «Мне будет не хватать тебя, Шестнадцатый!» – и повела плечами. Что ж ты раньше-то молчала?! Саров хотел развить тему, но Кристия уже отвернулась к Балаяну. Всеобщий разговор возобновился. «Кто же стукнул? И кто залезал в компьютер? – подумал Саров, окидывая взглядом компанию. – Впрочем, какая теперь разница?» Ровно в семь пятнадцать все дружно поднялись. «Ах, как жаль!

Генрих Эрлих

Прекрасно посидели! До понедельника! Увидимся!» Кто-то, проходя, хлопнул Сарова по плечу. И на том спасибо.

Хорошее все же место этот университет. Даже жалко уезжать. Саров медленно брел по аллеям парка. Он всегда выбирал эту дорогу к дому после работы. Круг небольшой, а удовольствия масса. Идеально подстриженные лужайки, альпийские горки со струящейся водой, за-мысловатые клумбы с красивыми цветами. Успокаивает. Там и сям разбросаны скульптуры, множество скульптур, несколько десятков, на все вкусы, даже и на его, довольно консервативный. Подойдешь, по-стоишь, посмотришь, мысли всякие в голову приходить начинают, нет, не всякие, хорошие мысли приходят, иногда и умные. Он даже в выходные приходил сюда. Разогреет гамбургер в микроволновке – они стоят поблизости на специальных подставках, пользуйся кто хочет, усядется на траву – и можно, и чисто, потягивает пиво из банки, упакованной в бумажный пакет, уплетает гамбургер, глазеет по сторонам. Студентки щебечут, разлеглись на траве, за оградой университета вальяжно течет бульвар Сансет, наверху, на горе, огромные буквы складываются в слово «Голливуд». Не пустыня вокруг Лос-Аламоса, там так не полежишь, ему, по крайней мере, не удавалось.

В общем, уходить не хочется. Да и куда ему спешить? От работы до дома рукой подать, пять минут быстрым шагом – еще один плюс этого места. А дом... Что дом? Разве ж это дом! Холостяцкая берлога, выбитая им в целях экономии в так называемом семейном студенческом общежитии. Так называемом, потому что четверть проживающих в нем составляли гомосексуальные пары. Против них, особенно против геев, он ничего не имел, они были вежливыми и тихими, что еще требуется от соседей?

А вот и его апартаменты, студия, если быть совсем точным. Одна большая комната, совмещающая функции спальни, гостиной, кабинета и кухни. Когда живешь один, это даже удобно. И большой портрет Теслы, висящий на стене, отовсюду видно.

* * *

Саров запал на Теслу уже в Америке. Слышал, конечно, и до этого. Все ж таки единица магнитной индукции носит его имя. Эка невидаль! Ом тоже дал свое имя единице сопротивления, это же не повод, чтобы западать на Ома, никто и не западет. А еще Тесла был изобретателем, по версии Советского энциклопедического словаря – всего лишь изобретателем в области электро- и радиотехники, даже не выдающимся. К физике и технике Саров имел самое непосредственное отношение, как-никак закончил Московский инженерно-физический институт, но имя Теслы если и упоминалось на лекциях, то в ряду других, куда более известных имен, в скучнейшем, сугубо прикладном

разделе о переменных токах. Долгие годы Саров почему-то был уверен, что Тесла – чех, а о том, что он почти 60 лет жил и работал в Америке, не знал вовсе.

Началось все курьезно. На одной из вечеринок перед их отъездом в Америку собралась разношерстная компания – родственники, соседи по дому, не очень близкие подруги жены. Выпили, как водится, крепко. Кто-то, кругля глаза и размахивая от возбуждения руками, принялся пересказывать газетную статью о том, что Тунгусский метеорит был, оказывается, не метеоритом и не кометой, и даже не потерпевшим крушение кораблем космических пришельцев, как долгие годы считали ученые. На самом деле, катастрофа, случившая 30 июня 1908 года в районе реки Подкаменная Тунгуска в Восточной Сибири, была не чем иным, как испытанием секретного оружия, изобретенного Николай Теслой. Был редчайший случай, когда Саров оказался единственным физиком за столом, к нему и обратились за разъяснениями, как к эксперту. Он отмахнулся:

– Точно. Испытание. Секретного оружия. А организовала все мировая закулиса.

Шутка оказалась неудачной и только подлила масла в огонь. Сколько он ни уверял потом гостей, что все это бред сивой кобылы, выдумки пьяного ежика, газетная утка, фигня на постном масле, никто ему не верил, даже и обижались. «Сам сказал! Знаешь, а скрываешь. Нехорошо. Мы все люди проверенные». И как он ни отбивался, кто-то засунул ему в карман газетную вырезку со статьей. Каким образом она оказалась в заднем кармане других джинсов, уму не постижимо, мистика. Обнаружил ее Саров уже в самолете и, маясь бессонницей во время долгого перелета, прочитал. Вердикт подтвердился: полный бред. Но зерно было брошено. Он стал искать в Интернете материалы о Тесле, и чем больше читал, тем сильнее увлекался. Вскоре он безоговорочно уверовал и в гениальность Теслы, и в его высшее предназначение, и в то, что далеко не все его открытия, прозрения и изобретений поняты человечеством. Как всякий новообращенный, Саров принял с избыточным, прямо скажем, энтузиазмом проливать свет нового знания на косные и темные массы. Завел собственную англоязычную страничку в Интернете, через которую вербовал новых сторонников в Америке и заодно собирал неизвестные сведения о своем кумире. Правил статью о Тесле в Википедии, когда же в России закрутили интернет-проект Энциклопедии славянских народов, вызвался создать отдельный блок, полностью посвященный Тесле и его работам. Сейчас он писал статью о... роли Теслы в Тунгусской катастрофе. Нет-нет, никакой конспирологии, никакого параноидального бреда, никаких журналистских домыслов, все строго научно, со схемами, фотографиями устройств и даже с кое-какими расчетами.

Глава 4

Работа над ошибками

Ох, не надо было ему садиться сегодня за компьютер. После такого-то рабочего дня. И на исходе черной пятницы. Но, во-первых, привычка, если не зависимость, а во-вторых, все равно делать больше нечего, не телевизор же смотреть. Опять же статью написать нужно. Но не работалось.

Серов сидел и тупо смотрел на главную страницу раздела Энциклопедии славянских народов, посвященного Тесле.

Никола Тесла
ЖИЗНЬ, ОТКРЫТИЯ, ИЗОБРЕТЕНИЯ

1856, 10 июля

Родился в деревне Смилян близ городка Госпич в Хорватии.

«Родился в деревне... – подумал Саров. – Эдак у читателя может сложиться впечатление, что он – крестьянский сын, новый Ломоносов. Конечно, не королевских кровей и не княжеских и не потомок графа Дракулы, как пишут местные журналисты по свойственному американцам географическому кретинизму, но все же один дядя – фельдмаршал, другой – начальник Австрийской военной академии, а третий – епископ Боснии. В Хорватии... В этой бывшей Югославии сам черт голову сломит с национальностями. Надо уточнить, что серб, а то братушки обидятся». Вставил: в родовитой сербской семье.

1875-1886

Учеба в политехническом институте в Граце и Университете Чарльза в Праге.

1881

Работа в Центральном офисе телеграфа в Будапеште. Первое изобретение: усилитель голоса для телефонного приемника, прообраз динамика.

1882-1883

Изобретение врачающегося магнитного поля. Работа в «Континентальной компании Эдисона» в Париже и Страсбурге.

Как можно изобрести врачающееся магнитное поле? Наверно, правильнее сказать, что Тесла его придумал. А уж на его основе изобрел индукционный электродвигатель. Но изобретение так и осталось на бумаге, вернее, в голове. Он всем рассказывал о нем, но никого

оно не заинтересовало. Никто не мог понять величия его изобретения. Он опередил время. Он всегда опережал время. А! – досадливо махнул рукой Саров.

1884

Переезд в США. Работа в компании Томаса Эдисона в Нью-Йорке.

Работал всего год, а потом ушел, не сойдясь с шефом во взглядах на перспективы развития электротехники. Нетривиальный поступок для никому не известного эмигранта без гроша в кармане. Саров примерил ситуацию на себя и честно признал, что он, пожалуй, так бы не поступил. Да и кто бы ему дал? Визы-фигизы, грин-карты и все такое прочее. Даже землекопом не устроишься, как Тесла, который на этих поденных работах целый год кантовался. И вот зигзаг судьбы, возможный, наверно, только в Америке. Бригадир землекопов заприметил трудолюбивого молодого человека, хотя какого молодого – тридцатник стукнул! Выслушал рассказ о его изобретениях и связанных с ними больших надеждах, вывел его на своего знакомого из компании «Вестерн Юнион Телеграф», тот рискнул своими деньгами и привлек к делу еще одного своего приятеля. Так появилась компания «Тесла электрик». Через шесть месяцев после открытия своей лаборатории Тесла собрал три разных комплекта своей системы и подал свою первую заявку на патент. Сэрв прикинулся: в неделю Тесла должен был создавать с нуля не меньше одного нового устройства, которое существовало до этого только в его голове. И это без квалифицированных помощников и готовых комплектующих. Начертить каждую фитильку, закажи, собери, испытай, наконец. Невозможно! Однако сделал. Исторический факт.

1888

Создает систему переменного тока.

Всего-навсего! Но не потрясает, потому что неподвластно уму. Невозможно поверить, что все это электричество, 220 вольт, 50 герц, без которого мы не мыслим своей жизни, вся эта электрическая сеть, от генератора на электростанциях до розеток и ламп в наших квартирах и офисах, созданы одним человеком. Причем созданы не за десятилетия, а практически в одночасье. За этот час мир попал в другую реальность. В прошлой была система постоянного электрического тока, она позволяла передавать электричество на расстояние не более километра, при этом его мощности хватало на сотню лампочек в двадцать пять ватт. Передача электроэнергии на большие расстояния была на грани фантастики, пять миль, восемь, четырнадцать – фиксировались мировые рекорды. В новой реальности передача сотен тысяч

Генрих Эрлих

киловатт на сотни километров стала обыденным делом. Обыденность тоже не потрясает.

Кто был потрясен, так это, несомненно, эксперты Патентного бюро, получившие заявку Теслы. Потому что в ней Тесла изложил все это, всю свою систему. Ведь к чему привыкли эксперты? Что изобретатель претендует на то, что на паханом-перепаханом поле он нашел нетронутый участок. И их задача сводится к тому, чтобы определить обоснованность утверждения изобретателя о нетронутости участка и выявить, нет ли на нем чужого заявочного столба. А Тесла явил их взорам огромное поле девственной целины, которое он полностью, без просветов для поколений будущих изобретателей, покрыл одной заявкой. То, что действительно девственная, и то, что покрыл, – в этом сомнений не было. Теслу лишь попросили разделить сводную заявку на несколько отдельных. Следующие несколько месяцев они только тем и занимались, что выдавали Тесле патенты, один за другим.

«Подает заявки и получает 30 патентов, охватывающие все аспекты получения и использования переменного тока: генераторы, одно- и многофазные двигатели, системы распределения, многофазные трансформаторы и т.д.», – вставил Сэров. Все равно сухо, подумал он.

1889

Изобретение люминесцентных ламп.

Поразительно, но мы до сих пор пользуемся лампами накаливания. Которые почему-то перегорают все быстрее и быстрее, с досадой заметил Саров. Итак, пользуемся лампами накаливания, изобретенными Эдисоном аж в 1879 году. Большинство людей уверены, что люминесцентные лампы, или лампы дневного света, были изобретены намного позже, где-нибудь в середине XX века. Между тем изобрел их Тесла и всего через десять лет после изобретения Эдисона. Его система позволяла получать токи любой частоты, в том числе и высокой, и он стал пропускать эти токи через различные тазы и воздух при разных давлениях. Так он получил свет, который превосходил по яркости все полученное ранее. В лампе Эдисона светится раскаленная нить, в лампах Теслы – газ, в них нечему перегорать. Тесле удалось повысить яркость свечения за счет покрытия поверхности лампы люминофором, так появились люминесцентные лампы. А еще Тесла предложил заполнять лампы неоном, он даже изгибал стеклянные трубки в виде букв и геометрических фигур и демонстрировал их на своих лекциях. По прошествии десятилетий это воплотилось в жизнь – так это проект «всемирного освещения». Тесла предложил его в 1914 году. На больших вы-

сотах атмосферные газы находятся в том же состоянии, что в использованных им трубках с частичным вакуумом. И если через верхние слои атмосферы пропустить ток определенной частоты, то воздух за светится, вся Земля превратится в исполинскую лампочку. Очень удобно, и вполне возможно, что энергии на это потребуется не больше, чем на уличное освещение. Тесла заявил, что не видит никаких трудностей в технической реализации этого проекта. Если перевести с языка Теслы на нормальный человеческий, это означает, что он видел, как это можно сделать. Ну почему он ничего не записывал!

1890

Изобретает высокочастотный генератор тока. Открывает тепловое воздействие высокочастотных токов на организм и предлагает использовать их в лечебных целях.

Микроволновые, или СВЧ-печи тоже от Теслы и когда еще были изобретены, а всем кажется, что они появились на нашей памяти.

1891

Изобретает карборундовую лампу.

Плохо написано. Что такое СВЧ-печки, знают сегодня все, а вот что такое карборунд и тем более карборундовая лампа, знают единицы. Вот он в студенческие инженерно-физические годы не знал, честно признался Саров, хотя должен был бы знать. Потому что из пустого пространства круглой пятнадцатисантиметровой лампы Тесла извлек, как фокусник из шляпы, целую россыпь кроликов, то есть открытый. На первый взгляд эта лампа была похожа на лампу накаливания: внутри ее находился кусочек тугоплавкого материала – карборунда, подсоединенный к источнику высокого, быстро меняющегося напряжения. Но светила эта лампа вдвадцать раз сильнее, чем лампа накаливания, потребляя то же количество электроэнергии.

Она походила на миниатюрное Солнце. Саров представил много-кратно описанную демонстрацию Теслы на его лекциях. Тесла брал в одну руку выводной провод своего высокочастотного трансформатора, а в другую – свою карборундовую лампу. Он поднимал руку с лампой вверх, и в этот момент ассистент включал рубильник. Ток напряжением в сотни тысяч вольт проходил через тело Теслы, и искусственно Солнце вспыхивало в его руке, ослепляя аудиторию. Эффектно!

Светился не карборунд, светился газ в лампе. Молекулы газа с огромной силой били по электроду, в свою очередь раскаляя его до бела. Увеличивая силу тока, можно было расплавить и даже испарить почти любое вещество – алмаз, рубин, самые тугоплавкие металлы. А при определенных условиях рубин не испарялся, а как бы накачивал-

Генрих Эрлих

ся энергией и выдавал узкий пучок белого света. Тесла демонстрировал его на своих лекциях. Через шесть десятилетий это назвали лазером, рубиновым лазером.

В других условиях на стеклянной поверхности лампы появлялись быстро меняющиеся картины. Тесла предположил, что это изображение микроскопического участка электрода, с которого вылетают заряженные атомы. Теперь мы знаем, что это электроны. Так работает электронный микроскоп, который позволяет увидеть изображение микроскопических объектов. В сущности, Тесла изобрел электронный микроскоп, но он не мог так его назвать, потому что электрон в то время еще не открыли. Все-таки удивительные у него были прозрения! Уподобив свою карборундовую лампу рукотворному Солнцу, Тесла вскоре понял, что это больше, чем красочная метафора. Солнце, подобно электроду его лампы, выбрасывает поток мельчайших частиц, обладающих огромной энергией. Но вокруг Солнца нет барьера в виде стеклянного купола, поэтому этот поток уносится в космическое пространство и с неизбежностью должен достигнуть Земли, бомбардируя ее и разрушая материю. Тесла сообщил, что он обнаружил эти частицы и измерил их энергию. Ученым начала 90-х годов XIX века это показалось фантастикой.

Через тридцать лет Артур Комптон открыл космические лучи, состоящие из движущихся с огромной скоростью частиц материи. Еще через десять лет Фредерик Жолио, зять Пьера и Мари Кюри, открыл явление искусственной радиоактивности обычных веществ при бомбардировке их подобными частицами. Нечто подобное Тесла и предсказывал, вот только слово радиоактивность не употреблял, потому что ее открыли через пять лет после его работ.

Саров написал: *Открыл лазер, электронный микроскоп, космическое излучение, предсказал явление искусственной радиоактивности.* «Это три или четыре Нобелевские премии? – принял вспоминать Саров. – Нет, четыре или пять?» – спохватился он, переведя взгляд на следующую строчку.

1892

В лекциях описывает «сильное и загадочное излучение» – рентгеновские лучи.

«Ну и ляп, – подумал Сэров, – вот что значит сила стереотипа». Как же Тесла мог описать рентгеновские лучи до Рентгена? Правиль-но, никак. Он описывал необычный вид излучения, полученного им в его лампе с молекулярной бомбардировкой. Изучение проходило через металл и порождало изображение на фотографических пластинах. Сообщение об этом излучении шло в череде других, куда более интересных, и не привлекло внимания слушателей. Собственно, и сам

Тесла не придавал ему большого значения и никогда не считал, что имеет какой-то приоритет в его открытии. Когда в конце 1895 года сообщение Рентгена всколыхнуло научную общественность, Тесла послал Рентгену некоторые из полученных им ранее изображений. «Изображения очень интересны. Не будете ли вы так любезны и не сообщите ли мне, каким образом они получены?» – ответил изумленный Рентген. Пока шла переписка, Тесла, опираясь на результаты своих предшествующих экспериментов, совершил большой рывок вперед, намного опередив других исследователей в этой области. Пока они пытались выжать из подобия описанной Рентгеном трубы излучение, достаточное для получения теневых изображений рук и ног, расположенных в непосредственной близости от лампы, Тесла делал снимки черепа с расстояния в пятнадцать дюймов. Череп был, естественно, самого Теслы: как истинный ученый, он экспериментировал в первую очередь на себе. Все это было столь необычно для того времени, что «Нью-Йорк Таймс» поместила огромный снимок черепа Теслы на первой странице.

Саров стер слово «рентгеновские» и вставил X-. Тоже, конечно, неправильно, но неспециалист воспримет это как «загадочные лучи». Люди любят все загадочное.

1893

Изобретает беспроводную систему телеграфии.

Откуда я скопировал эту глупость? Да понятно откуда. Так написано во всех академических монографиях, канонических биографиях, на всех официальных сайтах. Кто из молодых сейчас знает, что такое телеграф? А у старшего поколения телеграф ассоциируется с чем-то допотопным, с ползущей из громоздкого аппарата бумажной лентой, которую затем разрывают на кусочки и наклеивают их на бумажный бланк телеграммы. Беспроводную? А что здесь удивительного? Ведь было же радио, которое, как известно всему миру, изобрел Маркони в 1897 году, или в 1895 году Александр Попов, в чем уверяли население шестой части суши.

Между тем в нескольких лекциях 1893 года Тесла описывал и демонстрировал устройства для беспроводной передачи энергии в форме электромагнитных колебаний. Тогда же он предлагал провести эксперимент с наземным источником энергии и кораблем, находящимся с открытым море. «Даже если при этом нельзя будет передать энергию для питания оборудования, то уж информацию можно будет передать наверняка», – заключил он. Тогда же он привел перечень необходимых компонентов устройства для беспроводной связи: антенна или направленный вверх провод; заземление; контур из индуктивности и емкости; регулируемая индуктивность и емкость для настройки;

Генрих Эрлих

передатчик и приемник, настроенные в резонанс друг с другом; ламповые детекторы. Если кто-нибудь скажет, что это не радио, то он ничего не понимает в радио.

Через два года двадцатилетний Маркони начал экспериментировать с вибратором Герца, который Тесла отверг за несколько лет до этого. Не добившись никакого результата, он скопировал устройство Теслы и, искусно завуалировав его суть, получил патент. Знала кошка, чье мясо съела. В 1900 году после наделавших много шума испытаний его устройства Маркони в поисках инвесторов прибыл в Нью-Йорк. В программе его пребывания значилась и научная лекция, которую посетил Тесла. «Когда он узнал, что я в зале, ему стало плохо, он отменил лекцию и до настоящего времени так и не прочел ее», – вспоминал несколькими месяцами позже Тесла. Что, впрочем, не помешало Маркони искать встречи с великим мастером, а тому, в свою очередь, принять молодого выскочка в своей лаборатории и даже разъяснить ему принципы действия некоторых новых устройств.

Неизвестно, каким ученым был Маркони, но как предприниматель он мог дать Тесле сто очков вперед. А еще он был выдающимся рекламным агентом, саморекламным. Много лет Тесла терпеливо сносил восхваления Маркони, но в конце концов не выдержал и, дойдя до Верховного суда США, добился признания своего приоритета. Патент Маркони был признан недействительным, что, впрочем, ничего не значило, так как срок его действия давно истек. Тем не менее Маркони, спасаясь от исков Теслы, пришлось какое-то время жить на корабле в море за пределами территориальных вод США.

Саров решительно выдохнул и написал: *Изобретает радио.*

1894-1897

Строительство первой гидроэлектростанции на Ниагарском водопаде.

Электростанция на Ниагарском водопаде – сама по себе грандиозная идея, могущая прийти в голову только предпримчивым американцам с их гигантоманией. Но большего восхищения заслуживает то, что это была первая гидроэлектростанция, американцы решили не размениваться на ерунду, на всякие мелкие речушки, зарабатывать – так миллион, иметь – так... Ниагарский водопад. Специальный приз – за рекордно быстрое внедрение новой технологии. Ведь проект электростанции начали разрабатывать до появления системы переменного тока Теслы, она была последней из представленных на конкурс проектов. Она еще толком нигде не работала, так что члены комиссии не могли оценить ее достоинства в действии, а многие выдающиеся ученые, включая лорда Кельвина, отдавали предпочтение системе постоянного тока Эдисона, тоже, впрочем, усовершенствованной Тес-

лой. Тем не менее члены комиссии проявили гениальную интуицию, отдав предпочтение системе переменного тока. И поныне на здании электростанции красуется табличка с перечнем использованных патентов: Тесла, Тесла, Тесла, Тесла... *Все электротехническое оборудование разработано Николой Теслой*, – приписал Саров.

1894-1895

Изобретает механические осцилляторы и генераторы электрических колебаний.

1896-1898

Первые патенты по беспроводной передаче энергии.

Тесла всегда работал, не оглядываясь на конкурентов. Он считал, что опережает их на годы, если не десятилетия. У него были на это основания. Но иногда его стремление дать миру готовое решение глобальной проблемы, имеющее тысячи приложений, играло с ним злую шутку. Конкуренты, сосредоточенные на решении частной проблемы, успевали урвать свой кусочек пирога. Как в случае с радио. Теслу интересовала беспроводная передача энергии, маломощные радиоволны были лишь одним из боковых ответвлений. Поэтому он после успешных демонстраций на лекциях 1893 года не спешил оформлять патенты. Первый патент на «передачу электрической энергии в естественной среде» появился в 1896 году, и затем они хлынули как из рога изобилия – за пять лет Тесла получил 33 патента, которые, как и в случае системы переменного тока, практически полностью покрыли новую область техники, так что несколько лет другие изобретатели не могли найти незастолбленный участок.

Тесла показал, как можно передавать электроэнергию без проводов. Человечество еще не пришло в себя после эпохального прорыва в передаче энергии по проводам практически на любое расстояние, а Тесла на открытии первой гидроэлектростанции на Ниагаре заявил буквально, что эта система уже устарела и у него есть новое решение. Не удивительно, что многие присутствующие сочли, что Тесла перетрудился и у него поехала крыша.

Поехала настолько, что он стал заниматься игрушками. Через год Тесла устроил эффектную демонстрацию одной такой игрушки: в Медисон-сквер-гардене в Нью-Йорке был установлен большой резервуар, в котором плавала лодка с закрытым металлическим корпусом длиной около метра. Внутри лодки были скрыты электродвигатели, из центра крыши корпуса торчал вверх тонкий металлический стержень неизвестного посетителям назначения – антенна. В дальнем углу зала находился пульт, с которого Тесла дистанционно управлял движением лодки посредством передачи радиосигналов. Впрочем, большинство

Генрих Эрлих

посетителей вряд ли осознало последнее, ведь в эти дни газеты тру-
били о сенсационном достижении Маркони: впервые передан без про-
водов сигнал – три точки азбуки Морзе!

Прошел год, и Тесла описал еще одну «игрушку»: радиоуправляемый снаряд с реактивным двигателем. «Может быть, хорошо, что он не продемонстрировал опытный образец?» – подумал Саров.

1899

Строит лабораторию в Колорадо-Спрингс, раскрывает природу молнии.

А как раскрыл, так научился получать гигантские молнии иску-
стственно с помощью высокочастотного трансформатора, вошедшего в
историю как катушка Теслы, дававшего напряжение в 12 миллионов
вольт. Чего он только не сделал в этой лаборатории в горах! Кто б
точно знал!

1900-1905

*Строительство передающей башни в Уорденклифе на Лонг-
Айленде под Нью-Йорком для всемирной системы передачи ин-
формации и энергии.*

«Удивительное дело! – подумал Саров. – С одной стороны, по об-
щему мнению современников и биографов, Тесла был на редкость не-
практичным человеком, в том смысле что не доводил большинство
своих изобретений до коммерческого использования, этим занима-
лись другие, они же и получали львиную долю прибыли. С другой сто-
роны, стоило Тесле получить чек на круглую сумму от одного из круп-
нейших финансистов того времени – Пирпонта Моргана, как он немед-
ленно приступил к реализации своего самого грандиозного проекта –
созданию ни много ни мало всемирной системы передачи информа-
ции и энергии. На меньшее он был не согласен». Не хочу, чтобы мою
работу путали с дилетантской работой других экспериментаторов, го-
ворил он, намекая на Маркони.

«Интересно, – продолжал размышлять Саров, – обманул Тесла
Моргана или нет?» Биографы Моргана уверяют, что тот намеревался
финансировать строительство первой радиостанции для быстрого по-
лучения информации о гонках яхт в Атлантическом океане. Радио де-
лало тогда самые первые шаги, и даже такая задача выглядела пре-
делом возможного. Но Морган был не тем человеком, которого можно
обмануть. Да и как обмануть, если в брошюре, вышедшей в 1900 году,
Тесла привел перечень задач, которые он намеревался решить с по-
мощью своей системы. Саров кликнул мышкой, и на экране появился
этот перечень.

Загадка Николы Тесла

1. Объединение существующих телеграфных станций по всему миру.
2. Создание тайной и недоступной для посторонних правительственные телеграфной службы.
3. Объединение всех существующих в мире телефонных узлов или станций.
4. Передача посредством телеграфа или телефона по всему миру главных новостей для печати.
5. Основание всемирной системы передачи информации исключительно частного характера.

«Воплотилось через 80 лет в электронной почте и Интернете», – подумал Саров. А ведь Тесла сразу предлагал сделать это в беспроводном варианте. У него были патенты на одновременную передачу множества сообщений на одной частоте, они обеспечивали невероятно высокую пропускную способность системы и одновременно препятствовали несанкционированному доступу к частной информации. Патенты так и остались нереализованными по сей день.

6. Объединение и эксплуатация всех существующих в мире биржевых аппаратов для передачи котировок ценных бумаг.
7. Основание общемировой системы музыкального вещания.
8. Отсчет времени во всем мире по недорогим часам, работающим с астрономической точностью и не требующим никакого обслуживания.
9. Передача знаков, слов, звуковых сигналов и т.д., а также машинописных и рукописных текстов.

Самое удивительное, что телекоммуникации были созданы до радио, и Тесла внес в него существенные усовершенствования.

10. Создание общемировой службы поддержки судоходства, помогающей в навигации, в определении местонахождения и скорости корабля, в предотвращении столкновений и катастроф и т.д.
11. Организация системы мирового печатного дела на суше и на море.
12. Репродукция фотографий, а также любой графики и документов с любой точки земного шара.

Нет, все-таки, похоже, обманул. В брошюре, интервью и газетных статьях Тесла говорил о передаче информации, но строил систему, как он признался чуть позже, для передачи энергии. Эта станция, говорил он, позволит получать электрические мощности до десяти миллионов лошадиных сил и рассчитана на обслуживание всех возможных технических достижений без лишних затрат. Были определены и

Генрих Эрлих

сроки введения в эксплуатацию первой силовой станции в Уорденклифе: девять... месяцев. За ней должны были последовать станции на западе Европы, скорее всего, в Великобритании, в России (об этом была достигнута договоренность с царским правительством) и в Южном полушарии.

В Уорденклифе началось грандиозное строительство. Была возведена башня высотой 47 метров, увенчанная медной полусферой диаметром 30 метров и высотой 15 метров. Под башней была пробита шахта глубиной 40 м, набитая каким-то не известным никому оборудованием. Тесла заказывал в огромных количествах детали необычной конструкции, которые превращались на месте в генераторы, осцилляторы и двигатели. Бригада стеклодувов изготавливала лампы для передачи и приема радиосигналов. Было это за двенадцать лет до того, как Де Форест изобрел... радиолампы, вернее, получил на них патент. Лампы Теслы погибли под руинами Уорденклифа, и тайна их устройства и производства умерла вместе с Теслой.

Несмотря на огромное количество осложнений с финансированием и поставками оборудования, Тесла не сильно ошибся в сроках строительства – на все про все ушло порядка полутора лет. Тесла был настолько уверен в успехе своего проекта, что в 1903 году заявил в газетном интервью, что на будущей международной выставке в Париже лампы будут гореть от электричества, передаваемого без проводов с электростанции на Ниагарском водопаде.

И в доказательство этого он провел первое полномасштабное испытание своего передатчика. Случилось это 15 июня 1903 года, ровно в полночь. Вот что писала об этом на следующий день газета «Нью-Йорк Сан». Саров еще раз кликнул мышкой. «Живущие вблизи лаборатории Теслы на Лонг-Айленде больше чем заинтересованы его опытами по беспроводной передаче энергии. Прошлой ночью мы были свидетелями странных феноменов – многокрасочных молний, собственноручно испускаемых Теслой, затем воспламенения слоев атмосферы на разной высоте и на большой территории, так что ночь ментально превращалась в день. Случалось, что весь воздух на несколько минут был наполнен свечением, сосредоточенным по краям человеческого тела, и все присутствовавшие излучали светло-голубое мистическое пламя. Сами себе мы казались призраками».

То-то общественность, наверно, возбудилась, усмехнулся Саров. Как-то подозрительно быстро заглох проект после этих испытаний. Кто-то говорит, что Тесла сам свернул работы, что не раз случалось в его жизни, когда он вдруг заглядывал за край и видел там нечто угрожающее, доступное только его пониманию. Большинство, всегда правое, видит причину в прекращении финансирования, споря лишь о том, почему Морган скоропалительно отказался от этого проекта.

Загадка Николы Тесла

Станция была законсервирована, и Тесла лишь изредка наезжал туда. Летом 1917 года башня вместе со всем оборудованием была взорвана, правительство Соединенных Штатов сочло, что это слишком заметный ориентир для немецких подлодок. «Как будто в Нью-Йорке и окрестностях не было других внушительных сооружений, – с грустью подумал Саров, – я бы лично с радостью взорвал статую Свободы, надоела она, и статуя, и... » Он махнул рукой.

1906

Создает принципиально новую конструкцию жидкостных, паровых и газовых турбин.

Странный, на первый взгляд, зигзаг. Все предыдущие изобретения Теслы были так или иначе связаны с электричеством, и вдруг – турбины. Но ведь в то время большую часть электроэнергии получали с помощью паровых машин возвратно-поступательного типа, не изменившихся принципиально со времен Ватта. Правда, появились и первые промышленные турбины, потомки ветряных и водяных мельниц, в них поток пара или воды ударял в лопатки, закрепленные на валу турбины, и тем самым вращал ее. В турбине Теслы поток ни во что не ударял, он проходил вдоль дисков, насаженных на ось, которая тем не менее вращалась. Да еще как! Первая турбина, собранная Теслой, имела толщину около 3 см, диаметр 15 см и весила меньше килограмма. При подаче в нее пара или сжатого воздуха она давала двадцать тысяч оборотов в минуту и развивала мощность в тридцать лошадиных сил. Движок в целом «умещался в шляпе». Тесла немедленно предложил лозунг, который красовался на его частных печатных бланках и конвертах: «Двадцать лошадиных сил на фунт веса». В сущности это была даже не цель, а констатация реальных возможностей. В конечном итоге Тесла стал использовать непосредственно газы, образывающиеся при сгорании масла. Не требовалось ни парового котла, ни компрессора для получения сжатого воздуха, мощность многократно возросла, а конструкция двигателя была доведена до гениальной простоты. Самая большая турбина, собранная в те годы по чертежам Теслы, имела диаметр полтора метра. Дело было за малым – за предпринимателем, который бы обладал верой, энергией и деньгами, достаточными для того, чтобы довести изобретение до промышленного использования. Такового не нашлось, а крупные компании типа «Дженерал электрик», работавшие в этой области, уже сделали ставку на турбины другой конструкции. Лошадей на переправе не меняют. Очередное изобретение Теслы легло в стол, где и вылеживалось несколько десятилетий, пока интерес к нему не возродился.

1908

???

В который раз Саров размышлял над этими вопросами. Имел Тесла самое прямое отношение к Тунгусской катастрофе или все же не имел? Сделать это он принципиально мог, недаром в 1907 году он написал в письме в «Нью-Йорк Таймс»: «Относительно проецирования волновой энергии на любую отдельную область земного шара. Это может быть выполнено моими устройствами... Место, на которое требуется провести воздействие; может быть вычислено очень близко, если принимать правильные земные размеры». А в следующем году уточнил: «Когда я говорил относительно военных действий в будущем, я подразумевал, что они должны быть напрямую связаны с применением электрических волн без использования воздушных аппаратов или других орудий разрушения. Это – не мечта. Даже теперь могут быть построены беспроволочные энергетические установки, под действием которых любая область земного шара могла бы быть превращена в непригодную для проживания, не подвергая население других частей серьезной опасности или неудобству». Выходит, что Тесла думал над этим, а под рукой у него была станция в Уорденклифе, которая, правда, уже несколько лет не функционировала. Хотя кто знает? Там оставались служащие, и сам Тесла периодически приезжал туда. Большим препятствием было отсутствие денег, то есть полное отсутствие. Но именно это могло подвигнуть Теслу на рискованный шаг – яркую демонстрацию возможностей его системы, чтобы привлечь потенциальных инвесторов.

Попробуем зайти с другой стороны. Описание Тунгусских событий не противоречит гипотезе об энергетическом ударе мощностью в десятки мегатонн, как сказали бы четыре десятилетия спустя. Чему оно противоречит, так это версии кометы или метеорита, следов которого, несмотря на тщательные поиски, так и не нашли. Собственно, это и породило множество версий относительно причин катастрофы, вплоть до крушения корабля инопланетян. Саров даже сплюнул от возмущения, не верил он во всякие НЛО и космических пришельцев, пусть даже его кумир утверждал, что он установил с ними связь. Саров верил в данные физических измерений, а они зафиксировали в ночь катастрофы многочисленные изменения в электрическом и магнитном полях Земли. На размышления наводили и рассказы очевидцев о событиях той ночи, очевидцев, которые не знали о том, что произошло в центре Сибири. В Берлине наблюдали нечто, похожее на Северное сияние. В северной Европе видели массивные пылающие серебристые облака. Ученый из Голландии идентифицировал увиденное как пульсирующую массу, перемещающуюся поперек северо-западного

горизонта, казалось, что в атмосфере происходит некое волновое движение. Свечение неба продолжалось всю ночь, причем оно было столь ярким, что в его свете можно было читать крупный текст. Все это очень напоминало описания результатов испытаний в Уорденклифе.

Но все же не мог Тесла сознательно нанести удар по Сибири, ведь в результате с лица земли были сметены несколько деревень. Тесла ненавидел разрушение и смерть, даже если бы кто-то уверил его, что в этой тайге нет ни одного человека, он ответил бы, что там есть птицы и звери. Другое дело, что он мог ошибиться в расчетах, ведь точные размеры Земли в то время не были известны. Акела промахнулся... Кратчайшая линия, соединяющая Лонг-Айленд с районом Подкаменной Тунгуски, проходит поблизости от Северного полюса. В те дни Северный полюс был у всех на устах, к нему намеревался отправиться Пири. Тесла вполне мог решить, что лучшего времени и места для демонстрации возможностей своей системы беспроводной передачи энергии ему не найти. Решить мог, но вот решил ли? Саров в который раз пришел к тому, с чего начал.

1912

Номинаций на Нобелевскую премию.

Темная история. Даже в годе выдвижения есть разнотечения, одни биографы приводят 1912-й, другие – 1915-й. Казалось бы, чего проще, обратитесь в Нобелевский комитет в Стокгольме. Но Комитет хранит тайны не хуже Интеллиджанс Сервис или ЦРУ, публикуя архивы лишь по прошествии пятидесяти лет. Но и тогда в них зияют дыры, отсутствуют некоторые карточки для голосования. Одна из таких дыр прислалась как раз на 1915 год.

О присуждении Нобелевской премии по физике Тесле и Эдисону как о почти неизбежном факте сообщила в ноябре 1915 года на первой полосе «Нью-Йорк Таймс». Что ж, Эдисона в том году выдвигали, и он тоже не получил премии. Тесле и Эдисону – возможно, в этом таится разгадка? Ведь недаром говорили, что Тесла отказался от Нобелевской премии, отказался получать ее вместе с Эдисоном. Эдисон – изобретатель, всего лишь гениальный изобретатель полезных устройств, «усовершенствованных мышлевок», как неоднократно говорил Тесла. Себя же он относил к открывателям новых сфер знания, новых принципов, руководствуясь которыми изобретатели создавали разнообразные устройства. Как можно ставить их с Эдисоном на одну доску? Да что Эдисон! Ведь есть еще Маркони! «Человек присоединяется к моей катушке некий разрядник и получает Нобелевскую премию!» – в запальчивости писал и говорил Тесла. На этом фоне Эдисон достоин дюжины Нобелевских премий, добавлял он. Нобелевский ко-

Генрих Эрлих

митет справедливо счел это издевательской насмешкой, не столько над Эдисоном, сколько над ним. Когда же Тесла заявил, что за любое из его изобретений он готов отдать все Нобелевские премии за следующую тысячу лет, премия ему больше не светила, по крайней мере, в ближайшую тысячу лет. «Ну и что, – подумал Саров, – мало ли выдающихся ученых так и не получили Нобелевскую премию? Это только в Советском Союзе трижды не-лауреат Государственной премии приравнивался к единожды не-лауреату Ленинской, да и то в шутливых рейтингах. Мир помнит только победителей, а любое поражение умаляет славу». Так рассудив, Саров вычеркнул этот пункт из жизнеописания Теслы.

1928

Патентует самолет вертикального взлета.

1931

Демонстрирует беспотливый двигатель.

Последние 15 лет жизни Теслы – сплошная загадка. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал интенсивно работать, но очень скромно рассказывал о результатах своей работы. Его отрывочные заявления порождали громкие сенсации, недоуменные вопросы и множество самых невероятных слухов. Он не утруждал себя объяснениями, вероятно, окончательно разуверившись в способности современников понять суть его идей. Он не объяснял даже принцип действия создаваемых им образцов устройств. Взять хотя бы этот двигатель...

Тесла прибыл на завод компании «Пирс-Эрроу» в Буффало, снял с нового автомобиля этой компании бензиновый двигатель и заменил его электромотором переменного тока мощностью в 80 лошадиных сил без каких бы то ни было внешних источников питания. «А на чем он будет ездить?» – резонно спросили инженеры завода. «Будет вам энергия», – спокойно ответил Тесла и отправился в ближайший радиомагазин. Там он купил 12 электронных ламп, немного проводов, горсть различных резисторов и собрал из них какую-то электросхему в коробке размером 60x30x15 см, из которой наружу торчала только пара стержней длиной в палец. Он соединил эти стержни кабелем с электромотором, сказал: «Вот вам энергия!» – сел за руль и... поехал. Машина ездила неделю на скорости до 150 км/ч, привлекая толпы инженеров, журналистов и просто зевак. Разговоры крутились вокруг одного: в чем суть «трюка», ведь вечных двигателей не бывает. Те, кто не знал последней истины, склонялись к черной магии. Когда Тесле надоели эти комментарии, он снял с машины электромотор и таинственную коробку и был таков.

И вот уже семьдесят пять лет ученые, веряющие а) в эту историю и б) в отсутствие «трюка», на которые был горазд Тесла, пытаются понять, что же было в той коробке? Или в электромоторе, который тоже нельзя сбрасывать со счетов, потому что Тесла привез его с собой, а не купил в магазине. Пытался и Саров. Выходило, что в принципе такое возможно. Конечно, это не был вечный двигатель в строго научном понимании этого термина. Источником энергии могло выступать земное электричество. Земля, как известно, заряжена отрицательно. Положительно заряженные частицы космического излучения тормозятся в ионосфере – верхней части атмосферы. Между Землей и ионосферой – воздух, то бишь изолятор. Получаем классический конденсатор, в котором запасена огромная энергия, которая вдобавок подпитывается за счет солнечного излучения. Тесла каким-то образом научился черпать энергию из этого неиссякающего источника. Вариантов здесь несколько. Можно, например... Нет, нет, остановил себя Саров. Не будем измываться над потенциальным читателем. На пальцах не объяснить, а если изложить как положено, то понять можно только при наличии специального, ну очень специального образования. Так что дадим гиперссылки на сайты, где все это детально обсасывается, пусть тот, кому это интересно, туда обращается.

А с этим что делать? Он посмотрел на следующие строки.

1936

Делает проектные предложения по оборонительному оружию, известному как «лучи смерти».

1936-1942

Разрабатывает систему защиты от излучения радаров – технология Стелс.

Вокруг всего этого столько всяких сплетен... Источником их был, в первую очередь, сам Тесла, который любил давать интервью и писать письма в редакции газет. А уж журналисты были горазды расцвечивать досужими домыслами любое его заявление. С другой стороны, известно, как ФБР охотилось за бумагами Теслы и то, что не все его работы рассекречены даже в наше время. Опять же, технология Стелс есть, лазерное оружие есть, как и многое другое, над чем работал и о чем писал Тесла. Теперь уже не докопаться, его это разработали или нет.

1943, 7 января

Скончался в Нью-Йорке.

Шестого или седьмого – какая в сущности разница! Все отступает перед непреложностью, неотвратимостью и необратимостью смерти. Остается голый факт.

Глава 5

Игра

Саров посмотрел на часы. Однинадцать. Еще час, и этот треклятый день кончится. Из иконки в правом нижнем углу дисплея выскочила фигурка почтальона с письмом в руках. «Выскочил из иконки как черт из табакерки», – усмехнулся Саров. Что же ты мне принес? Или не смотреть, отложить до завтра?

Письма ему приходили разные, случалось, что и от форменных сумасшедших. Льнут психи к загадочным явлениям и мистическим фигурам и своими воплями вкупе с бредовыми измышлениями дискредитируют Идею! Взять тех же «Наследников Теслы». На эту группу Саров натолкнулся случайно во время блужданий во Всемирной паутине. Или они сами на него вышли? А, неважно! Сайт у них был хороший, Саров почерпнул с него несколько поразительных фактов из жизни Теслы, вот только слишком большое внимание уделяли они всяким паранормальным штучкам. А уж когда завязалась переписка, они просто задолбили его всякими вопросами о тонкой материи, ментальных планах, структуре эфира и возможности обращения времени. Насилу отвязался.

Но как не посмотреть письмо? А вдруг... Даже большие боссы во время судьбоносных совещаний не могут удержаться от того, чтобы посмотреть поступившее по электронной почте послание. И ведь знают наверняка, что ничего неотложного или даже сколько-нибудь важного в нем нет, но рука сама кликает мышкой, а глаза скашиваются на дисплей компьютера. Говорят, что от этого уже лечат, стационарно, с переменным успехом.

Вот и Саров кликнул.

«Дорогой доктор Саров,

я располагаю документами, подобранными и составленными Николой Тесла в последние дни его жизни. Зная ваш искренний и бескорыстный интерес к наследию великого мыслителя и изобретателя, я готов предоставить эти документы в ваше полное распоряжение. Буду

Загадка Николы Тесла

благодарен за быстрый ответ. Насколько я могу судить, документы представляют чрезвычайную важность.

Искренне ваш,
Фрэнсис Клиффорд».

Саров хмыкнул. Очередной сумасшедший? Вполне вероятно. Но просто так отмахиваться нельзя – в жизни случаются удивительные вещи! Прощупаем осторожненько. В том же канцелярском стиле.

«Дорогой мистер Клиффорд,
очень признателен за ваше письмо. Любая информация о жизни и творчестве Николы Теслы чрезвычайно важна для искренних почитателей его гения. Тем более когда речь идет о документах, составленных самим изобретателем в последние дни его жизни.

Как известно, архив Николы Теслы после его смерти и последовавшей долгой тяжбы с официальными органами был передан наследникам Теслы и в настоящее время находится в музее Теслы в Белграде. Вы располагаете копиями этих документов?

Искренне ваш,
Питер Саров».

О наследниках Теслы он упомянул нарочно. Если адресат из «Наследников Теслы», то непременно проговорится, а то и взовьется: это мы истинные наследники! Тут и сказке конец.

Ответ не заставил себя ждать.

«Дорогой доктор Саров,
не ожидал столь быстрого ответа. Спасибо. Предвижу ваше удивление, но как бы то ни было, часть из попавших в мои руки документов являются рукописными оригиналами, на одном из них стоит дата – январь 5, 1943. Допускаю, что копии некоторых из этих документов могут находиться в музее Теслы в Белграде или в других местах, но они закрыты для ознакомления. В противном случае о них было бы известно. Они не могли пройти незамеченными, их публикация вызвала бы громкую сенсацию».

5 января 1943 года – день, когда Николу Теслу последний раз видели живым. Уже интересно!

«Дорогой мистер Клиффорд,
вы меня действительно удивили, все мемуаристы едины в том, что в последние дни и даже месяцы жизни Тесла ничего не писал из-за тяжелой болезни. Поэтому даже простая записка для метрдотеля представляет несомненную историческую ценность как последний автограф мастера».

Генрих Эрлих

«Питер! Это не записка метрдотелю! И Тесла не был болен в обычном понимании этого слова. Он сохранил абсолютную ясность мысли до самого своего ухода. И тщательность подбора документов в имеющемся у меня комплекте (речь идет именно о комплекте) подтверждает это. На первый взгляд, это беспорядочная смесь вырезок из газет, старых писем и записок, счетов, карандашных набросков каких-то схем и устройств, математических расчетов, сделанных на бумажной салфетке в ресторане, отрывочных набросков для мемуаров, рукописей старых статей, всего того, что обычные люди, не имея решимости выбросить этот мусор, складывают в коробку из-под обуви и запихивают на верхнюю полку антресолей. Но все в целом это производит впечатление некоего зашифрованного послания, даже, если угодно, своеобразного завещания».

Эка тебя прорвало! Какая экспрессия! А ведь я ни о чем таком тебя не спрашивал. Что-то тут не то...

«Фрэнсис, вы интригуете меня! Но почему – меня? В мире найдутся сотни специалистов по Тесле, которые знают о его жизни в тысячи раз больше меня. Они посвящают этому все свое время, а для меня это лишь хобби. А зашифрованные послания и тем более завещания вообще не по моей части. Я всего лишь физик».

«Вы угадали причину моего обращения именно к вам. Дело в том, что значительное место в имеющихся документах занимают технические детали, а мое образование не позволяет оценить значимость этих документов».

«Среди упомянутых мною сотен исследователей творческого наследия Теслы имеется немало людей с физическим образованием».

«По причинам, которые вы при ознакомлении с документами сочтете очень весомыми, мне не хотелось бы раньше срока выносить их на всеобщее обсуждение. Сначала надо разобраться в сути документов, расшифровать послание. Я очень прошу вас помочь мне в этом».

Помочь! Это мы понимаем. Это уже ближе к правде. Похоже, какие-то документики у тебя действительно есть, откуда – это второй вопрос, это мы попытаемся вытянуть, потом. И интересует тебя их значимость, ценность, продешевить боишься! Разумно!

«Вы сказали, что готовы предоставить документы в мое полное распоряжение. Я не рискну взять на себя такую ответственность. Независимо от их содержания, они имеют огромную ценность, в том числе материальную. Если вы выставите их на аукцион, вы сможете получить большие деньги».

Загадка Николы Тесла

«Вы рассуждаете, как истинный американец. Как видно, годы, проведенные в Америке, наложили на вас отпечаток».

Так, в англоязычном Интернете я точно не выставлял напоказ свое российское происхождение. Впрочем, не великий секрет, при известной настойчивости узнать можно. Значит, справочки навел. И точно не бывший коллега, у всех коллег образование позволяет...

«А вы не американец?»

«Американец. В двузначном поколении. Поэтому, поступлю я в конце концов именно так, как вы советуете. Только вот о больших деньгах иллюзий не питаю. Покупатель уже имеется, и как только он узнает о существовании этих документов, то до всякого аукциона сделает предложение, от которого нельзя будет отказаться».

Не сумасшедший!

«Да, в госдепе и ФБР сидят редкие скряги».

«Вы бесшабашны, как все русские. Упоминать ФБР в открытой переписке! Или вы верите в демократические ценности?»

Сейчас не об этом!

«У вас есть опыт общения с русскими?»

«Небольшой, но оба они были немного сумасшедшими. На американский взгляд конечно».

«Возможно, вы имели дело с русскими евреями, они действительно немного сумасшедшие. На наш взгляд».

«Ай-яй-яй, как неполиткорректно! Нет, те были русские, Иван и Николай, как Тесла. И они были сумасшедшими. Надеюсь, что и вы такой же».

Даже так!

«Это необходимое условие?»

«Я не совсем понимаю. При чем здесь условия? Я не говорил ни о каких условиях. Никаких условий. Никаких обязательств с вашей стороны. Вы вольны делать все, что захотите. Но возможно, что, если вам удастся расшифровать послание, вы захотите кое-что сделать. А для этого надо быть сумасшедшим. Достаточно сумасшедшим».

Я, конечно, сумасшедший, если вдуматься, но не люблю оставаться в дураках. Меня во что-то втягивают, во что-то, требующее не слов, не советов, не анализа текстов, а дел. Мне это нужно? Сейчас-

Генрих Эрлих

то уж точно не нужно. Мне работу искать нужно, а попробуй ее найди в условиях кризиса и всеобщего сокращения. С другой стороны, пустой уик-энд и никаких обязательств...

«Боюсь, что вы обратились не по адресу. Я человек здравомыслящий. Но я с удовольствием посмотрю документы, все или ту часть, которую вы сочтете возможным показать мне. По счастливой случайности я ничем не занят в наступающий уик-энд, поэтому могу уделить вашей проблеме достаточно времени. Вы можете отсканировать документы и переслать мне по электронной почте?»

Уже отправив послание, Саров перечитал его и рассмеялся. Ох уж эти клише! По счастливой случайности!.. Надо же такое написать!

«Не уверен, что это хорошая идея. Как я уже говорил, мне не хотелось бы, чтобы содержание документов было оглашено до срока А информация в Интернете имеет свойство утекать и растекаться. Часто помимо нашей воли и против нашего желания. Не так ли?»

Да что ты все о сроке?.. О каком таком сроке? Мысль промелькнула при чтении первой части послания, но тут же была прихлопнута последним вопросом. На что он намекает? На сегодняшнее происшествие? Но о нем никто не знает, кроме его коллег по лаборатории. Может быть, весь этот роман в электронных письмах всего лишь розыгрыш? Но кто из них на такое способен? Английский в письмах привильный, и его корреспондент явно не затрудняется в выборе слов, ишь как шпарит, оглянуться не успеешь, как ответ уже на экране, будто приготовлен заранее. По языку проходят только американки, но, во-первых, бабы, во-вторых... Саров подавил неполиткорректное высказывание. Есть еще Эпштейн, но тот бы взвился на шутку о русских евреях, у него на этом пункттик. Ах да, Большой босс! Этот вполне может. Умный, гад, этого не отнимешь, и по отзывам людей, знавших его раньше, до того, как он выбился в начальники и стал корчить из себя большого босса, был парень хоть куда. Но у него молодая жена, с такой у компьютера ночью не посидишь.

«У вас есть другие идеи?»

«Мы можем встретиться. Наше дело таково, что требует полного доверия. Чтобы у вас не возникало мыслей о розыгрыше, афере или фальсификации. Партнеру надо смотреть в глаза. Документы необходимо подержать в руках, они несут ауру писавшего. Сделать это предпочтительно в спокойной обстановке. Например, у меня в доме. Я живу неподалеку, неподалеку по американским и тем более русским меркам. Как вам такое предложение?»

«Обсуждаемо. Мне надо прикинуть мой график».

«В любое удобное для вас время». «Я подумаю».

* * *

Он клюнул, сестренка! Нет, он заглотил крючок!

* * *

А Саров действительно задумался. Потом посмотрел на часы. 23.59. Надо же! Как быстро пролетело время. Вот и конец черной пятнице. Что ж, продолжим наши игры.

«Дорогой Фрэнсис, не могли бы вы рассказать мне о том, как к вам попали эти документы. Отнюдь не настаиваю на этом, но история документов обычно служит весомым аргументом в пользу их подлинности. («Или неподлинности», — подумал Саров. Нехорошо получилось. Он стер последние слова и напечатал по-новому.) ...история нахождения документов во многих случаях позволяет проследить их путь и уточнить время создания».

Если скажет, что купил что-то на распродаже: комод, шкатулку, цилиндр или старое пальто, и обнаружил бумаги в потайном ящичке или за подкладкой, посыпаю к черту, решил для себя Саров.

«Понимаю ваш интерес, Питер, и непременно рассказал бы обо всем при встрече. Но мне известен лишь конец истории, по сути дела, ничего, так что я вполне могу уложить это в несколько строк письма.

Документы находились в шкатулке. Шкатулка находилась в моем доме, вернее, в доме моих родителей. И находилась там всегда, на памяти моего отца. Его отец, мой дед, всегда с большим почтением относился к шкатулке, лично протирал ее тряпочкой от пыли, но никогда не открывал ее. Возможно, у него был ключ, но мне об этом неизвестно. Меня всегда интересовала эта шкатулка, собственно, мне нравилась сама шкатулка, и я знал, подо что ее приспособить. Полгода назад я взял пилку для ногтей и открыл шкатулку. В ней были документы. Я подумал, что документы имеют отношение к нашей семье, и просмотрел их. Я краем уха слышал о Николе Тесле и сразу сообразил, что его автографы могут представлять определенную ценность. Остальное вы знаете».

«А ваш отец (нельзя, остановил себя Саров, вдруг отец умер, неудобно получится. Стер.). А вы не знаете, случайно, как шкатулка попала к вашему деду. Возможно, на этот счет имеются какие-то семейные предания?»

«К сожалению, мне известна лишь последняя часть истории».

«Ваша семья жила в Нью-Йорке?»

«Насколько мне известно, нет. Но мы довольно часто переезжали, поэтому точно сказать невозможно. Можно придумать множество историй о том, как шкатулка попала в наш дом, но все это будут придуманные истории. В этой истории есть конец, но нет начала».

«Начало известно. Вы сказали, что на одном из документов имеется дата – 5 января 1943 года».

«Это всего лишь дата. Что произошло в тот день, мы никогда не узнаем».

«Вы в этом уверены?»

Саров сидел и ждал ответа. И незаметно для себя задремал. Ему не впервые было засыпать в кресле перед компьютером. Он даже научился отлично высыпаться при этом. Вот только шея затекала, да сны беспокоили.

Глава 6

Последний день

Белоснежная голубка со светло-серыми пятнышками на крыльях, сделав круг над крышей гостиницы «Нью-Йоркер», плавно опустилась на парапет, шедший вдоль окон четвертого этажа, и, наклонив голову, заглянула внутрь. Сквозь неплотно задвинутые шторы она увидела спальню с разобранной постелью. У зеркала, вполоборота к окну, стоял очень высокий и чрезвычайно худой мужчина и повязывал галстук в красную и черную полоску. Он был очень стар, этот мужчина, но движения его длинных пальцев были точны и уверенные.

Голубка заворковала, пытаясь привлечь внимание мужчины, но он ее не услышал. Тогда она расправила крылья и стала бить ими в стекло. Мужчина обернулся, всплеснул руками и устремился к окну шаткой журавлиной походкой.

– Вот ты и вернулась, любовь моя, – сказал он, распахивая окно.

Он взял голубку на руки, нежно прижал ее к груди и перешел в другую комнату.

– Ты перепутала окно, небесное создание, – сказал он, – видишь, вот это окно всегда открыто в ожидании тебя, в любое время дня и ночи, зимой и летом. А вот насыпан корм для тебя и налита свежая вода.

Он опустил голубку на резной дубовый стол, на котором стояли несколько блюдец с пшеницей и ячменем и плошка с водой. Вся поверхность стола и дверцы стоявшего рядом буфета были заляпаны птичьим пометом.

— Сюда повадились прилетать твои братья и сестры, — пояснил мужчина, — некоторые из них даже живут у меня по нескольку дней в холодную погоду. Смотри, какие я сделал для них постели, — он показал на ряд плетеных корзин, низ которых был выстлан тряпками. — Я их не гоню и все время подсыпаю им корм. Люблю я ваше племя! Вы лучше людей, вы ближе к природе, к Богу. Вы — мои единственные друзья, а ты — моя единственная любовь. Но что же ты ничего не ешь? Или тебе не по вкусу мое скромное угождение? А хочешь бисквита, сладкого, нежного бисквита? Я сейчас распоряжусь!

Он сделал резкое движение, потянувшись к телефону. Ноги его подломились, он едва сумел сделать шаг в сторону и рухнул в кресло. Голубка переступила лапками и внимательно взиралась на мужчину круглыми серыми, под стать пятнышкам на крыльях, глазами.

— Видишь, какой я стал слабый, — извиняющимся голосом сказал мужчина, — никогда не думал, что мой срок придет так рано. Мне казалось, что я всегда буду нужен людям, не сам я, конечно, а мои идеи, открытия, изобретения, которые делают жизнь людей более приятной, удобной, свободной, насыщенной. И благодарность людей, их любовь и восхищение моими деяниями будет столь же вечно питать мою жизненную силу. Ах нет! Люди забыли меня при жизни, а те, кто еще помнят, хотят от меня только одного — все новых, более мощных и убийственных средств разрушения. Зачем мне жить? Полгода назад я расстался с людьми. Я отдал им свою последнюю разработку, итог пятидесяти лет работы. Временной декодер, всего-навсего! А они чуть не рассмеялись мне в лицо, а за спиной крутили пальцами у виска. Я ушел, ушел от них. И теперь собираюсь продолжить свой путь. Но я где-то ошибся в расчетах. Мне осталось одно дело, возможно, самое важное дело этого цикла моей жизни, а у меня недостает на него сил. Я мог бы сделать его раньше, но оно не таково, чтобы делать его загодя, без сигнала. Я ждал сигнала, а силы мои таяли, в результате мы имеем то, что имеем. Такие вот дела. Ты улыбаешься?

Голубка действительно улыбалась, ее глаза смотрели ласково и нежно. Вдруг из них полился свет. Мужчина был волшебником света, именно он дал людям свет, который заливал теперь города по всей земле, но никогда в своих экспериментах он не получал такого сильного, яркого и ослепительного света. И с этим светом в его тело вливались силы и бодрость.

Но вот свет погас. Угасла и голубка. Она лежала на боку, не сводя глаз с мужчины. Он легко поднялся с кресла, подошел к столу, погла-

Генрих Эрлих

дил остывающее тельце, нежно провел пальцами по голове, закрывая глаза, как человеку.

— Мы расстаемся ненадолго, — сказал он и продолжил раздумчиво: — Ты ждал сигнала, ты его получил. Вместе с энергией, которой должно хватить на выполнение последнего дела. Так не будем медлить! — Голос его окреп и зазвенел. — Завтра сочельник, наш добрый православный сочельник. Лучшего времени для ухода не найти! Я еще успею к праздничному столу у именинника!

* * *

Дороти постучала в дверь номера.

— Это Дороти, горничная, мистер Тесла. Время уборки, — крикнула она.

Стук без крика не имел действия. Крик без стука вызывал неудовольствие. Постоялец был строптив и своенравен, все его боялись как огня, даже важный метрдотель. Сколько раз ему приходилось полностью менять сервировку стола из-за маленького пятнышка на скатерти или севшей мухи! А стол-то отдельный, никто не смел за него садиться. Постоялец уже года три не спускался в ресторан, но стол для него всегда держали наготове, как и горячее молоко — единственную еду и питье, которые он употреблял. Все боялись старика, кроме Дороти. Наверно, потому, что ее дед был точно таким же — строптивым, своеизнанным, придиличным, капризным, крикливым, но при этом очень добрым. Вот и у мистера Теслы уже лежит наготове квотер для нее, а если она вдруг вызовет ненароком его неудовольствие и он сорвется в крик, то она получит все два.

— Входите, мисс.

Тесла стоял на пороге номера и внимательно всматривался в лицо Дороти, как будто в первый раз ее видел. Дороти тоже окинула взглядом постояльца. «А он сегодня выглядит много лучше, чем в последние недели, даже вроде бы порозовел. Вот ведь старый, а какой элегантный мужчина. Эта белоснежная шелковая рубашка!.. Дорогущая, наверно! А халат — упасть и не встать! И как выбрит — аж блестит. И ведь сам со всем управляет, это в восемьдесят-то шесть лет!»

Тесла шагнул в сторону, сделал приглашающий жест рукой и даже немного наклонил голову.

— Присаживайтесь, мисс.

— Нет, спасибо, я лучше постою. А еще лучше — примусь за уборку, у меня много работы.

— Вы трудолюбивая девушка. Приступайте. А я с вашего позволения немного поболтаю с вами, одинокий, всеми забытый старик. Как вас зовут, мисс?

– Дороти, мистер Тесла.

– Вы замужем? У вас есть семья?

– Да, мистер Тесла, замужем, уже четырнадцать лет. И дети есть, мальчик и девочка.

– Очень хорошо. Но почему вы работаете?

– Великая депрессия... С того времени и повелось. А ведь еще родители, мы живем вместе. Отец так и не нашел работу.

– Да, тогда всем пришлось несладко. Никто не хотел вкладывать деньги в научные исследования, в создание новых аппаратов. Мне пришлось... Но что же это я все о себе да о себе. Лучше вы, мисс, расскажите мне, как вы живете, чем занимаете, что любите готовить и часто ли вы ходите в кино.

Вопросов у Теслы было множество, их хватило в аккурат до конца уборки. Дороти, скованная поначалу, разговорилась и даже, не переставая болтать, иногда думала о своем, как дома. «Вот ведь какой странный человек! Помешан на чистоте, выбрасывает новые, почти не ношенные перчатки и раз использованные салфетки, носовые платки и воротнички – сколько я их вынесла! Всю посуду ошпаривает кипятком, даже серебряную. И при этом терпит у себя этих голубей, всю грязь, что они разводят, нянькается с ними, как с детьми».

– Верите ли вы в Бога, мисс? – прозвучал последний вопрос.

Дороти застыла в замешательстве. Нет, в Бога-то она верила, ведь выросла в набожной семье, она, помнится, говорила об этом мистеру Тесле. Но вот не вызовет ли ее прямодушный ответ раздражения? Ведь мистер Тесла – ученый человек, а все ученые – безбожники. А еще поговаривают, что он знается с нечистым. Она-то этому не верит, но все же боязно.

– Верю, – сказала она тихо, набравшись решимости.

– Очень хорошо! Безверие и пренебрежение гигиеной – вот два врага, которые способны уничтожить человечество, – провозгласил Тесла и тут же нашел еще один вопрос: – Верите ли вы в то, что Господь всея благой рано или поздно все устроит наилучшим образом?

– Верю. А без этого как жить? – пожала плечами Дороти.

– Вы хорошая девушка, мисс. У меня есть к вам просьба. Она несколько не обременит вас, а мне и, возможно, человечеству вы окажете большую услугу.

– Я все сделаю, как вы попросите, мистер Тесла.

– Одну минуту! – Тесла вышел из комнаты и тут же вернулся, неся в руках невысокую шкатулку красного дерева размером чуть больше стандартного листа писчей бумаги с латунным врезным замком. – В этом ларце хранятся чрезвычайно важные бумаги. Я нижайше прошу вас сохранить его, – он действительно низко поклонился и протянул шкатулку Дороти.

Она протянула было руки, чтобы взять ее, но замерла в нерешительности.

– Сохранить для вас, мистер Тесла? – спросила она наконец.

– Нет. За ней придут.

– Кто?

– Не знаю.

Дороти округлила от изумления глаза.

– А когда?

– Тоже не знаю. Но не скоро. Может быть, через десять лет, а вернее – через пятьдесят.

– Я, наверно, столько не проживу.

– Я тем более! – улыбнулся Тесла. – Поэтому я завещаю ларец вам, а вы завещайте его своим детям, внукам.

– А что я, мы, – поправилась Дороти, – должны делать?

– Абсолютно ничего. Просто хранить ларец. Поставьте его на чердак, на антресоли, куда угодно в доме, но так, чтобы его всегда можно было найти и достать в урочный час, и – все!

– Это – все?

– Да, мисс, все. Очень просто.

– А если в дом вдруг попадет молния? – на лице Дороти отразился неподдельный ужас. – Ведь она может сгореть.

– Мисс, вы знаете, что меня называют повелителем молний?

– Не знаю...

– Тем не менее это так. Вы можете прочитать это в старых газетах. Так вот, я, Никола Тесла, повелитель молний, гарантирую вам, что до тех пор, пока в вашем доме находится этот ларец, в него не попадет молния.

– Вы так добры! – воскликнула Дороти с радостью, протягивая, наконец, руки за шкатулкой. – Я очень боюсь молний. Вот только, право, не знаю, справлюсь ли я, – сказала она с вернувшейся неуверенностью.

– Вы справитесь, – сказал Тесла, – я очень на вас надеюсь. На вас и на Него, – он поднял глаза вверх, – и еще, как и вы, я верю, что Он все устроит наилучшим образом.

– Эта недалекая девушка сразу ухватила суть, – пробормотал Тесла, – попала в точку. Случайность, глупая, досадная случайность – вот что может помешать исполнению моего плана. Стихийное бедствие, непогашенная сигарета, простая забывчивость... Конечно, если Он захочет, чтобы посылка дошла до адресата, то ничего этого не случится. Этот молодой человек, так много напутавший в вопросе о пространстве и времени и запутавший весь мир, несомненно прав в

Загадка Николы Тесла

одном: Бог не играет в кости. Ему свойственна определенность, даже предопределенность и – никаких случайностей. Но мы-то, люди, мы так не можем, мы сомневаемся, колеблемся, подсчитываем шансы и стремимся увеличить вероятность выигрыша. Я всего лишь человек!

Он подошел к телефонному аппарату.

– Мисс, соедините меня, пожалуйста, с ближайшим офисом «Вестерн Юнион». Спасибо. Добрый день. Никола Тесла у аппарата. Пришлите, пожалуйста, в мой номер в отеле «Нью-Йоркер» мистера Карригена. Да, только его. Как обычно. Тесла прошел в соседнюю комнату, выполнившую функции кабинета и приемной, достал из книжного шкафа невысокую шкатулку красного дерева размером чуть больше стандартного листа писчей бумаги с латунным врезным замком, поставил ее на письменный стол, опустился на стоящий рядом стул, придвинул к себе чистый лист бумаги и задумался.

«Сколько людей я повстречал за свою долгую жизнь, со сколько-ми вместе работал, сколько озолотил и сколько помог, а на закате жизни не к кому обратиться с пустяшной, по видимости, просьбой. Кто может выполнить ее от слова до слова, не задавая глупых вопросов и не сужа нос в шкатулку? Никто. Кроме одного человека!»

Тесла взял карандаш и принялся писать, старательно выводя буквы: «Дорогой Сэмюэл! Я впервые позволил себе обратиться к тебе по имени, потому что это обращение – последнее. Я прошу тебя сохранить прилагаемый ларец с содержащимися в нем документами для вечности. Ты придумаешь, как это сделать. Любящий тебя Ник».

Он аккуратно сложил письмо в три раза и вложил его в узкий почтовый конверт. В этот момент раздался осторожный стук. Тесла прикрыл шкатулку и конверт развернутой «Нью-Йорк Таймс» и поспешил к входной двери.

– Прошу вас, мистер Карриген. Весьма признателен, что вы так быстро откликнулись на мою просьбу.

– Не стоит благодарности, мистер Тесла. Вы мой самый старый и самый любимый клиент. Что, надо опять покормить голубей на площади у Публичной библиотеки? Сделаю с удовольствием. Привык я за эти годы к этим птахам. Они такие забавные! Не поверите, но я и сам иногда хожу их кормить.

– Ходите и впредь! Раскрою мой самый большой секрет: только благодаря голубям я сумел дожить в добром здравии до столь солидного по земным меркам возраста.

– Правда?

– Я всегда говорю правду и только правду. За каждое семя, что вы бросите божьим птицам, их небесный покровитель прибавит вам минуту жизни. Я это знаю доподлинно. Но сегодня у меня к вам другое поручение. Я прошу вас сходить к мистеру Марку Твену и передать

Генрих Эрлих

ему от меня посыпку и письмо. Он живет в Грамерси-Парке, нет-нет, извините, как же я запамятовал, он переехал на Пятую Южную авеню, дом 35, если не ошибаюсь. Вы там спрашивайте. Марк Твен – знаменитый человек, его все должны знать.

Посыльный пребывал в явном смущении. Марк Твен умер, давно умер, насколько давно, он точно не знал, но когда он читал «Приключения Тома Сойера», автор был уже записан в бессмертные классики.

– Прошу меня извинить, мистер Тесла, – замялся он, – но, насколько мне известно, писатель Марк Твен ...уехал, – нашелся посыльный, – уехал из страны, давно. Он теперь в Европе.

– Вы что-то путаете, – мягко сказал Тесла, – мой старый друг третьего дня сидел вот в этом самом кресле и читал мне своего «Загадочного незнакомца». Занятная вещица! Между нами говоря, этот загадочный незнакомец списан с меня, – добавил он с гордостью. – Так что идите и ищите.

Тесла вышел из комнаты и тут же вернулся, неся в руках шкатулку и письмо.

– Да, кстати, чуть не забыл! Мой друг вечно сидит без денег. Передайте ему, пожалуйста, – он открыл другую шкатулку, стоявшую на столе, и сгреб немногочисленные купюры, лежавшие на дне, – вот, сто долларов. Я положу их в конверт.

– Мне ждать ответа? – со страхом выдавил посыльный.

– Ни в коем случае! Мой старый друг, увидев деньги, может оскорбиться – он такой ранимый, артистическая натура! Так что вы вручите ему посылку с письмом и сразу уходите.

– Я так и сделаю!

Глава 7

Голоса за дверью

По прошествии полупорта часов из лифта вышел представительный моложавый мужчина и уверенным шагом направился к номеру Теслы. Он уже положил руку на дверную ручку, когда из номера доносилось:

– Я впервые услышал Его голос в восемнадцать лет, во время болезни. У меня была холера, и я, болезненный от рождения, находился на грани жизни и смерти. Мой отец, священник, уже готовился к соборованию, да и я сам потерял всякую надежду.

«Дядя Нико! С кем это он разговаривает? – изумился мужчина. – Он же несколько недель никого не принимал. Даже отказал во встрече Элеоноре Рузвельт, супруге президента. И голос какой-то странный,

помолодевший». Мужчина опустил руку и застыл, приблизив ухо к двери.

– А что, до этого случая не было ничего э-э-э такого, необычного, связанного с Ним? – раздался хрипловатый голос.

– Необычного – нет, не было. А обычное было. Ведь Бог был со мной в нашем доме, он был всегда со мной, в мыслях и делах. Вот, помню, гляжу я, маленький мальчик, спину нашего кота Мачака, а с моей ладони сыплются искры. «Что это такое», – спросил я отца. «Это всего лишь электричество, – ответил он мне, – то же самое, что можно видеть на деревьях во время грозы». Так я впервые в жизни услышал слово электричество, но не оно занимало мои тогдашние мысли. «Природа – тоже кошка?» – спрашивал я себя. Если да, то кто гладит ее по спине? Это может быть только Бог, решил я.

Тогда же, в семь лет, я получил первый урок неисповедимости Его путей. У меня был брат Данэ, старше меня все на те же семь лет. По отзывам окружающих, он был чрезвычайно одарен, а я просто богоугодил его, как младший брат старшего. Однажды он отправился на конную прогулку на нашей лошади арабских кровей, обладавшей почти человеческим разумом. И она сбросила его! Родители, особенно мать, так и не оправились от гибели их любимца. По сравнению с его талантами мои казались бедным подобием. А если я делал что-нибудь стоящее, родители лишь еще глубже ощущали горечь потери.

С тех пор я пребывал в мучительном одиночестве в кругу родных и близких, меня преследовали мысли о боли и смерти, я жил в непреходящем страхе, думая о злых духах, привидениях, людоедах и других представителях темных сил. Я искал защиты у Бога и постоянно обращался к Нему в своих детских молитвах. Все шло к тому, что я стану священником. Так хотел мой отец, в пользу этого говорили традиции моей семьи, в которой священнический сан наряду с военным поприщем был привычным призванием, у меня самого не было оснований противиться этому, кроме каких-то смутных видений и ожиданий, свойственных, впрочем, всем юношам. Я все откладывал решение, говоря отцу: «Как я могу стать священником? Ведь я люблю не людей, а человечество. Не церковь, а Бога!» И тут случилась эта болезнь...

– Да-да, расскажи о болезни!

– После окончания школы, а учился я далеко от родительского дома, в Карловаце, я получил письмо от отца. Он велел мне не возвращаться домой, потому что в округе свирепствовала эпидемия холеры. Но какая-то сила неотвратимо влекла меня к дому, я пренебрег приказом, вернулся и – заболел. Я провел в постели девять месяцев и был истощен до крайней степени, как говорят в наших краях: дышал на ладан. Но мозг мой работал с прежней ясностью, и все чувства были

Генрих Эрлих

обострены. И вот я услышал: ты выздоровеешь. Что я должен для этого сделать, спросил я. Покориться моей воле и следовать предначертанным путем. Что я должен для этого сделать, повторил я. Для начала – поступить в лучшее инженерное училище в мире, упорно учиться, потом еще более упорно работать и сделать открытия, которые облагодетельствуют человечество.

И это все? спросил я. Этого более чем достаточно, это тяжелая ноша, не всем под силу вынести ее. Слова об упорном труде и тяжелой ноше повернули мои мысли в новом направлении. А что я за это получу, спросил я. Вот ты уже и торгуешься, проворчал мой невидимый собеседник. Что ж, если мы заключим договор, то ты получишь, во-первых, здоровье, это сейчас для тебя, как мне кажется, важнее всего. Во-вторых, долгую жизнь. Ты будешь жить и в следующем, двадцатом веке, и в двадцать первом... Это что же, минимум сто пятьдесят лет, невежливо и опрометчиво прервал я Его. Ты уже разочаровываешь меня, проворчал Он – Он вообще довольно ворчливый старик. У тебя такие маленькие запросы. Никто тебя за язык не тянул... Впрочем, это ты сам решишь, потом, а пока о главном. Главное, что я дам тебе, – талант. Талант проникновения в суть явлений, талант видения явления целиком, а не по частям, что свойственно подавляющему большинству людей, и талант превращения увиденного в устройства, работающие на благо людей. Отпущенная тебе мера таланта будет такова, что, если ты реализуешь его хотя бы наполовину, люди назовут тебя гением, возможно, величайшим гением в истории. Я, конечно, буду помогать тебе, но только в том случае, если ты будешь честно выполнять условия договора.

– А счастья – счастья ты у Него не попросил?

– Нет, счастья я не попросил, а Он не предлагал. Да и что такое счастье? Счастье – такая абстрактная штука, а у меня голова шла кругом от куда более простых вещей, от вечности, от таланта, щедро предложенных мне. Я не мог охватить их своим неокрепшим умом, мне нужно было что-то конкретное. И Он откликнулся на мой безмолвный вопрос. У меня над кроватью висела картина...

– Что же остановился? Расскажи о картине.

– Просто я вспомнил, как первый раз увидел водопад. Это было на Плитвицких озерах. Они находились в дне пути от нашего дома, и мы иногда ездили туда всей семьей.

Прекраснейшее место на земле, и водопады, их там много, его главное украшение. Позже я прочитал о Ниагарском водопаде и, только представив его, был буквально заворожен его мощью. Я раздобыл рисунок с его изображением и прикрепил к стене в ногах кровати. Бывало, я часами разглядывал его, о чем-то мечтая, а во время болезни он один укреплял мои силы. И вот Он приковал мой взгляд к рисунку и

Загадка Николы Тесла

сказал: ты обуздаешь его. Эти слова решили дело, я немедленно согласился. И сразу почувствовал, как из меня с обильным потом вытекает болезнь. Я хотел тут же встать и побежать к матушке, известить ее о моем чудесном выздоровлении, но Он удержал меня. Ты еще слишком слаб, сказал Он, тебе надо набраться сил. Я могу остановить болезнь мановением руки, но восстанавливать гибкость членов и наращивать мышцы тебе придется самому. Это как с судьбой. Я могу изменить ее линию, но каждый человек должен сам пройти свой путь, я не вмешиваюсь в свободный выбор и сужу лишь по результату. И не забывай, что наш договор должен оставаться в тайне, его раскрытие послужит, несомненно, вящей моей славе, но тебе может только вредить. Еще одно соображение: я люблю, когда все делается по правилам, мною же установленным, вы это почему-то называете – по-людски. Поэтому получи родительское благословение, негоже начинать благое дело с ссоры. Я сгорал от нетерпения, ожидая отца. Он вошел, скорбный и понурый. Отец, сказал я слабым голосом, мне кажется, что я смогу выздороветь, если ты разрешишь мне заниматься инженерным делом. За твою жизнь и здоровье я готов отдать все, что угодно, ответил отец и, приложив руку к сердцу, торжественно продолжил: обещаю, что ты поступишь в лучшее инженерное училище в мире. И я стану великим инженером, добавил я. Да, мой мальчик! Я был счастлив. Через три дня я уже ходил.

– А буквальное совпадение обещаний не навело тебя на мысль, что без Его участия тут не обошлось?

– Куда же без Него? – рассмеялся Тесла.

– И тебя никогда не посещали сомнения?

– Понимаю, на что ты намекаешь, – ответил Тесла, по-прежнему смеясь. – Конечно, посещали. Мне, воспитанному в ортодоксальной вере, некоторые Его высказывания показались, скажем так, странными. С тех пор я никогда не заключал договора заочно, мне обязательно надо было встретиться с человеком, заглянуть ему в глаза, в душу...

– Поэтому ты выучил наизусть «Фауста» и все время декламировал его?

– Не только поэтому. Я тебе расскажу, позже.

А пока о сомнениях. Чудо исцеления николько не убедило меня, ведь я был не хромой, не кривой и не лежал в параличе, я просто беспрерывно дристал, от этого вполне естественным путем излечивались два из трех. Талант же никак не проявлялся. Я поступил в Политехническую школу в Граце, что в восьмидесяти милях от Вены. Как и обещал отец, это было лучшее училище, если не в мире, то в наших краях. В нем, в частности, преподавал Эрнст Мах, наделавший потом много шума в физике и философии. Учился я на «отлично», но для

Генрих Эрлих

этого, как мы понимаем, не надо обладать особым талантом, вообще никаким. И тогда я стал играть – в карты, бильярд, шахматы. Во всех играх, скажу без хвастовства, я достиг изрядного мастерства, целые толпы людей приходили в ботанический сад, в любимое кафе студентов, чтобы последить за моей игрой. Что я хотел проверить, что и кому я хотел доказать – этого я сейчас уже не понимаю. Тогда, возможно, понимал. Ведь ответил же я отцу, обеспокоенному слухами о моем времяпрепровождении, что могу остановиться, когда захочу, но стоит ли бросать то, за что можно пожертвовать всеми благами рая. Я играл все больше, иногда проводя за столом целые сутки напролет. Я почти всегда выигрывал, но выигранных денег никогда не брал, возвращая их проигравшим. Ответной любезности я не дождался и, попав внезапно в полосу фатального невезения, проиграл все свои сбережения, включая деньги на учебу. Родители компенсировали немалые потери, но я не мог допустить такого. Я обратился с молитвой к Нему, обещая никогда больше не играть, если... Он позволит мне отыграться и вернуть долг родителям. Я поставил на кон последние деньги и – отыгрался. Если я хотел получить знак, то я его получил. Это был Он, не тот, другой.

Следующего знака пришлось ждать несколько лет. После окончания учебы в Граце, я отучился семестр в университете Чарльза в Праге и...

– Но ты ведь так и не получил диплома?

– Пустая бумажка! Бессмысленная трата времени! Не диплом же позволил мне сделать все мои открытия! И его отсутствие не помешало мне спустя полтора десятилетия получить почетные докторские степени в Йельском и Колумбийском университетах, лучших университетах Америки. Впрочем, я их об этом не просил. Итак, я работал в Центральном офисе телеграфа в Будапеште. Все мои мысли занимала проблема получения и использования переменного тока. Тогда правил бал Томас Эдисон и его система постоянного тока. Но я знал, что будущее за переменным током и что эта задача для меня.

– Знал?!

– Да, это было единственным, в чем я был твердо уверен еще со временем учебы в Политехнической школе. Все остальное составляли сомнения и неустанный безрезультатный поиск. Решение никак не давалось мне. Продолжалось это ни много ни мало четыре года. Я отводил на отдых всего пять часов в день, из них лишь два проводил во сне. И тут вновь пришла болезнь, странная болезнь, по которой врачи не могли поставить диагноз. Мои органы чувств приобрели необычайную чувствительность. Тиканье часов, от которых меня отделяли стены трех комнат, отзывалось в моем мозге ударами тяжелого молота по наковальному. Лежа в постели, я ощущал вибрацию мостовой, когда

по ней мимо дома проезжала легкая коляска. Обычная речь воспринималась как страшный шум, а малейшее прикоснение вызывало ощущение нокаутирующего удара. Падающий луч солнца ощущался как внутренний взрыв, какая-то странная чувствительность во лбу позволяла в темноте ощущать предмет на расстоянии в десять шагов. Пульс изменялся от нескольких слабых ударов до бешеного стука в двести пятьдесят ударов в минуту. И все время перед глазами мелькал мой будущий двигатель. Мелькал и пропадал, мелькал и пропадал. Неожиданно болезнь сама собой резко пошла на убыль. Однажды февральским вечером 1882 года мой друг Антони Жигети вывел меня на прогулку в городской парк. Я любовался великолепным закатом и декламировал Гёте:

Смотри: закат свою печать
Накладывает на равнину.
День прожит, солнце с вышины
Уходит прочь в другие страны.
Зачем мне крылья не даны
С ним вровень мчаться неустанно!

Появился голубь и сделал в воздухе кульбит на фоне заходящего солнца. И тут я увидел! Я увидел его – мой двигатель! Он стоял перед моими глазами. Нет, не стоял, он плавно и бесшумно крутился, в одну или другую сторону, повинувшись моим командам. И еще я видел, как в нем вращается магнитное поле, как оно порождает энергию вращающегося якоря, как бегут управляющие импульсы от невидимого переключателя в моей руке. Я видел все!

Энтони рассказывал позже, что я пребывал в каком-то трансе, потом принял что-то возбужденно объяснять ему, рисуя обломком ветки на пыльной дорожке какие-то чертежи. Он отвел меня домой. Там я продолжал рисовать. Генераторы, трансформаторы, двигатели, распределители, переключатели, все, что необходимо для работы системы переменного тока, разных систем. Когда я очнулся, оказалось, что прошло два месяца.

В течение моей жизни все это многократно повторялось. Мучительные раздумья, потом – парк, «Фауст», голуби, видение... Все созданные мною устройства представляли передо мной целиком. Я вертел их и так и эдак, убеждаясь, что они не нуждаются ни в каких доработках и усовершенствованиях. Так же мысленно я испытывал их, гоняя в разных режимах и фиксируя выходные параметры. В сущности, даже эта стадия была излишней, я лишь получал подтверждение того, что устройство работает именно так, как я хотел, задумывая его. Лишь после этого я мысленно разбирал устройство на части и, вызывая по очереди механиков, рисовал им чертежи этих деталей, указывая точ-

Генрих Эрлих

ные размеры. Они изготавливали детали, я собирал устройство, все идеально подходило, все идеально работало. Мне не нужны были помощники, как Эдисону, который поручал различным группам своих инженеров разработку того или иного блока своих будущих устройств, мне не нужны были многолюдные конструкторские бюро и испытательные лаборатории для доводки изобретения до готового изделия. Мне даже не надо было ничего записывать. Все хранилось здесь, в моей голове. В любой момент я мог и могу хоть сейчас извлечь из глубин памяти точный чертеж любого созданного мною устройства, привести любую техническую характеристику.

— Ты счастливец, Тесла! Мало кто испытывает такие приступы творческого озарения, высшего слияния с Творцом. Иным это выпадает раз в жизни, но этого вполне хватает для величия в глазах человечества. Для тебя же это было обычным способом мышления, способом жизни.

— Тут нечему завидовать. И не такое уж это счастье. Всю жизнь я ощущал себя лишь марионеткой в Его руках, простым проводником Его идей. Я лишь воплощал в металле устройства, которые Он являл мне в виде образов. Невелика заслуга! Я искал собственное я и – не находил. В конце концов я разуверился даже в существовании души. В нас, людях, нет ничего, кроме материи и энергии, а так как материя – это сгусток энергии, то мы представляем собой лишь энергетические тела. Эти тела имеют одинаковое строение и подвержены одним и тем же влияниям. Это обуславливает сходство реакций и соответствие обычных действий и поступков, на которых основаны все наши социальные и прочие правила и законы. Мы – марионетки, или, в современных терминах, автоматы, которые полностью управляются силами окружающей среды и колеблются, словно поплавки на поверхности воды, но принимают результаты поступающих извне импульсов за проявления собственной свободной воли. Движения и другие совершаемые нами действия всегда направлены на сохранение жизни и, хотя кажутся совершенно независимыми друг от друга, незримо связаны между собой.

— Да, помнится, ты что-то писал об этом. Но мне кажется, что ты сам не веришь в это. Любому человеку свойственно ощущение уникальности его личности, и тебе это свойство должно быть присуще в наивысшей степени, ведь ты – действительно уникальная личность.

— Это лишь игра слов. Моя, как ты говоришь, уникальность заключается лишь в том, что я гораздо более чувствительный автомат, чем другие люди, я ощущаю воздействия, к которым другие невосприимчивы, и могу толковать их. Я лишь более утонченный автомат, чем другие, мои отличия от других людей количественные, а не качественные.

— Поэтому ты и стал создавать свои механические автоматы?

— Да, конечно. Сорок пять лет назад, в канун нового века, я решил создать расу роботов, механических людей, которые будут выполнять за человечество все тяжелые работы. Подобный автомат, являющийся моим механическим подобием, должен иметь движущую силу, органы передвижения, органы управления и один или более органов чувств, настроенных так, чтобы он действовал под влиянием внешних стимулов. Движения этой машины, рассуждал я, будут напоминать движения живого существа, так как у нее будут все его элементы. Для создания полной копии остаются еще способность роста, размножения и, главное, ум. Но расти ей необязательно, поскольку машины можно сразу производить, так сказать, в полный рост. А что касается размножения, но о нем тоже можно не заботиться, поскольку для механических моделей оно означает просто-напросто процесс производства.

Будет ли это автомат из костей и плоти или из дерева и стали — не имеет значения, если он сможет делать все то, что требуется от мыслящего существа.

А для этого ему нужен элемент, соответствующий уму, который будет управлять его движениями и действиями и определять его поведение в любых непредвиденных ситуациях. Наделить его таким элементом несложно...

— Ой ли!

— Сконструированные мною аппараты обладали, так сказать, заимствованным умом, они подчинялись моим командам и двигались в соответствии с движениями моих мыслей. Но у меня был готов план, как придать этим автоматам способность к самообучению, выполняя данные команды, они научатся понимать, что можно и чего нельзя делать, они будут набираться опыта, иначе говоря, копить впечатления, которые будут влиять на их последующие действия.

— И что же помешало тебе претворить этот план в жизнь?

— Люди оказались не готовы к восприятию этих идей, о которых я писал и говорил открыто. Они считали это совершенно недостижимым. А те немногие, кто был склонен считать мое изобретение применимым, были заинтересованы лишь в создании самодвижущейся торпеды для подрыва военных судов или беспилотного самолета для бомбардировки городов, или ракеты, самостоятельно находящей объект уничтожения. Менялись времена и люди, а цель оставалась прежней — разрушение. Не созидание. Я не хотел и не хочу в этом участвовать.

— Марионетке позволительно иметь желания? — раздался вкрадчивый голос.

— Ты поймал меня! — рассмеялся Тесла. — Ты умен! Не побоюсь сказать: чертовски умен!

Генрих Эрлих

— Ты мне льстишь или, если угодно, говоришь истинную правду. Но продолжим о желаниях марионетки. Какие такие силы окружающей среды пробуждают их?

— Не силы, согласен. Голоса. Вернее, голос. Все что-то нашептывает на ухо, соблазняет, искушает... Впрочем, может быть, и сила.

— Понимаю тебя.

... Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

— Это нечестная игра! Гёте — мое оружие!

— Ты не обладаешь монополией на Гёте. Я, как и ты, волен использовать его когда захочу. Волен или не волен?

— Волен, волен.

— А ты — волен или не волен?

— Кто ж мне запретит?

— Ага! У марионетки, оказывается, есть еще и воля!

— Ах ты, старый софист!

Глава 8

Главный наследник

Голоса в номере стихли. Представительный мужчина подождал немного, прислушиваясь, потом легонько постучался и тут же нажал на дверную ручку.

Савва Косанович, единственный из всех жителей Земли, имел право беспрепятственного входа к Тесле. Не потому, что он был чрезвычайным и полномочным послом Югославии, родины великого ученого (оборот этот мужчина проговаривал часто, с гордостью и удовольствием). Помимо этого он был сыном Марицы, младшей сестры Теслы. Только это имело значение.

Косанович окинул быстрым взглядом номер. Дядя при параде, в визитке, на ногах — изящные, сделанные на заказ ботинки, их сужающиеся носы заканчиваются тупым обрывом, верх, скрытый под брюками, доходит до середины икры. На руках — тонкие серые замшевые перчатки. На столике между двумя креслами — корзинка с бутылкой вина (непременно французского и безумно дорогого, подумал Косанович), бокал для вина, бутылка, впрочем, не почата, а бокал стерильно чист. С другой стороны столика стоит наполовину выпитый стакан молока.

Он раскинул руки как бы для объятий, сделал несколько шагов на встречу дяде, остановившись в полуметре. Тесла не только не терпел

объятий, он никого не подпускал к себе ближе метра. Расстояние вытянутой руки было признаком интимной близости, такое дозволялось только племяннику. Врачи? Тесла никогда не пользовался их услугами.

– Твоими молитвами, Саввушка, – ответил Тесла по-сербски, – спасибо, что навестил всеми брошенного старика.

– Но у тебя, как я вижу, посетитель, – Косанович повел головой в сторону столика.

– Был, – коротко ответил Тесла, усмехаясь.

– Ты нас познакомишь?

– Он ушел.

– Как? – изумился Косанович. – Разве что через окно.

Тесла согласно кивнул и, указав рукой на приоткрытое окно, прогласировал:

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

– Опять «Фауст», вечный Гёте! Похоже, дядя, ты обдумываешь какую-то новую идею.

– Конечно.

«Быть может, Савва – последний, кто навестит меня на этом свете, – вот о чем думал Тесла. – Так третий ларец – его?»

Мысль эта не вызвала энтузиазма. Тесла любил племянника. Он был внимателен, заботлив, почтителен, искренне восхищался дядей, немало делал, чтобы прославить и увековечить его имя, носился с идеей создания в Белграде музея Теслы и выбил ему вполне сносную пенсию от югославского правительства – шестьсот долларов в месяц. Но он был дипломатом и представлял страну, сшитую из лоскутов всего лишь четверть века назад, раздираемую внутренними противоречиями и к тому же подвергшуюся агрессии нацистской Германии. Он метался между различными сторонами, вовлечеными в эти конфликты, и втягивал Теслу во все эти дела. То он приводит к нему в отель находящегося в изгнании юного югославского короля, то просит подписать обращение к новому коммунистическому лидеру Югославии Иосипу Борз Тито.

– Дядюшка, может быть, ты все же встретишься с Элеонорой? – донесся голос Косановича, подтверждая эти мысли. – Поддержка американского президента нам жизненно необходима.

«Равно как и Черчилля, и Сталина. – неприязненно подумал Тесла, – слава богу, ты не можешь организовать встречу ни с ними, ни с их женами».

Генрих Эрлих

Собственную неразборчивость во встречах и контактах Тесла при этом забывал. В течение многих лет он был близок с немецким поэтом и скандальным журналистом Георгом Сильвестром Виреком, по слухам, внебрачным внуком кайзера Германии Вильгельма II. Ярый немецкий националист, Вирек в тридцатые годы перекинулся на сторону Гитлера, став, по сути дела, его американским представителем. Он усиленно обхаживал Теслу, уговаривая его переехать в Германию, где ему будут созданы все условия для работы. Над чем? Тесла понимал без слов: над «лучами смерти».

С тем же подкатывались к Тесле и Советы. Началось это еще при жизни Ленина, который обратился к Тесле с предложением приехать в Россию для внедрения «систем многофазного переменного тока и строительства региональных энергораспределительных станций». Тесла не поехал, уравновесив этим отказ в аналогичной просьбе императору Николаю II. Но в тайное общество «Друзей Советской России» вступил и даже дал кое-какие деньги на помочь голодающим. Во второй половине тридцатых к Тесле зачастил представитель советской внешнеторговой компании Амторг Вартанян. Как-то раз возбужденный слухами Косанович, воспользовавшись благодушным настроением дяди, спросил напрямую:

– А правда, что ты продал Советам свои разработки по лучевому оружию за 25 миллионов долларов?

– Какие двадцать пять миллионов?! – всплеснул руками Тесла. – Ты хоть представляешь себе, что это такое – двадцать пять миллионов?

Большего от дяди добиться не удалось. Жизнь его ни на йоту не изменилась, и Косанович забыл бы об этом случае, если бы Тесла время от времени не подзадоривал его высказываниями типа:

– Армяне – хитрая нация и бывают иногда чрезвычайно убедительны.

Не отставали и прочие. В 1937 году, «в ознаменование восемидесят первой годовщины рождения», на торжественном ужине, устроенном в его честь, Тесле вручили высшую награду Чехословакии – орден Белого льва и орденскую ленту Белого орла, высочайшую награду Югославии. Тесла только посмеивался, ожидая продолжения. Оно вскоре последовало, начались закулисные переговоры, через несколько месяцев, идя навстречу требованиям Теслы, за одним столом собрались представители военных ведомств США, Советского Союза, Англии, Чехословакии и Югославии. Речь шла о системе коллективной безопасности, основанной на оборонительном щите из установок лучевого оружия, созданного Теслой. После этой встречи он угодил под колеса автомобиля и, с тремя сломанными ребрами, едва до-

брался до своего отеля. Он счел это знаком свыше и больше не играл в «коллективную безопасность».

Если бы кто-нибудь посмел упрекнуть его в неразборчивости связей и контактах с явными врагами Америки, Тесла бы спокойно ответил: «Я не неразборчив, я, наоборот, очень разборчив. Я никогда не дам мое изобретение, которое может быть потенциально использовано для целей разрушения, какой-то одной стороне, даже и Америке. Я дам его всем, сделав бессмысленным его смертоносное применение. Если не будет возможности успешно напасть ни на одну страну, войны станут не нужны. Они прекратятся сами собой, и наступит всеобщий мир».

Собственно, он так и говорил во всеуслышанье. И с такой его позицией были вынуждены смириться власть имущие. «Потому что я им нужен и потому что они знают, что я не нанесу вред Америке», – усмехаясь, говорил Тесла. У него было две секретные лаборатории в Нью-Йорке, где он выполнял работы по заказу военных ведомств, одна из них поблизости от отеля, под мостом на Пятьдесят девятой улице, недалеко от Второй авеню. ФБР ничего не могло с ним поделать, кроме как скрупулезно фиксировать его многочисленные встречи с «врагами демократии». Да еще распускать слухи, что Тесла давно не у дел, да и вообще выжил из ума, вы только посмотрите, какие фантастические планы он строит, какой антинаучный бред несет в статьях, выступлениях и интервью газетам.

Сейчас Тесле не было никакого дела до этих мелких подлянок, до власть имущих, до человечества, склестнувшегося в мировой войне, и даже до его собственных исследований. Он уже распрощался с этим миром, и перед уходом ему оставалось лишь передать последнюю шкатулку. «Выходит что – Савве? – мысли, сделав круг, вернулись все к тому же вопросу. – Но сможет ли он правильно распорядиться документами? Будет ли достаточно терпелив, чтобы ждать годы? Или немедленно взломает замок и, ничего не поняв, передаст документы – кому? Американцам, Советам, Тито? Или безвестному покупателю, который предложит хорошую сумму? К сожалению, деньги в этом мире решают почти все».

– Я зашел к тебе в частности для того, чтобы сообщить, что я урегулировал эту маленькую финансовую проблему, – сказал Косанович, как нарочно подгадал.

– Какую? – спросил Тесла.

– С оплатой отеля.

– Не знаю такой проблемы.

– Ты полгода не платил за проживание.

– Я и полгода назад не платил. Это ты заплатил этому разбойнику. Зачем?

Генрих Эрлих

– Ну как же, дядя, в Америке принято платить...

– Да ты оглянись вокруг, – прервал его Тесла, – больше половины устройств в этом отеле либо изобретены мною, либо работают благодаря моим изобретениям. Да благодаря моим изобретениям владельцы отеля экономят и зарабатывают в день больше, чем стоит мое годичное проживание здесь, так с какой стати мне еще и платить? Это они должны мне платить, но я великодушно не требую с них этого!

– Эх, дядя, дядя, ты сделал столько великих изобретений, но забыл об одном маленьком, но чрезвычайно полезном устройстве.

– Каком? – насторожился Тесла.

– Об аппарате для получения неограниченных сумм денег.

– Вы все просто помешались на деньгах! Вот я никогда не придавал деньгам значения большего, чем они заслуживают. Деньги мне были нужны лишь для выполнения моих исследований, ни для чего больше.

– Но ведь с Эдисоном ты разругался именно из-за денег.

– Как же ты не понимаешь!.. Ведь я тебе тысячу раз рассказывал эту историю! Я приехал из Парижа в Нью-Йорк, к Эдисону, с идеей внедрения моей системы переменного тока. Он даже не пожелал меня выслушать. Он положил мне восемнадцать долларов в неделю и заставил заниматься ремонтом его генераторов постоянного тока, которые постоянно ломались, установкой комнатных ламп накаливания и уличных дуговых ламп. Я терпел три месяца, а потом прямо сказал Эдисону, что способен на большее, что я могу усовершенствовать его устройства. Что ж, сказал он мне, валяй, парень, и если ты сделаешь что-нибудь стоящее, ты получишь пятьдесят тысяч долларов. За полгода я создал двадцать четыре различного вида машин, которые впоследствии стали стандартами и пришли на смену собственным машинам Эдисона. Когда я пришел к Эдисону за заслуженным вознаграждением, он расхохотался мне в лицо. Ты по-прежнему парижанин, – сказал он мне, когда станешь настоящим американцем, ты оценишь эту американскую шутку. Я повернулся и ушел, ушел от Эдисона, ушел из компании Эдисона. Дело было не в деньгах, я просто не люблю, когда меня обманывают.

– Но в чем он обманул тебя, дядя? Ведь у вас не было подписанного договора.

Тебе, педанту, нужен чек
И веры не внушает человек?
Но если клятвы для тебя не важны,
Как можешь думать ты. что клок бумажный,
Пустого обязательства клочок,
Удержит жизни бешеный поток?
Наоборот, средь этой быстрины

Еще лишь чувство долга только свято.
Сознание того, что мы должны,
Толкает нас на жертвы и затраты.
Что значит перед этим власть чернил?
Меня смешит, что слову нет кредита,
А письменности призрак неприкрытый
Всех тиранней буквы подчинил.

– Сдаюсь! Сдаюсь! – давно уже кричал Косанович.

– То-то же, – удовлетворенно сказал Тесла. – В любых обстоятельствах вести себя надо по-людски, не ставить деньги и бездушный документ выше человека. Я вот тебе расскажу еще одну историю, хотя ты, конечно, ее знаешь, но лишний раз послушать не грех, может быть, поймешь что-нибудь в конце концов. Как и то, что вожделенный тобой аппарат для производства неограниченных сумм денег у меня все же есть, хотя изобрел его и не я, – и, с усмешкой глядя на напрягшегося племянника, Тесла постучал себя пальцем по лбу. – Вот этот аппарат. К сожалению, по наследству не передается.

– Толку-то, – проворчал Косанович как можно тише.

– Через два года после ухода от Эдисона я подал заявки на тридцать патентов, описывающих всю мою систему переменного тока, и получил их. Еще через год ко мне пришел Джордж Вестингауз, глава «Вестингауз электрик компани». Он предложил мне за эти патенты один миллион долларов наличными. Ты можешь себе представить, что был миллион долларов в 1888 году? Нет, не можешь. Когда после ухода от Эдисона я остался без работы, мне пришлось рыть канавы за два доллара в день, да и у Эдисона я получал немногим больше. Или вот еще один пример. В те годы грянул финансовый кризис, в Америке они случаются с пугающей периодичностью, и правительство Соединенных Штатов оказалось на грани банкротства, ему нечем было платить зарплату федеральным служащим, а главное, платить по его обязательствам. Какая сумма, по-твоему, требовалась? Восемь миллионов долларов! И это – правительству Соединенных Штатов!

– И что же? – Косанович даже приподнялся в кресле.

– Деньги правительству дал Пирпонт Морган, – отмахнулся Тесла и продолжил: – Так вот, Джордж Вестингауз дал мне миллион долларов плюс роялти – доллар с каждой лошадиной силы генераторов и двигателей, произведенных в соответствии с этими патентами. Любители считать деньги в чужих карманах подсчитали, что в 1905 году, когда истекал срок действия основных патентов, я должен был получить двенадцать миллионов долларов лицензионных платежей. Почему я их не получил? Потому что через четыре года после заключения нашей сделки разразился очередной финансовый кризис и компания Вестингауза оказалась на грани разорения. Джордж пришел ко мне и

Генрих Эрлих

без обиняков и извинений изложил ситуацию. Лицензионные платежи лежали на нем неподъемным грузом. И я отказался от них. Все, и ты в том числе, скажете, что я совершил огромную глупость. Но Джордж поверил в меня, когда у других такой веры не было. Он и так заплатил за мои патенты беспрецедентную для того времени сумму, и он делал все, чтобы продвинуть мою систему. Как я мог поступить иначе? Вот это я называю: вести себя по-людски. После этого в моей жизни случались черные времена, мои отношения с Вестингаузом испортились, и пути наши бесповоротно разошлись, но никогда я не жалел о своем решении. В те дни я понял одну чрезвычайно важную вещь: есть высший закон воздаяния, по которому я получу причитающееся вознаграждение, подарив миру мое открытие.

– Какое вознаграждение? От кого получишь? – пожал плечами Ко-санович.

– А ты не догадываешься? От Высшего Судии, который суть справедливость. Щедро даря открытие, я получал от Него возможность сделать следующее, ко мне приходило озарение, в меня вливались силы, меня миновали напасти и невзгоды. Впрочем, о чем с вами, безбожниками, говорить. Я сколько лет пытался, никто не хотел меня понять. Хотя пользовались многие. Любители проехаться на дармовщинку. Ведь с тех пор, как я проникся высшим законом воздаяния, я отказался от какой бы то ни было коммерческой деятельности, сосредоточившись на научной, лабораторной, исследовательской работе. И при этом я никогда не брал платы за свою профессиональную деятельность.

– А у тебя была какая-нибудь иная деятельность? – усмехнулся Ко-санович.

– Не было, тут ты прав. Вся моя жизнь была в работе. И я ни от кого не принимал платы за мою работу. Я публиковал в год десятки статей в газетах и журналах, давал пространные интервью на самые разные темы, читал лекции, собиравшие сотни и тысячи людей, давал консультации, а иногда, увлекшись какой-нибудь проблемой, месяцами работал в лаборатории какой-нибудь компании. И за все это я не получал ни цента. А какой конфликт на этой почве возник у меня с моим другом Коммерфордом Мартином, журналистом и редактором «Электрикал Уорлд». В 1893 году он издал книгу «Изобретения, исследования и статьи Николы Теслы», которая и сейчас, почти через пятьдесят лет, числится в списке бестселлеров, – заметил Тесла с гордостью. – Я, конечно, понимал, что Мартин, как издатель, хочет получить на этом некоторую прибыль или хотя бы вернуть вложенные деньги, но я не мог продавать свою книгу, я раздавал ее бесплатно. Это вызвало неудовольствие Мартина, это подрывало его бизнес, – с презрением в голосе сказал Тесла, – он предложил мне выкупить

часть тиража и делать с ним, что мне заблагорассудится. Что ж, я занял денег у Мартина, выкупил часть тиража и продолжал раздавать книги бесплатно. Все издатели таковы! С тех пор я не желал иметь с ними дела.

– Но ты принимал десятки и сотни тысяч долларов от Моргана, Астора, Адамса, от правительства, наконец, – сказал Косанович, – и еще ты получал роялти со своих патентов.

– То было не вознаграждение, а инвестиции. Финансисты вкладывали деньги, чтобы получить прибыль. И они получали ее, я же получил возможность продолжать свои исследования. Что же до роялти... Промышленники использовали мои патенты, получали прибыль, это их профессиональная деятельность. Часть прибыли они по справедливости отдавали мне, какое же это вознаграждение за работу?

– Очень тонкая казуистика, – рассмеялся Косанович.

– Приходится, Саввушка, – рассмеялся в ответ Тесла, – верность принципам превыше всего.

– Ох уж эти принципы! Ты бросался в новые проекты, не завершив старые, и инвесторы выходили из твоих предприятий, не дождавшись прибыли и проклиная тебя на всех углах, – сказал Косанович, пользуясь неожиданно благодушным настроением дяди.

– Ты за них не переживай, эти своего не упускали и все получали сполна. Просто они хотели больше, а я хотел – большего. Я им предлагал всемирную паутину, а им была нужна усовершенствованная мышеловка. Я им предлагал систему беспроводной передачи энергии и информации, включая голос, музыку, изображение, а их интересовала система связи с береговыми судами посредством азбуки Морзе. Для этого есть дилетанты, компиляторы и воры вроде Маркони. То-то они так с ним носились и так его превозносили. Серость тянется к септическому состоянию. А меня они не понимали, не понимали и боялись. Впрочем, некоторые понимали. Пирпонт Морган-старший был великий человек с глобальным мышлением, именно поэтому он понимал и дал денег для строительства первой передающей станции в Уорденклифе. Но чем дальше продолжались работы, тем чаще его, владельца «Дженерал электрик» и бесчисленного множества других предприятий, связанных с производством, распределением и потреблением электроэнергии, посещали следующие мысли, которые я ясно читал в его глазах. Как впишется новая система беспроводной передачи и распределения энергии в уже существующую экономическую и финансовую структуру? Будет ли она приносить пользу, не подрывая источники больших доходов, нежели те, что будет приносить она сама? Как наиболее эффективно контролировать ее эксплуатацию? И можно ли вообще контролировать ее, если любая точка на Земле может стать неограниченным источником энергии для всякого, кто не поленится

Генрих Эрлих

подключиться к ней с помощью нехитрого устройства? И как собирать плату за электричество? Ответы на эти вопросы если и были, то весьма неутешительные для глобального финансиста. И Морган прекратил финансирование работ, а мои патенты, переданные ему в распоряжение, положил под сукно. Не он один! На заре самолетостроения, я утверждал, что двигатели с пропеллером – тупиковый путь, будущее за самолетами с реактивными двигателями и дирижаблями. Первые – там, где нужны скорость и маневренность, вторые – для доставки тяжелых грузов в любые точки земного шара. Не послушали. Что имеем? Медленные, неповоротливые машины и аэродромы с бесконечными взлетно-посадочными полосами, больше похожими на шоссе.

– Но вертолеты Сикорского! – не утерпел Косанович.

– Сикорский из наших, из славян, он придумал нестандартное решение, снабдив мой летательный аппарат вертикального взлета двигателем с пропеллером. Снимаю перед ним шляпу и, присоединяя его вертолеты к списку, остаюсь при своем мнении. А возьмем автомобили. Знаешь ли ты, на чем перевозили посетителей Чикагской выставки 1893 года? На электромобилях! А потом все перекинулись на двигатели внутреннего сгорания. И опять я утверждал, что это – тупиковый путь. Только пожем почем зря нефть и задымим атмосферу. Будущее за электрическими двигателями, черпающими энергию из окружающей среды. И за гибридными двигателями, включающими как один из элементов мои газовые турбины. Но Генри Форд был влюблена в свое детище, оно приносило ему колоссальные прибыли, зачем ему нечто принципиально иное? Все дело в прибыли, в сиюминутной прибыли. Но можно воспрепятствовать продвижению изобретения, а мысль нельзя убить. Человечество, вынужденное обстоятельствами или повзрослев, вернется к моим идеям, воплотит в жизнь мои изобретения. И я увижу это!

Косанович какое-то время беззвучно разевал рот.

– Мы все желаем тебе долгих лет жизни, – выдавил наконец он, – но человечество взрослеет так медленно...

«Сказать ему? Намекнуть? – подумал Тесла. – Непременно надо будет. А то у него одни военные секреты на уме. Но не сейчас. В конце, перед самым уходом, его уходом. Запоминается последнее».

– Да, придется запастись терпением, – с улыбкой сказал он и, не удержавшись: – Всем нам. Но ничего, подождем, нам спешить некуда. Ведь мы из рода долгожителей, не так ли? А живем мы долго, в частности потому, что никуда не спешим, это один из секретов долголетия. Запомни это, Саввушка. Лично я с юношеских лет был уверен, что проживу сто пятьдесят лет, так чтобы заглянуть и в новое тысячелетие. И ведь прожил бы! Но у меня украли эликсир жизни, живую воду, aqua vita. А, ушки на макушке! Но ведь ты, насколько мне известно, не

пренебрегаешь этим чудесным снадобьем. Да, я имею в виду виски. Я пил его на протяжении многих лет. Это источник очень полезной энергии, а в энергии я немного понимаю. Конечно, не всякое. Американский бурбон вполне может и сократить жизнь, а вот шотландское средней выдержки, лет эдак пятнадцати-восемнадцати... Оно мне напоминало нашу родную самогонку, источник активного долголетия наших предков. И тут, как на грех, объявили «сухой закон». Ты застал фарс, а первое действие было, как водится, трагедией. Это было в начале Первой мировой войны. Мера традиционная, даже Россия с ее бесконечными зимами и трескучими морозами пошла на это, мера вынужденная и для многих категорий населения даже благотворная. Но нельзя же всех стричь под одну гребенку! Я выступил в прессе, назвав этот закон недопустимым нарушением моих гражданских прав. Выступление не возымело действия, наверно, надо было обратиться в Верховный суд. Мне, как законопослушному гражданину, ничего не оставалось делать, как смириться и отказаться от виски, равно как и от вина. Это стоило мне двадцати лет жизни. Боюсь, что больше ста тридцати я не протяну.

Сказано это было нарочито печальным голосом, но в глазах Теслы мелькали веселые искорки. Заметив их, Косанович тоже настроил ся на легкий лад.

– Ты лукавец, дядюшка, – воскликнул он, – деньги ему не нужны! Да никто в Нью-Йорке не тратил деньги с такой царственной легкостью.

– Ты не можешь этого знать. Когда ты приехал в Америку, я уже стал по-старчески скуповат.

– Кое-что и я застал, и тем легче поверил в многочисленные рассказы.

– Саввушка, никто не мог сказать, что я бездумно расшвыривал деньги, доставшиеся мне тяжким трудом!

– А кто двадцать пять лет жил в «Уолдорф-Астории», самой дорогой гостинице Нью-Йорка, пристанище герцогов и миллионеров?

– Ну надо же мне было где-то жить. Я же не покупал особняков, что действительно было бы бездумной тратой денег, а всю жизнь, одинокий, скитался по отелям. И что ты имеешь против герцогов? Они, по крайней мере, ведут себя прилично, тихо. Если я сплю два часа в сутки, то я имею право проспать их в тишине. И, кстати, это было совсем не дорого. Верный своим принципам, я тратился только на чаевые и обеды.

– Ага, обеды! Кто вызывал в Уорденклиф лучшего повара Нью-Йорка, чтобы он готовил тебе обеды? – вновь подначил старика Косанович.

Генрих Эрлих

– К сожалению, не лучшего, всего лишь шеф-повара «Уолдорф-Астории». Но не мог же я есть абы что, особенно в период напряженной работы. Это была производственная необходимость, не более того.

– А шикарные обеды в той же «Уолдорф-Астории», о которых суждали газеты и домохозяйки и на которые все стремились попасть...

– Естественно, стремились, всеми правдами и неправдами, – прервал его Тесла, – потому что приглашение на мой обед означало, что человек занимает не просто видное место в обществе, а принадлежит к сливкам высшего общества или обладает каким-то невероятным талантом.

– Это была тоже производственная необходимость?

– Конечно, потому что избранные из избранных отправлялись после обеда в мою лабораторию, где я демонстрировал им свои последние изобретения. Ты можешь предложить лучший способ поиска инвесторов?

Косанович не смог.

– Что же до роскошности обедов, – продолжал Тесла, – то это лишь дань моему перфекционизму. Я никогда и ничего не делаю наполовину. Если уж я устраивал обед, то не оставлял на волю случая ни единой мелочи в том, что касалось кухни, сервировки и обстановки. Я выбирал самую редкую рыбу и птицу, мясо самого превосходного качества, самые изысканные напитки, лучшие марочные вина. Сидя во главе стола, я снимал пробу с каждого подававшегося блюда, и если какой-то соус или вино, неоспоримо высокого качества, казались мне все же недостойными моих гостей, я отвергал их. Должен тебе заметить, что слухи о тех обедах все же сильно преувеличены. Да и продолжалось все это недолго, года два, не больше. Светская жизнь отнимала слишком много времени, отрывала от работы. Я вернулся к уединенному образу жизни, лишь изредка встречаясь с действительно интересными мне людьми: с Марком Твеном, Киплингом, Дворжаком, Падеревским.

Тесла с отрешенным видом поднял глаза к потолку, его пальцы непроизвольно задвигались, имитируя движения пианиста. Косанович понял, что еще немного – и дядя ударится в воспоминания об исполнении Падеревским Шопена или примется читать наизусть стихи Киплинга, как не раз уже случалось, так что он поспешил вернуть разговор в прежнее русло.

– А слухи о твоих демонстрациях в лаборатории тоже сильно преувеличены? Рассказывали, что они были эффектнее, чем твои обеды. Ты показывал фокусы, граничившие с чудом. Твои гости делились восторженными впечатлениями с газетчиками, те пересказывали их читателям, и те, зачастую далекие от науки люди, тысячами стека-

лись на твои лекции, шли как в цирк – семьями. И ты полностью удовлетворял их любопытство. Стоял на обширном полотне, сотканном из яростного, спепящего света, твое тело было окружено блистающими искрами, словно щупальцами осьминога, пучки световых игл расходились от спины. Рассказывали, что, когда ты протягивал руки, живые языки пламени срывались с твоих пальцев, словно мириады крошечных снарядов, с такой скоростью, что, казалось, могли пройти сквозь стены.

– Фокусы! Цирк! – добродушно проворчал Тесла. – В моих показах было не больше фокусов, чем в представлениях Гудини. И готовился я к ним не менее тщательно, придумывал и собирая специальное оборудование, проверял его и репетировал десятки раз. Я ведь никогда не показывал один и тот же эксперимент дважды. Для людей понимающих в каждом из них проступали черты нового изобретения или даже открытия. Непонимающие же видели в них действительно чудо, и в некоторых из них пробуждалось желание разобраться в сути этого чуда. Поэтому я никогда не препятствовал допуску детей и подростков на мои научные лекции. Кто знает, возможно, кто-то из них, завороженных красивыми опытами, решил посвятить свою жизнь благородному делу науки.

– Хоть убей, дядя, но я до сих пор не понимаю твой трюк с пропусканием через себя тока напряжением в миллион вольт. Ведь это за-просто могло убить тебя, – сказал Косанович, улыбнувшись собственному каламбуру.

– Над тобой довлеет стереотип описания этого варварского американского способа казни на электрическом стуле или собственный отрицательный опыт, когда ты получал болезненный удар при прикосновении к оголенному проводу домашней электропроводки. Но ведь ты наслаждаешься солнечным светом, его живительным теплом. А в чем, в сущности, разница между переменным электрическим током и солнечным светом? Только в частоте. У бытового электричества она 60 герц, у световых волн – миллиарды герц. Где-то между двумя этими крайностями электромагнитные вибрации с необходимостью должны утратить свою смертоносность. В электрическом ударе, наносимом организму, есть два аспекта. Первый – разрушение тканей теплом, которое усиливается с ростом силы тока, убивает ведь ток, Саввушка, амперы, а не вольты. Второй – боль, сила которой зависит от частоты тока. Каждый период переменного электрического тока создает отдельный импульс, который передается в головной мозг в виде боли. Я выяснил, что нервы способны реагировать на электрический импульс с частотой до семисот герц, большую частоту мы просто не чувствуем. Совершенно аналогично наш слух не способен воспринимать вибрации с частотой выше пятнадцати тысяч герц, а глаз не различает све-

Генрих Эрлих

товые вибрации выше фиолетовой части спектра. Когда я понял это, то поставил мысленный эксперимент и убедился, что высокочастотные токи не нанесут вреда моему организму. Тогда я просто взял и прикоснулся двумя пальцами к выходным клеммам генератора переменного тока с частотой двадцать тысяч герц. Я не ощутил ничего, кроме быстро нарастающего жара в пальцах. Тогда я пропустил ток через мой трансформатор с воздушным сердечником и увеличил его напряжение в десять тысяч раз, до завораживающего всех значения в миллион вольт, и при этом во столько же раз снизил силу тока, сделав его совершенно безвредным для организма. Я мог спокойно пропускать его через свое тело, от руки к руке или от головы до пят. Но возникла одна довольно неприятная проблема: когда я брался рукой за оголенный вывод трансформатора, в последний момент между проводом и рукой проскакивала искра, которая больно жалила и обжигала. Тогда я стал прикасаться к выводу металлическим стрежнем, который со стороны выглядел как волшебная палочка. А проскаивающие искры, теперь ясно видимые, только добавляли эффектности демонстрации. В другую руку я брал стальной стержень, и прикасался им к свинцовому диску, и он плавился на глазах присутствующих. Или дотрагивался голой рукой до лампы, и она загоралась без всяких проводов. Или просто протягивал руку в направлении вакуумной лампы, и она вспыхивала ослепительным светом. Фокусы... – усмехнулся Тесла. — Куда ж без фокусов! Фокусы и есть. Я тебе открою страшную тайну: этот ток в миллион вольт не проходил через мое тело. Высокочастотные токи текут по воздуху. Этим и было вызвано свечение вокруг меня во время демонстрации опытов, столь изумлявшее зрителей, а мистически настроенных людей и вовсе повергавшее в священный трепет. Знаешь, мне нравилось ощущение тока в миллион вольт, текущего по поверхности моей кожи, оно вызывало приятное щекотание, нежное поглаживание сродни прикосновению голубиного пуха.

— Что-то мне не верится, что ты делал все это лишь для просвещения и развлечения почтеннейшей публики, – последние слова Косанович произнес тоном ярмарочного зазывалы.

– Правильно не верится, – усмехнулся в ответ Тесла, – я же уже говорил тебе, что на моих лекциях, и особенно на частных демонстрациях, в моей лаборатории всегда присутствовали промышленники и финансисты. По сути дела, я рекламировал им мои изобретения. Так уж устроен человек, что потрясти и увлечь его может только чудо. Ведь тот же Вестингауз пришел ко мне после моего выступления перед аудиторией Американского института инженеров-электриков. Но Джордж был специалистом в электротехнике, выдающимся специалистом, а большинство финансистов по своему образованию ничем

не отличались от средних обывателей. Им я и являл чудо, множество чудес.

— Да, без рекламы нынче ничего не продаешь, — согласно кивнул головой Косанович и, понизив голос, тихо добавил, — даже секреты.

— Я тебя понимаю, я тоже продавал секреты, — сказал Тесла и тут же поправился, чтобы избежать двусмысленности: — Свои секреты. И я старался обернуть их в яркую упаковку. Некоторые мои друзья-журналисты тоже преуспели в этом.

Он замолчал, переведя взгляд на большую фотографию в рамке, висевшую на противоположной стене. На ней была изображена гигантская лаборатория Теслы в Колорадо-Спрингс. Лаборатория походила на большой амбар, собственно, она и была когда-то амбаром. Площадь ее была около девятисот квадратных метров, так что боковые стены не попали в кадр. Высота от пола до потолка — более семи метров. Посередине лаборатории, лишь немногого не доходя до стен, стоял круглый деревянный каркас диаметром 23 метра, обмотанный толстым проводом, — гигантская катушка Теслы. Внутри ее на пустом пространстве располагался слева четырехметровый трансформатор, увенчанный сверху большим медным шаром, а справа — несколько приемных устройств различной высоты. От шара к приемникам тянулось множество светящихся линий — электрических разрядов, целый пучок молний. Часть светящихся линий утыкалась в пол, образуя шатер над сидящим в кресле мужчиной в белоснежной рубашке и выставленных напоказ элегантных ботинках, читающим толстую книгу. Внизу фотографии была надпись бисерным почерком: Эксперимент Николы Теслы.

Косанович не сразу сообразил, на что устремлен взгляд дяди. Потом тоже стал рассматривать эту тысячи раз виденную и многократно воспроизведенную в различных изданиях фотографию. Наконец, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Так это... — смеясь, начал он.

— Конечно, монтаж, — улыбнулся Тесла, — дело не в том, что такое невозможно. — И, внезапно посеревшев, сказал с нажимом: — Все, зафиксированное на фотографиях, хранящихся в моем архиве, сколь невероятным оно бы ни казалось, возможно и имело место в действительности. Но! — Улыбка вернулась. — Не мог я так сидеть в лаборатории. Во время эксперимента я был весь в эксперименте, наблюдал, снимал показания приборов, крутил ручки. Но Мартин счел, что такая композиция будет намного эффектнее. Я бы до такого не додумался!

— Эффектно получилось, — согласно кивнул головой Косанович, — сверхчеловек! Да, дядя, ты всегда любил изображать из себя сверхчеловека. И, признайся, ощущал себя сверхчеловеком, если не самим Господом Богом.

Какой я Бог? Я знаю облик свой.
Я червь слепой, я пасынок природы,
Который пыль глотает пред собой.
И гибнет под стопою пешехода, —

продекламировал Тесла.

— Уничтожение паче гордости, так говорят у нас, — сказал Косанович и украдкой посмотрел на часы.

— Что-то заболтались мы сегодня, — сказал Тесла, не показывая виду, что заметил это движение, — знать, старею, воспоминания о прошлом затмевают настоящее и не позволяют задумываться о грустном будущем. Кстати, о будущем. Всякое в жизни может случиться, то есть понятно, что может случиться со мной. Ты мой единственный наследник. Все мои вещи хранятся... Ну, ты лучше меня знаешь, где они хранятся, потому что платишь за хранение. Но самое ценное, ценное и важное для меня, я храню здесь. — Тесла вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с невысокой шкатулкой красного дерева размером чуть больше стандартного листа писчей бумаги с латунным врезным замком. — В этой шкатулке — итог моей жизни и залог жизни будущей, это мое своеобразное завещание и в то же время послание будущим поколениям. Я оставляю ее тебе.

Косанович протянул руки, — чтобы взять шкатулку, но Тесла остановил его.

— Нет, нет, не сейчас. Я ее поставлю в сейф, ведь у тебя есть второй ключ от сейфа, и когда я уйду, ты первым делом придешь сюда и заберешь шкатулку. Потом отвезешь ее на родину, ведь ты рано или поздно вернешься туда, и будешь хранить ее всю свою жизнь, а потом передашь... кому захочешь, тому и передашь, и пусть он или она тоже хранит ее всю жизнь.

— Да, дядя, — сказал Косанович, не скрывая удивления, — я сделаю все, как ты говоришь.

Тесла подошел к сейфу, вделанному в стену, открыл его и поставил в самый низ шкатулку. Косанович заглянул ему через плечо. Сейф был пуст, только на средней полке лежал конверт без надписи. «Завещание или копия завещания, — подумал Косанович, — тонковато, конечно, но что ему завещать?»

Провожая племянника к дверям, Тесла вдруг остановился и начал медленно говорить:

— Люди жаждали и жаждут чудес. Но штука в том, что поверить в чудо можно, лишь отключив сознание. Люди думающие не склонны верить не только в чудеса, но в большинстве случаев и в то, что выходит за пределы их знания, непосредственного опыта или круга возможного, начертанного образованием. Все, что выходит за пределы этого круга, они считают невозможным. Поэтому часто мне приходи-

лось искусственно занижать высоту своих открытий, чтобы создать видимость попадания в круг привычных людям понятий и представлений. Что далеко ходить за примерами: я, как ты знаешь, почти пятьдесят лет занимался проблемой связи с внеземными цивилизациями, с иными мирами, – с нажимом сказал он. – Люди, большинство, называющее себя здравомыслящим, называли меня фантазером и открыто поднимали на смех. У меня есть и последователи, до сих пор пытающиеся установить связь с обитателями Марса. Нет на Марсе никаких обитателей, я это знаю точно, потому что очень сильно продвинулся в моих исследованиях. – Тесла многозначительно помолчал. – Но я был вынужден говорить, что я пытаюсь установить связь с внеземными цивилизациями, потому что люди еще могут как-то принять и переварить это. В отличие от другого... – Тесла вновь замолчал, вперив немигающий взгляд в племянника, потом продолжил, как бы спохватившись: – Что ж я тебя задерживаю! Ты иди, Савва. Но не забывай меня, моих просьб. Надеюсь, ты придешь сюда послезавтра.

– Да, конечно, ведь послезавтра праздник – Рождество.

– Долгих лет жизни тебе, Савва!

В холле отеля Косановича ждал секретарь.

– Мы опаздываем, патрон, – сказал он.

– Да, знаю, но старик заболтался, не мог же я его прервать.

– Как здоровье мистера Теслы?

– Бодр на удивление. Мне бы быть в такой физической форме в его возрасте! Но голова начинает сдавать, это мягко говоря. Показывает мне шкатулку, береги, говорит, это самое для меня дорогое, это итог жизни. Я поначалу подумал, что завещание, но потом сообразил, что мемуары, старик давно грозился их написать. Нет чтобы сразу их мне отдать, так он их в сейф запер.

– Мемуары Николы Теслы представляют огромную ценность, – заметил секретарь.

– Они бесценны!

Косанович с секретарем торопливо вышли из отеля. Вслед им, захлопнув блокнот со стенограммой разговора, двинулся человек среднего роста в черных ботинках на толстой каучуковой подошве, сером костюме, мышиного цвета пальто и надвинутой на самые глаза шляпе. Неприметность человека бросалась в глаза. «ФБР», – дружно подумали обитатели, посетители и служащие отеля, провожая его взглядами.

Глава 9

Приключения посыльного

Карриген пребывал в замешательстве. С одной стороны, он точно знал, что Марк Твен умер много лет назад. С другой стороны, мистер Тесла сказал, что он третьего дня читал ему свой роман, как бишь его, «Таинственный незнакомец». Карриген благоговел перед Теслой. Старики, конечно, были со странностями, с большими странностями, хотя, если вдуматься, не такими уж и большими с учетом возраста, скорее следовало удивляться тому, что он дожил до такого возраста, сохранив ясный ум. До этого дня все, что говорил ему мистер Тесла, было истинной правдой и всегда сбывалось. Какие у него основания не верить мистеру Тесле и сейчас? То, что все считают Марка Твена давно умершим? Но сколько раз бывало, что все, абсолютно все ошибались, а мистер Тесла выходил прав.

Мелькнула спасительная мысль – а не посоветоваться ли с начальником отделения. Но Карриген тут же отбросил ее. Начальник был из новых, из новых во всех смыслах. Он не знал мистера Теслу и, похоже, вообще не понимал, что значит дорожить старыми клиентами и как надлежит выполнять их маленькие причуды. А вот так! Карриген бодро отправился на Пятую Южную авеню. Точнее говоря, на Западный Бродвей – так уже лет двадцать называлась после переименования эта авеню. Дома, как принято в Америке, тоже получили новые номера, весьма произвольные в соответствии с пожеланиями владельцев, так что ему придется затратить немало усилий, чтобы выяснить, где во время оно располагался нужный дом. Дом-то он нашел, в целости и относительной сохранности, но никто в округе не знал мистера Марка Твена.

Карриген был обескуражен. Как же так? Ведь мистер Тесла сказал! И он поплелся обратно в отель «Нью-Йоркер».

– Вам удалось разыскать моего друга? – спросил с порога Тесла.
– Как он вас принял? Дурачился, наверно, по своему обыкновению, изображал рубаху-парня с Юга?

– Боюсь разочаровать вас, мистер Тесла, но мне не удалось найти мистера Марка Твена, – опустив голову, сказал Карриген.

– Почему: Марка Твена? – изумился Тесла – Кто сказал: Марка Твена? Как можно найти несуществующего человека? Я посыпал вас к мистеру Сэмюэлю Клеменсу! Да вы на конверте посмотрите, я, помнится, надписал.

Карриген достал конверт. Действительно: Сэмюэлю Клеменсу, Пятая Южная авеню, 35. Он сгорал от стыда. Перепутать фамилию адресата – такого с ним еще не случалось.

– Я найду мистера Сэмюэля Клеменса, обещаю, мистер Тесла, – сказал он, поспешно выходя в коридор.

В третьем по счету баре ему повезло.

– Я знаю всех в округе, – сказал ему завсегдатай бара, – конечно, только порядочных людей, тех, которые ходят в бары по пятницам. Но мистер Сэмюэль Клеменс... Погодите, погодите. Точно? Вам, скорее всего, нужен Сэм, на мистера он пока не тянет, но парень что надо. Он в наших краях недавно, поэтому еще не все его знают, и мнит себя писателем.

– Да, да, очень похоже! – воскликнул обрадованный Карриген.

– Второй дом за углом, – махнул рукой в сторону спаситель, – там сдают комнатенки, гордо именуемые меблированными квартирами. Спросите Сэма, уж там-то его все знают, этот парень не затеряется в толпе.

Карриген припустил к указанному дому. Дверь открыл высокий мосластый парень с растрепанной шевелюрой и пышными усами, обряженный в ковбойку в крупную красно-черную клетку и синие, местами вытертые до белизны джинсы.

– Вы по поводу оплаты? – несколько смущенно спросил он, но, заметив пакет в руках Карригена, тут же сменил тон. – Э, приятель, ты мне хочешь что-то предложить. Ты обратился не по адресу. На мели, гол как сокол, бьюсь как рыба об лед, а в кармане хоть шаром покати.

Акцент выдавал в нем уроженца южных штатов.

– Мистер Клеменс? – уточнил Карриген.

– Клемси, Клемси. Но зови меня просто Сэмом, приятель, мне так привычнее.

– Вам посылка и письмо, сэр.

– Посылка – это сюрприз, а письмо жду не дождусь. Давай!

Сэм буквально вырвал конверт из рук Карригена и, не дав тому возможность осуществить хитроумный план ретирады без ответа, тут же развернул письмо и принялся читать.

– О, таинственный незнакомец! Святой Николай услышал мои молитвы! – воскликнул он, вынимая банкноты и пересчитывая их. – Тютелька в тютельку, сколько надо!

– Шкатулка, сэр, – напомнил Карриген, протягивая шкатулку.

– Поставь на стол. Отныне я буду любоваться ею, не смея заглянуть внутрь. Ко мне никто никогда не обращался с такими просьбами, разве что в прошлой жизни. Ты веришь в переселение душ, приятель?

Карриген неопределенно пожал плечами.

– Я, честно говоря, тоже. Я верю в слияние душ, в слияние тел. А переселение – лишь необходимый этап на пути к этому. Вижу, ты меня не понимаешь. Все просто! В Кранмере меня ждет девчонка, классная девчонка, и теперь я могу переселиться к ней, чтобы слиться душой и телом. Сегодня же и отправлюсь! Какой же я был дурак, что сюда приехал, в эти каменные джунгли, на эти тесные авеню. То ли дело у нас, парк – да и только.

– Ваша правда, сэр, в Грамерси-парк намного комфортнее. Извините за напоминание, шкатулку не забудьте взять с собой.

– Ни в коем случае! Что угодно могу забыть, а ее – никогда. Она будет стоять в нашем доме на самом почетном месте, я завещаю ее детям, которых мне родит моя Мэри, а те своим детям. Вы знаете другой способ сохраниться в вечности? Вот и я не знаю!

Сэм перебрал банкноты, с легким вздохом отдал самую мелкую, в пять долларов, и протянул Карригену.

– Премного благодарен, но это слишком много, – ответил тот.

– Что ж поделать, приятель! Я нисколько не преувеличивал глубину моей финансовой пропасти. На ее дне не завалялся даже паршивый никель. Да и твоя услуга стоит того – ты изменил мою жизнь.

– Все равно не могу принять, учитывая ваши стесненные обстоятельства. Вы сами сказали: тютелька в тютельку.

Так они препирались некоторое время, все больше проникаясь симпатией друг к другу. Наконец Карриген открыл причину своего упорства: пославший его мистер Тесла (не слыхали? великий человек!), обрадованный успешным выполнением сложного поручения, несомненно даст ему двойные чаевые, так что в накладе он не останется. На том и расстались.

Карриген как в воду глядел. Мистер Тесла отвалил ему всю кучу квотеров, что лежала на тумбочке у входной двери и предназначалась для чаевых, все пять долларов и семьдесят пять центов! Как будто больше никого не ждал.

Глава 10

Старый соратник

Он и не ждал. Разделавшись с посетителями, непривычно многочисленными, Тесла некоторое время ходил по номеру, тихо декламируя:

Но я к загробной жизни равнодушен.
В тот час, как будет этот свет разрушен,
С тем светом я не заведу родства.

Я сын земли. Отрады и кручины
Испытываю я на ней единой.
В тот горький час, как я ее покину,
Мне все равно, хоть не расти трава.
И до иного света мне нет дела,
Как тамошние б чувства ни звались,
Не любопытно, где его пределы,
И есть ли там, в том царстве, верх и низ.

– Какая чушь! – воскликнул Тесла. – О, глупый, недалекий Фауст, сжигаемый низменными земными страстями! Он, видите ли, равнодушен к загробной жизни, ему не любопытно! Еще как любопытно! В этой жизни нет ничего более любопытного, чем иная жизнь. Если бы он знал!.. Если бы он знал, не бросался бы такими словами – хоть не расти трава. Трава должна расти, и по ней должны ходить люди, не-пременно – любопытствующие люди. Без них, без наблюдателей, без материализаторов, иной мир ничто, царство неопределенных теней, колебание эфира. Он есть, и его нет. Эти молодые люди, придумавшие волновую механику, верно угадали. Это Ты показал Шредингеру формулу? – спросил Тесла, подняв голову к небу и упервшись взгядом в потолок. – А ведь он нисколько не лукавил, говоря, что взял формулу с потолка, – усмехнулся Тесла. – Вот она, ограниченность кругозора! Получили откровение, но не рискнули распространить его за пределы мира мельчайших частиц. Если все будут таковы, то у меня ничего не выйдет. Это будет очень досадно! Я не хочу навсегда покидать этот мир. Он хоть и не идеален, но он – живой. Я люблю жизнь.

Тесла продолжал мерить комнату своими гигантскими шагами.

– Любопытствующие, конечно, есть, – сказал он вслух, – но их любопытство какое-то суетное, приземленное. Взять того же Савву... – Тесла досадливо покачал головой. – Боюсь, он ничего не понял. И не поймет. Надо ему еще какой-нибудь знак оставить.

Подумав, Тесла подошел к сейфу, открыл его и вынул конверт. В нем была единственная фотография. Тесла долго с любовью смотрел на нее, потом поцеловал и положил на шкатулку. Затем он снял со стены фотографию колорадской лаборатории, извлек ее из рамки и слегка надорвал верхний край. Долго рылся в столе, ища ручку, – он уже много лет писал карандашами. Наконец нашел, расписал перо на пустом конверте, заключил надпись на фотографии в элегантный, с завитушками картуш. Фотографию – в сейф, на шкатулку, скомканный конверт – в урну, дверцу сейфа – на замок, ключ – в карман. Все!

«Терпеть не могу зависеть в своих экспериментах от кого бы то ни было! – воскликнул мысленно Тесла. – Всегда предпочитал работать один, все делать своими руками, все видеть своими глазами».

Генрих Эрлих

В этот момент раздался осторожный стук в дверь. «Савва, наверно, вернулся», – подумал Тесла и распахнул входную дверь. На пороге стоял пожилой, коренастый мужчина в кепке, с тощей хозяйственной сумкой в руках. Сняв кепку, он сказал:

– Мистер Тесла! А вы совсем не изменились. Вот, проходил мимо, думаю, дай зайду наудачу, вдруг вы сможете меня принять. Ведь мы так давно не виделись.

– Рад видеть вас, Коулмен, – Тесла был явно обрадован, – а вы тоже нисколько не изменились, я вас сразу узнал. Как только кепку сняли, – рассмеялся он и сделал широкий приглашающий жест. – Задорите, мистер Шито. Несказанно счастлив увидеть старого соратника и, позволю сказать, друга.

Мужчину звали Джалиусом, Джалиусом Шито. Но он не подумал поправлять Теслу или обижаться на него. Он ведь и сам в последнее время стал путаться, разглядывая старые фотографии, где он, а где его отец. По мистеру Тесле, с которым они стояли рядом на фотографиях, разве же определишь, он не грунел с годами и всегда был затянут, как в униформу, в одинаковые элегантные костюмы.

– А уж как я рад видеть вас в добром здравии! – откликнулся Джалиус, входя в номер и оглядываясь. – Все один живете...

– Живу!

– А я вот к дочке приехал, вернее, к внукам. Вообще-то, они всегда к нам приезжали на Рождество, как положено. Да и лучше у нас, всего два часа езды на поезде, а как будто, другой мир: и лес у нас, и люди другие. В общем, собирались всей семьей. А тут младший внук приболел, вот и решили встретиться в Нью-Йорке. Ну а как приехал, так и задержался. Вот уж скоро две недели, но завтра уезжаю. Да-а... Услышал, что вы теперь в этом отеле живете, решил навестить.

– Спасибо. Так у вас большая семья?

– Да, два сына, две дочери, обе замужем, внуки, внучки, большая семья.

– Очень хорошо! А что с работой?

– Я давно на пенсии, мистер Тесла. Но как без работы? Все что-то мастерю дома. Игрушки, во всех смыслах. Да и как работаю? Поковыряюсь часок и – в кресло, отдыхать. А как сел, так и сидишь, вспоминаешь, как мы с вами, мистер Тесла, работали. Как работали! Помните, как привезли оборудование в Уорденклиф? Вы тогда аж дрожали от нетерпения и предвкушения, точь-в-точь, как наша старая охотничья собака, когда мы с отцом шли с ней в лес. Так вам хотелось по-быстрее установить оборудование, включить его и начать свои эксперименты. Мы с парнями работали как заведенные десять часов, вы кричите: «Сверхурочные – вдвоем!» – а мы и рады стараться. Перекусили и – вперед. А вы даже не обедали, все так и работали, парни

Загадка Николы Тесла

поражались, ну да им это было внове. Еще через десять часов: «Тройная ставка!» – нам все ни почем. Перекусили и – вперед.

– Так вот на чем я разорился! – рассмеялся Тесла.

– Не на этом, мистер Тесла. Ведь потом вы подняли ставку вчетверо. Но к исходу второго дня мы спеклись, повалились на пол тут же, в лаборатории. Помню, просыпаюсь, не могу понять, то ли утро, то ли вечер. Только вижу вас, работающего, все в той же белоснежной рубашке, это меня спросонья больше всего поразило.

– Я просто каждые восемь часов менял рубашки. Безумно жаль было тратить на это время, но – надо!

– А потом мы работали еще сутки, не переставая, и, лишь подключив все приборы, отправились спать в отель. Прихожу с утра, а вы за столом, что-то записываете в журнал, как не уходили.

– А я и не уходил! – воскликнул Тесла. – К сожалению, те труды пропали зря. Мы так и не провели в Уорденклифе ни одного крупного эксперимента из тех, что я намечал. Кончились деньги – кончилась работа. Вы ведь, если не путаю, жили там еще несколько лет. Как, наверно, грустно было бродить вам по обезлюдевшим лабораториям среди мертвого оборудования.

– Весёлого было мало, это верно. Но ведь иногда приезжали, мистер Тесла, и мы с вами включали приборы, и опять сверкали молнии, и вы сотрясали землю и небо. Помните, в июне 1908-го...

– У вас поразительная память, мистер Шито, – сказал Тесла, внимательно глядя на собеседника.

– Что вы! Все уже забываю, очки по часу ищу, приду в магазин, а зачем пришел, что хотел купить – не помню. Но тогда, в июне 1908-го, у меня сын родился, такое ж разве забудешь? Пока, по крайней мере, помню.

– Да что Уорденклиф! – воскликнул Тесла. – Великая мечта! А вот Колорадо-Спрингс... Там мы действительно кое-что сделали. Помните, Коулмен?

Джулиус не помнил, потому что не был в Колорадо-Спрингс. Но отец столько раз рассказывал ему о колорадских экспериментах, что Джулиус представлял все въяве. Он кивнул головой.

– Я тогда задумал сразу в сто раз поднять рекордную планку до-стигнутых напряжений и собрал с вашей помощью уникальный осциллятор с высоченной антенной.

– С мачтой, мистер Тесла, с мачтой! Она прошивала здание посередине, возвышаясь точно над осциллятором. Там еще была раздвижная крыша! Как она смотрелась снизу! Упиралась в небо! Двести футов! Медный шар наверху казался маленьkim, меньше бейсбольного мяча, а ведь был четыре фута в диаметре. Как мы его поднимали!..

– Да, вы тогда хитрую штуку предложили, я поразился!

Генрих Эрлих

– И премию дали.

– Не помню, но за такое не мог не дать. Да и как не дать, если эта премия вполне могла стать последней, – улыбнулся Тесла. – Я ведь, честно говоря, не знал точно, чем все это завершится. Предполагал, конечно, но... – Тесла развел руки и пожал плечами.

– Именно поэтому вы и приказали мне включить рубильник лишь на одну секунду?

– Попросил, мистер Шито, попросил. Именно поэтому. А сам на всякий случай встал у дверей, но так, чтобы видеть сквозь раздвинутую крышу шар на вершине мачты. Включай, крикнул я.

– А я включил и тут же сказал себе: выключай! И – выключил. Одно мгновение, а до сих пор стоит перед глазами. Эта катушка в центре лаборатории, покрытая всполохами огней. Как трава в воде шевелится. И щелканье такое вокруг, как будто стая птиц налетела. А сверху треск, такой, когда молния в огромный дуб попадает и раскалывает его до самой земли.

– А каким же еще ему быть! Ведь это и была молния! Ведь вот ждал – и не мог поверить глазам своим. Какое это было зрелище! Впервые!.. Вот тогда я приказал, безо всяких формальностей: врубай, Коулмен!

– И я врубил!

– Вырубай!

– Уже вырубил.

– По второму разу эффект был не тот. Да и крыша, хоть и раздвижная, обзор закрывала. Я решил посмотреть на все с улицы. А вас попросил не выключать, пока не крикну. Но как было остановить такую фантасмагорию?! Молнии раз от разу становились все длиннее. Три метра, пять, десять, двадцать! Они были длиннее здания. И в руку толщиной! И с каждым разом все более голубые!

– А я-то страху внутри натерпелся! Отодвинулся от щита, а ну как коротнет, но руку на ручке рубильника держу, чтобы как только, что сразу. А вокруг! Искры летают, не поверите, со шмеля и жужжат, и ужалить норовят. А сверху бабахает, раз за разом, бах-бах-бах. Светло, как... как никогда в жизни, как в Судный день. Стены ходуном ходят. Все, думаю, пиз... Извините, мистер Тесла.

– Ну что ты! Ты тогда и не такое кричал.

– Я еще и кричал?

– А то! Сквозь грохот молний доносилось! Та-та-та-та.

– Это я вам сигнал подавал, что я живой, – нашелся Джюлиус, – вы-то молчали, я и думаю: живой ли там мистер Тесла или уже... медным шаром накрылся. Чуть было рубильник не отключил из-за этих мыслей. Во как! И вдруг – тишина. И вы заходите в дверь, такой весь в визитке, в котелке, с тростью и спрашиваете таким голосом, что меня

мороз прорвал по спине: мистер Шито, зачем вы остановили мой эксперимент?

– Ну кто же знал, что это сгорел генератор на станции.

– И вот тут уже вы закричали. Вы никогда так не кричали, по крайней мере, при мне. Можно было подумать, что вы хотите докричаться до начальника станции напрямую, хотя у вас была телефонная трубка в руках. «Говорит Никола Тесла», – изобразил Джулиус, – вы отключили у меня электричество. Немедленно верните мне МОЕ электричество».

– И ведь действительно – мое.

– Да, мистер Тесла.

– Славные были времена!

– Славные, мистер Тесла.

Два старика, тяжело дыша, опустились в кресла. Тесла смотрел на своего старого сотрудника, и чем дальше, тем сильнее в нем крепло убеждение, что...

– Мистер Шито, – сказал Тесла, – у меня есть к вам просьба.

– Приказывайте, мистер Тесла! Я буду рад исполнить все, что в моих силах и более того, в два, три и даже четыре раза.

– Возможно, это моя последняя просьба, – продолжил Тесла, все еще погруженный в раздумья.

Наконец он встал, подошел к сейфу, открыл его, переложил фотографии на среднюю полку, достал шкатулку и вновь запер сейф.

– Здесь, мистер Шито, лежат документы, повествующие о некоторых экспериментах, которые мы когда-то провели вместе с вами, – сказал он, ставя шкатулку на журнальный столик. – Я давно хотел обнародовать их, но люди – люди как будто сошли с ума. Все воюют и воюют. Вот и сейчас идет война, возможно, она будет самой кровопролитной в истории. А после нее в течение еще многих лет побежденные будут изживать горечь поражения, а победители будут ожесточенно делить лавры победы. Нескоро дойдет время до некоторых моих изобретений, нескоро человечество научится использовать их во благо, а не во вред. Поэтому я хочу передать эти документы следующим поколениям, которые будут добре и мудре нынешнего. Я прошу вас сохранить эти документы, пусть они станут известны только внукам ваших внуков, и тогда, я верю, они заживут в новом, лучшем мире.

– Я сделаю все, как вы сказали, мистер Тесла. Вы же знаете, я никогда не подводил вас.

– Никогда, – ответил Тесла и, спохватившись, продолжил: – Голова дырявая! Совсем старый стал! У меня есть еще одна просьба, которая обременит вас несколько больше.

Он жестом пригласил Джулиуса следовать за ним, прошел в кабинет, показал рукой на стол.

– Голубка, – сказал Джулиус, – точно такая же, как та...

Тесла с изумлением посмотрел на старого друга.

– Да, сколько уж лет прошло, – продолжал Джулиус, – пятнадцать, никак не меньше, а я помню. Вы тогда в «Пенсильвании» жили, в отеле «Пенсильвания». Такая же была, белая, с серыми крапинками. Красивая. Тоже умерла. Вы ее тогда похоронить попросили и плиту положить, прямо как человеку, и ухаживать, значит, за могилкой. Я все исполнил! Мои-то все посмеивались поначалу, а теперь как приедут, так первым делом к ней, к голубке, цветы кладут. Уж я над ними посмеиваюсь. Ну, я все понял. Я их рядом положу.

– Там никого не будет, – сказал Тесла.

– Конечно, я понимаю, столько лет прошло. Я все сделаю, мистер Тесла!

Джулиус, молча попросив разрешения Теслы, взял газету и завернул в нее голубку, положил сверток в сумку, на шкатулку. Постоял немного, умильно глядя на Теслу, потом поклонился и двинулся к дверям. И тут Тесла, повинувшись внезапному порыву, сделал нечто совершенно невообразимое. Он шагнул навстречу Джулиусу и обнял его, уткнувшись носом тому в макушку. Тесла неловко похлопал его рукой по спине и чуть отодвинулся, все еще держа Джулиуса руками за плечи.

– Прощай, старый друг. Нет, до свидания. Мы еще увидимся.

– Мы еще увидимся, мистер Тесла, – эхом отозвался Джулиус, не пытаясь сдержать слез.

– Да, мистер Шито, чуть не забыл! – воскликнул Тесла. – В ваш дом никогда не попадет молния.

– Я знаю, мистер Тесла. У меня стоит громоотвод.

Глава 11

Шиз-вумэн

Саров открыл глаза и какое-то время пытался сообразить, где он находится. Незнакомая комната, широкая кровать, обои в розочках. Холодно — забытое ощущение. Два раздраженных голоса, мужской и женский, не студенты. Проплыли мимо. Три хлопка, багажник и две дверцы машины, урчание двигателя, шорох покрышек. Тишина.

Мотель, сообразил Саров. Потряс головой, разгоняя остатки сна. Сел на кровати, опустив ноги на пол, будто в таз со льдом поставил. Вскочил и бегом отправился в душ. Ударила струя ржавой воды.

«Твою мать! – воскликнул в сердцах Саров. – И за это они дерут стольник! Да пятнадцать лет назад за эти деньги можно было в «Хилтоне» переночевать». Пятнадцать лет назад Саров не останавливался в «Хилтоне», собственно, он ни разу в жизни не был в «Хилтоне», но «Хилтон» ассоциировался с богатством, это имя в Калифорнии, да и не только в Калифорнии, было на слуху.

Все понемногу входило в нормальную колею. Вода пошла чистая и даже горячая. Допотопного вида фен неожиданно заработал. Саров провел внешней стороной ладони по выбритым щекам – годится. Аккуратно причесался, натянул джинсы, достал джемпер из сумки, похвалив себя за предусмотрительность, надел куртку поверх джемпера, совсем хорошо стало. Сумку с ноутбуком на плечо, сумку с вещами в руку, ключ от номера – администратору. А вот и старушка-«Королла». Саров выехал с территории мотеля и медленно двинулся по дороге, высматривая кафе. Глянулось третье по счету, остановился, заказал целый кофейник и яичницу с беконом, сел за столик в почти пустом зале, где было трое таких же, как он, бедолаг, вынужденных куда-то ехать ранним воскресным утром.

Куда его несет?

Вчерашним утром все представлялось по-иному. Проснулся он в удивительно бодром состоянии духа. Было какое-то необычное ощущение начала новой жизни. Неожиданное увольнение воспринималось уже не как трагедия и даже не как досадная неприятность, а как необходимый этап перехода к «новой реальности». Именно это выражение и пришло ему тогда на ум, он еще очень подивился, потому что никогда его не использовал, более того, ко всем этим «новым реальностям», «новым уровням сознания» и тому подобной «новизне» он относился скептически и шарахался от них, как черт от ладана.

Он проверил электронную почту. Послание от вчерашнего корреспондента, как бишь его, да, Фрэнсиса, Фрэнсиса Клиффорда. Традиционное американское «You are welcome!», номер телефона вместо подписи и три пришипленных файла, три карты с нанесенным маршрутом. Зачем так много? Вполне хватило бы одной, с планом Санта-Фэ, где проживал этот самый Фрэнсис. Уж до Санта-Фэ он как-нибудь бы и сам добрался, для этого ему даже карты не нужно, ездил и не раз по этой трассе.

У них это называется близко! В приличных европейских странах на такие расстояния – только самолетом. На крайний случай – скоростным поездом, не российским скорым, а именно что скоростным, под триста. Но этот Фрэнсис, похоже, не сомневался, что он поедет именно на машине, ишь как вычертил маршрут: от северо-восточного угла их университета по Сансету в сторону Пасадены, потом по 210-му до 15-го. И в спешке, видно, залез линией на территорию уни-

верситета, прямо на третий паркинг, где, так совпало, Саров держал свою машину.

Это уж он потом сообразил, зачем были нужны три карты. Чистая психология! Ведь вот ездил же он по этой трассе, а все равно купился. Две крупномасштабные карты съели расстояние на третьей, казалось, вот выедешь из большого Лос-Анджелеса, проедешь немного, и ты в Санта-Фэ, вот там, в незнакомом городе, придется покрутиться. Лишь проезжая Викторвилль, Саров понял, что до Санта-Фэ он добрался бы разве что к полуночи, да и то если не пить, не есть и все время жать педаль газа до полу.

Но в Санта-Фэ он не спешил. По дороге у него было еще одно дело, которое никак нельзя было откладывать. А с учетом предошущения начала новой жизни, так тем более. Кто знает, куда его эта новая жизнь зашвырнет, так и с сыном повидаться не успеешь. А когда еще представится такая возможность – who knows, как говорят в Америке. Именно им в нос...

Таньке он нарочно не стал звонил заранее, с нее станется услать куда-нибудь парня, а потом рассыпаться в притворных сожалениях: ах, какая нездача, ах, как Ромочка расстроится, я ему и говорить не буду, чтобы не расстраиваться, он ведь так редко видит отца, позвонил бы раньше, хотя бы за две недели, мы бы все переиграли, но Ромочка очень бы расстроился, если бы не смог поехать... Куда поехать? Да какая разница, Танька бы придумала, у нее это ловко выходит.

К ланчу добрался до Йермо, доехал почти до самого их дома, только тогда позвонил. «Ах, какая нездача! Ах, как Ромочка расстроится!» – ответил Танькин голос. Он, конечно, съездил в школу, уточнил, что баскетбольная команда, куда входил запасным Роман Сароу, уехала на матч куда-то под Лас-Вегас, вернутся поздно вечером в воскресенье. Он тяжело вздохнул: от судьбы не уйдешь! Вновь набрал Танькин номер. В дом она его не пригласила, да он бы и сам не пошел. Встретились на нейтральной территории, в кафе. Поговорили, о сыне, естественно. Обошлось без обычных Танькиных наездов и упреков, и вообще она показалась ему какой-то пришибленной. Или у них тоже что-то случилось в черную пятницу? Только подумал, как сразу у него с языке и полилось: и о вызове к Большому боссу рассказал, и о том, как в кафе напоследок с коллегами посидели, и о том, что с работой сейчас полная жопа, когда устроится и устроится ли вообще – вилами по воде писано. Танька пригорюнилась, и не только из-за алиментов. Ничего, мы потерпим, сказала она и больше к этому не возвращалась. У тебя заначка-то есть, спросила она без всякой задней мысли. Нет, ответил он искренне. Плохо, сказала она, очень плохо, я бы тебе дала в долг, да мы сами в долгах как в шелках. Давай,

говорит, отъедем куда-нибудь в сторонку, курить хочется, сил нет, а здесь нигде нельзя. Выехали за город. Много времени это не заняло. Ну и дыра, думал Саров, следуя указаниям Таньки, сонный городишко, с тоски тут подохнешь. Со всеми местами, где они жили, пока были вместе, и сравнивать нельзя, небо и земля, а уж о Лос-Анджелесе и говорить нечего. Таньке бы там понравилось.

Пришел ее черед изливать душу. За два года, что они прожили врозь, много всякого накопилось, за отсутствием подруг все это вылилось на Сарова, далеко не лучший объект для признаний. Он бы мог, конечно, позлорадствовать: за что боролась, голубушка, на то и напоролась. Но не злорадствовал, все ж таки она, Танька, своя, какая-никакая. И сын у них, а с ним, как водится, проблемы, у него трудный возраст, у детей всегда трудный возраст. А что ее Юджин – козел, так это он и так знал, даже не будучи с ним знаком. Что брат с торговца автомобилями? Поддержаными автомобилями, без всяких на то оснований добавлял всегда Саров, желая еще больше принизить преемника. Он, по словам Таньки, в религию ударился. Они тут, в Америке, все на этом двинутые. Не так, как в России, где верят не столько в бога, сколько в высшую справедливость. Эти же верят как-то прямолинейно, буквально, от а до я, или уж скорее до z. Верят в Парня наверху, верят, что Он следит за всеми их делами и раздает пряники за хорошее поведение, верят, что они – богоизбранный народ, в загробную жизнь, черт их побери, верят в самом что ни есть каноническом варианте, с райскими кущами, с прогулками под ручку с Большим боссом и вечным блаженством. И ладно бы просто верили, это, в конце концов, их личное дело, но ведь они эту веру другим навязывают, и весьма агрессивно. Даже американские коллеги-физики бросали на него укоризненные взгляды, когда он позволял себе высказывания, которые можно было счесть атеистическими. С ума они, что ли, сошли? Или их так затюкали? Впрочем, эти проповедники кого угодно затюкают. Особенно если их слушать. Американцы слушают. Или сами в проповедники подаются. Вот как Танькин Юджин. Но проповедует он не с телевизора, а, можно сказать, в пустыне, то есть в их городишке. Судя по специальному раздражению, прорывающемуся в Танькином голосе, на это уходит весь его пыл. «В каждом проповеднике живет несостоявшийся торговец поддержаными автомобилями», – вспомнил Саров слышанную где-то сентенцию. Танька, как водится, глубину мысли не оценила, даже немного обиделась: он состоявшийся, просто у него сейчас временные трудности, как у всех. Они немногого поспорили, но беззлобно. Расстались вечером, по-доброму, Саров даже удивился, насколько мирно прошла их встреча. Но, глядя вслед идущей к дому Таньке, он вдруг осознал, что она принадлежит другой, прошлой жизни. Что ему с ней делить? Что доказывать?

* * *

Ему пришлось вернуться чуть назад, чтобы попасть на сороковую трассу, а дальше он помчался навстречу солнцу. В Винслоу они встретились. Солнце зависло в зените, наблюдая, как Саров перекусывает в придорожном кафе, потом каждый отправился своим путем, солнце – на запад, Саров – по-прежнему строго на восток. По бокам дороги, до самого горизонта простирались унылые пейзажи, собственно, один пейзаж – пустыня, расчерченная извилистыми линиями дорог, отходящих к видневшимся в отдалении редким городишкам и поселкам. От Альбукерке Саров свернул на север, на двадцать пятую.

Уже в сумерках подъехал к Санта-Фэ. Следуя плану, нашел Бергер-стрит, поехал вдоль линии домов, таун-хаусов и отдельных коттеджей, выстроенных в традиционном местном стиле, симбиозе украинских мазанок и европейского фахверка, белые оштукатуренные стены расчерчены темными линиями деревянных балок, вот только крыши плоские, зачем тут крыши с крутыми скатами, если скатываться нечему? Как этот стиль называется, попытался вспомнить Саров и – не вспомнил. Все бы ничего, но как-то однообразно и голо. Деревьев почти нет, да и кустов возле домов тоже немного. Возможно, весной проявятся какие-нибудь клумбы с цветами или хотя бы газоны, а пока вокруг домов – мертвое пространство, как будто все асфальтом укатано.

Один дом выбивался из этого ряда. По обеим сторонам невысокого крыльца зеленели два пушистых прямоугольника, что-то вроде туи, рядом стояла скамейка, на которой сидел соломенный Страшила из «Волшебника Изумрудного города». Из «Волшебника страны Оз», по-правил себя Саров, так вернее, хотя, в сущности, одно и то же. Он посмотрел на номер дома и резко нажал на тормоз – приехали! Этот Фрэнсис живет с женой или матерью, думал он, направляясь по дорожке к дому.

Дверь открыла молодая женщина лет двадцати восьми – тридцати, довольно высокая, с развитыми формами, которые подчеркивали тесные джинсы и обтягивающая водолазка, с пышными волосами и сильно загорелым, несмотря на зимнюю пору, лицом.

– Добрый вечер, прошу извинить за поздний визит, – сказал Саров, – могу ли я видеть мистера Клиффорда, Фрэнсиса Клиффорда?

– Мистера Клиффорда? – женщина удивленно подняла брови. – Здесь нет никакого мистера Клиффорда, Фрэнсиса Клиффорда, – и тут же рассмеялась, глядя на обескураженное лицо визитера, – может быть вас устроит мисс Клиффорд? – и, протягивая руку для рукопожатия: – Фрэнсис Клиффорд, можно – Фрэнси, так даже лучше.

В голове Сарова одна за одной пронеслось несколько мыслей. «То-то у меня было ощущение какой-то неестественности во время нашей переписки, такого-то то ли обмана, то ли розыгрыша, а ларчик-то просто открывался!» Но он не успел сосредоточиться на этой в целом очень верной мысли, как накатил давний, еще советских времен анекдот: а сейчас четыре гарных хлопца з Ливерпулю заспевають песню «Шиз-вумэн» или на мове: «Вона це баба». И тут же: «Черт бы подрал этот английский язык. Искренне ваш оказался искренне вашей, Фрэнсис оказалась Фрэнсиськой, Фрэнсисихой, нет, все же, скорее, Фрэнсисенькой. Милая, однако, женщина», – подвел итог Саров и с некоторым опозданием протянул руку.

– Питер Саров.

– А можно – Пьётр? – спросила женщина.

– Можно, – сказал Саров, – Пётр.

– Пьётр, – повторила Фрэнсис, – не получается! Я буду тренироваться. Проходите. Я ждала вас еще вчера, к вечеру.

– У меня нет летающего домика, – ответил Саров, вспомнив соломенную фигурку у входа, – и я не волшебник.

– В каждом из нас сидит волшебник, но мало кто об этом догадывается.

Так разговаривая, они прошли в дом, расположились в большой кухне-столовой, выпили кофе и даже чего-то съели.

– С вами так интересно разговаривать, Пьётр, – сказала Фрэнсис, – но ведь вы приехали сюда по делу, – она тяжело вздохнула и поднялась из-за стола, – я сейчас принесу документы.

«Можно подумать, что это я по собственной инициативе приехал, чтобы донимать несчастную женщину всякими скучными делами», – подумал Саров.

Фрэнсис быстро вернулась, неся в руках невысокую шкатулку красного дерева размером чуть больше листа формата А4 с латунным врезным замком.

– Вот, – сказала она, – подержите, пожалуйста, я протру стол.

Саров взял шкатулку в руки, с удовольствием ощущая пальцами фактуру натурального дерева. Осмотрел ее, остановившись взглядом на свежих царапинах на латунном замке.

– Я открыла ее пилкой для ногтей, – пояснила Фрэнсис, перехватив направление взгляда, – я вам писала об этом.

«Писала, – мысленно согласился Саров, – и будь я немного внимательнее, я бы сразу все понял».

Он поставил шкатулку на стол и вопрошающе посмотрел на Фрэнсис.

– Она не заперта, – ответила Фрэнсис, – зачем? Да и как бы я ее заперла, пилкой для ногтей? – хихикнула она.

Генрих Эрлих

Саров откинул крышку. Шкатулка была заполнена доверху. Саров бросил взгляд на верхний документ – *proforma invoice*, счет-фактура по-нашему, ксерокопия. «Что ксерокопия – понятно, нечего оригиналы мять почем зря, но зачем складывать их в шкатулку, для антуражу, что ли?» Он взял в руки счет, к нему был прикреплен медной скрепкой чертеж, обычная электрическая катушка, если размеры проставлены в дюймах, но никаких значков у цифр не было. Футы? Многовато выходит, прикинул Саров, хотя для Теслы... Ладно, потом разберемся, если будет, с чем разбираться, повторил он свою любимую присказку и взял следующий документ. То же самое, только устройство другое. Таких документов набралось девять.

– Для меня это – темный лес, – сказала Фрэнсис. Саров лишь недоуменно пожал плечами – чего тут сложного? Он взял следующий документ. Машинописный текст. Никола Тесла. «Величайшее свершение человека».

– Неопубликованная статья, – подсказала Фрэнсис, – то есть при жизни неопубликованная. Я нашла ее по Интернету, почти слово в слово с этим.

– А что, есть различия? – спросил Саров.

– Совсем несущественные, действительно несущественные, что называется, редакторская правка, да и то в одном месте. Нет, не так: То, что в Интернете, слово в слово с тем, что напечатано здесь, а различия – в правке, рукописной правке. Там, внутри.

Саров быстро пролистал страницы. Правка была только на одной. Мелким почерком, похожим на почерк Теслы, было внесено несколько поправок, действительно, чисто редакторских, поменены местами слова, какое-то слово заменено на его точный синоним, сплошной текст разбит на абзацы. Саров перечитал кусок, подвергшийся правке.

«У такого развитого существа, как Человек, появляется таинственное, непостижимое и непреоборимое желание – подражать Природе, творить, самому совершать те чудеса, что видит он вокруг себя. Вдохновенный этим желанием, он ищет, открывает и изобретает, разрабатывает и конструирует, и покрывает планету, на которой рожден, прекрасными, величественными и грандиозными памятниками. Он нисходит в недра Земли и извлекает ее тайные сокровища, высвобождает заключенные в ней могучие энергии, заставляя их служить себе; опускается в темные пучины океана и возносится в лазурное небо; заглядывает в самые сокровенные тайники и глубины молекулярных структур; проникает взором своим в бесконечно далекие миры. Он подчиняет и ставит себе на службу неистовый, разрушительный огонь Прометея, титанические силы водопадов, ветров и волн морских; укрощает сверкающие молнии Юпитера и устраниет время и пространство. Само великое Солнце он превращает в послушного и усердного

раба. Сила и могущество его таковы, что от одного лишь звука голоса его содрогается небо и дрожит земля.

Какое же будущее ждет это странное существо, рожденное из дыхания, из бренных тканей, но бессмертное в своих ужасных и божественных силах? Какое чудо совершил он в конце? Каким будет его величайшее свершение, его главное достижение?

Уже давно осознал он, что вся воспринимаемая и ощущимая материя происходит из первичной и непостижимо тонкой субстанции, что заполняет собой все пространство, – Акаши, или светоносного эфира, на который воздействует оживотворящая прана, или творческая сила, создающая в непрестанных циклах все сущее и всякое явление. Первичная субстанция, вовлекаясь во вращающиеся с огромной скоростью, но бесконечно малые вихри, превращается в грубую материю. Но затем сила убывает, движение прекращается, и материя исчезает, вновь растворясь в первичную субстанцию.

Может ли Человек управлять этим самым грандиозным, самым волнующим из всех процессов природы? Может ли он заставить ее неистощимые энергии выполнять все свои функции по его велению, а тем более делать лишь то, что нужно ему?

Если он сможет это, то получит почти безграничные и сверхъестественные силы. По его велению и при минимальном усилии с его стороны будут исчезать старые миры и появляться задуманные им новые. Он сможет закреплять, уплотнять и сохранять возникающие в его воображении бесплотные формы, мимолетные видения из своих снов и грез. Он сможет выражать все творения своего ума в любом масштабе, в формах реальных и нетленных. Он сможет изменить размеры своей планеты, управлять сменой времен года, направить ее по любому пути сквозь глубины Вселенной. Он сможет порождать и разводить жизнь во всех ее бесконечных формах.

Создание и уничтожение материальной субстанции и собирание ее в формы по собственному желанию станет величайшим проявлением силы человеческого ума, самым большим триумфом над физическим миром, его главным достижением, которое поставит его рядом с его Творцом, позволит ему исполнить свое главное предназначение».

Акаши, светоносный эфир, на который воздействует оживотворящая прана, – как он это не любил! Многие из поклонников Теслы со-средотачивались именно на этом, пренебрегая всем остальным, и чем больше они приставали с такого рода вопросами к Сарову, тем сильнее росло в нем чувство отторжения всей этой «мистики», так он это называл. Уж для таких-то поклонников эта статья – бальзам на душу. Создание и уничтожение материальной субстанции и собирание ее в формы по собственному желанию – из этого они такое выведут, что

Генрих Эрлих

только держись. А ведь Тесла, несомненно, имел в виду нечто вполне конкретное, надо будет прочитать всю статью. Саров уже собрался отложить листы в сторону, как вдруг замер, удивленно присматриваясь к тексту. Ба, да это же не ксерокопия! Это оригиналный текст, напечатанный на пишущей машинке с несвежей лентой, а правка внесена простым карандашом.

— Это не ксерокопия? — уточнил он у Фрэнсис. — Нет, конечно, — ответила она, — это то, что лежало в шкатулке, я сложила все точно так же.

— А это? — спросил Саров, показывая на стопку счетов и чертежей.

— Так и лежали, — вновь повторила Фрэнсис. Саров взял один из счетов, присмотрелся к нему.

— Отличная копия! — сказал он. — Кто бы мог подумать! Но почему вы сами не сделали ксерокопии, Фрэнсис?

— При копировании могут пропасть некоторые детали, — несколько туманно ответила та.

Саров обнаружил еще три статьи Теслы с небольшими правками, потом очередь дошла до довольно толстой, прошитой стопки машино-писных листов, при взгляде на которую он удивленно воскликнул:

— О. Марк Твен, «Таинственный незнакомец»! Но это здесь зачем?

Фрэнсис в ответ лишь пожала плечами и изобразила недоумение на лице.

— Я, к своему стыду, как и не прочитал этой повести, — сказал Саров, — у нас дома, ну, в России, было собрание сочинений Марка Твена, полное, как уверяли, толстенные тома, — он показал пальцами, какие толстые, — штук двенадцать, наверно. Я их в детстве все прочитал.

— Все?! — восхищенно ахнула Фрэнсис.

— Конечно, мне очень нравился Марк Твен. Но этой повести там точно не было. Ее у нас почему-то не перевели. Да и в Америке, как я потом узнал, ее судьба была далеко не простой. Начнем с того, что писал ее Марк Твен лет десять, что совсем на него не похоже. Возможно, что он так ее и не закончил, в том смысле, что не придал ей окончательного вида. Ведь опубликована она была лишь через шесть лет после его смерти, а в каком варианте — бог весть!

— В этом варианте, — просто сказала Фрэнсис, показывая на рукопись.

— А я тут разоряюсь! — рассмеялся Саров. — А вы-то все и так знаете! И наверняка читали повесть, в отличие от меня.

— Читала, вот эту рукопись, — ответила Фрэнсис, — но ничего не поняла.

– Ну, что-то, наверно, все же поняли, – улыбнулся Саров, немного снисходительно.

Он отложил рукопись Марка Твена, взял большой конверт, на котором было написано: «К моим мемуарам», сокрушенno вздохнул – тонковат конверт, вынул десяток листов.

На первом было напечатано:

«Амер. Инст., май 1891, лекция.

Из всех видов природной – неизмеримой и вездесущей энергии, которая постоянно меняется и движется, словно душа, оживляя Всепленную, электричество и магнетизм являются, возможно, самыми поразительными. Мы знаем, что электричество – это несжимаемая жидкость, и ее количество в природе постоянно, что электричество нельзя создать или уничтожить и что электрические и эфирные явления тождественны... Мы летим в бесконечном пространстве с непостижимой скоростью. Все вокруг вращается, движется, все – энергия. Должен существовать какой-нибудь способ прямого доступа к этой энергии. Тогда, черпая из этого источника свет, безо всяких усилий извлекая любую форму энергии из неистощимых запасов, человечество будет продвигаться вперед гигантскими шагами. Одна мысль об этих невероятных возможностях расширяет наш горизонт, укрепляет наши надежды и наполняет сердца восторгом».

Под текстом была приписка рукой Теслы: «По прошествии пятидесяти лет мне не стыдно за мои слова, мое видение проблемы несколько не изменилось, а полученные экспериментальные результаты лишь укрепили меня в этом мнении». И дата: январь 5, 1943.

Саров поднял удивленный взгляд на Фрэнсис.

– Я вам писала, что один документ помечен пятым января 1943 года, последним днем, когда Теслу видели живым, – сказала она, – это он.

Удивление Сарова было вызвано другим – он не улавливал связи между цитатой и припиской. Чего можно было стыдиться в давнем тексте, что не изменилось и что укрепилось? Что тут было таким важным, что побудило Теслу обратиться к этому тексту в последний день жизни и даже сделать такую энергичную приписку? Саров перевернул страницу.

«Инст. Франклина, Филадельфия, февраль 1893, лекция.

В этом мире не существует ни одного объекта, наделенного жизнью, начиная с человека, покоряющего стихии, и заканчивая самыми крохотными существами, который бы не оказывал влияния... В то же время, все живые организмы и объекты инертной материи подвержены воздействию стимулов извне... Не может произойти разрыва

Генрих Эрлих

этой связи, не существует ни одного отдельного жизненного феномена... Какое бы действие ни осуществилось, будь оно хоть самым не-значительным, космическое равновесие нарушается, и в итоге происходит движение Вселенной... Один и тот же закон управляет всей материей, вся Вселенная наделена жизнью... Только тогда мы можем получить представление о величии Природы, когда понимаем, что в соответствии с законом сохранения энергии, где бы то ни было, силы находятся в совершенном равновесии, и поэтому энергия даже одной мысли может определить движение Вселенной».

Никаких приписок на этой странице не было, как и на других, числом около десяти, содержащих, судя по подзаголовкам, выдержки из различных выступлений и статей Теслы на протяжении почти пятидесяти лет. Листы эти, за исключением первого, с автографом Теслы, не представляли никакой исторической ценности и Саров засунул их обратно в конверт.

Взял следующий, без надписи и довольно пухлый. Когда он вертел его в руках, клапан конверта откинулся и на стол высыпался ворох бумажек. Саров взял несколько наугад. Все как писала Фрэнсис: вырезки из газет, счета из радиомагазинов, карандашные наброски каких-то схем и устройств, математические расчеты, сделанные на бумажной салфетке в ресторане. На отдельном листочке красивым готическим шрифтом было выведено:

Was du ererbt von dienem Vätern hast,
Erwirb es, um es zu besitzen¹.

J. -W. Göthe, Faust

– Это цитата из «Фауста», – подсказала Фрэнсис, – я нашла это место в немецком варианте, потом достала переводы, – она вынула откуда-то листочек с написанными двустишиями и протянула Сарову, – их оказалось несколько, все разные, по смыслу разные, я еще прямой перевод сделала, то есть машина сделала, это последнее, там, внизу.

Саров пробежал взглядом варианты перевода. Действительно, разные.

– Непонятно, – сказал он.

Фрэнсис согласно кивнула.

– Непонятно, – продолжил Саров, – зачем Тесла написал это, ведь он знал «Фауста» наизусть.

Он принялся складывать бумажки в конверт.

¹ Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить наследство.

– Нет, нет, позвольте мне, я это уже не раз делала, – мягко отстринила его Фрэнсис.

Между их руками проскочила искра. Фрэнсис испуганно вскрикнула. Саров взял ее руки в свои.

– Что вы делаете? – удивленно спросила Фрэнсис.

– Заземляю, – ответил Саров.

– Вы опускаете меня на землю? Что-то не так?

– Все так. Фрэнсис.

Он выпустил ее руки, взял следующую стопку скрепленных листов и застонал.

– Что случилось, Пётр? – обеспокоенно спросила Фрэнсис.

– Ну почему это только копия! – воскликнул Саров, показывая ей первый из рукописных листов.

«Июнь 1931 года

Потсдам, Германия

Дорогой мистер Тесла!

Я рад узнать, что вы отмечаете свой семьдесят пятый день рождения и, будучи успешным первоходцем в области изучения токов высокой частоты, стали свидетелем бурного развития этой области технологии.

Поздравляю вас с величайшим успехом вашего дела.

Альберт Эйнштейн»

Наискосок почерком Теслы было написано: «Изdevается или не понимает? Надо ответить».

Саров быстро просмотрел следующие страницы. Это были тезисно написанные заметки о времени и пространстве, в которых Тесла не столько критиковал построения Эйнштейна, сколько предлагал альтернативную концепцию, допускающую существование эфира и не содержащую постулативного ограничения скорости света. «Не спеша и на свежую голову», – сдержал свое нетерпение Саров и отложил рукопись в сторону.

Далее шел сверток с каким-то странным вложением. «Диск, твердый, но не цельнометаллический, канавки, прорези, – думал Саров, ощупывая сверток, – что бы это могло быть?» Он не спешил разворачивать оберточную бумагу, пытаясь угадать, небольшая игра для разряда.

– Почему-то на ум приходят вещи, которые никак не могут находиться в этой шкатулке среди документов, типа шкива, или, наоборот, вещи, которых заведомо не могло быть в сорок третьем году, вроде таких бобин с магнитной лентой для первых электронно-вычислитель-

Генрих Эрлих

ных машин или магнитофонов, — сокрушенно улыбаясь, сказал он Фрэнсис.

Та лишь загадочно улыбнулась в ответ, отрицательно покачала головой и взглядом показала на сверток: ну же, давай, открывай. Саров развернул бумагу, внутри лежала бобина с лентой. Саров только глянул на заправленный в специальный держатель кончик ленты, как сразу хлопнул себя ладонью по лбу и рассмеялся.

— Если вдуматься, то едва ли не самое очевидное. Как же я о кино забыл?! Но это мы даже смотреть не будем, по крайней мере, не сейчас, — он повернулся к Фрэнсис, — или там что-нибудь интересное?

— Я не знаю, — коротко ответила она.

— Да, это не документы, — согласился Саров, — тут техника нужна.

У них опять произошла маленькая схватка с Фрэнсис за право упаковать вещественное доказательство, как окрестил пленку Саров. Победила, естественно, Фрэнсис, а Саров обратился к документам, лежавшим на самом дне шкатулки. Это были копии писем. Саров принялся читать их подряд, благо, они были короткими.

«22 сентября 1899 года

Дорогой Лука,

прошу нижайше извинить меня за долгое молчание, но со мной тут произошли удивительные события. О некоторых ты, вероятно, уже слышал, о других я могу пока рассказать только тебе. Кроме всего прочего я приручил дикую кошку по имени Молния и хожу весь исцарапанный. Но в этих царапинах, Лука, кроется истина. В каракулях высокочастотных электромагнитных разрядов я обнаружил мысль, которая перевернет всю нашу жизнь. Уверяю тебя, что ты вскоре будешь читать свои стихи лично Гомеру, а я неподалеку буду обсуждать свои открытия с Архимедом. Что будет делать при этом миссис Филиппов? Вероятно, общаться с богинями.

Искренне твой,

Николай I,

Колорадо-Спрингс»

«Письмо его другу Роберту Джонсону, интересное письмо, — подумал Саров, — а вот и письмо жене вышеозначенного Джонсона, идущей под кодовым именем миссис Филиппов».

«2 января 1902 года

Моя дорогая миссис Джонсон,

принимаю ваши упреки, но видеть кого-либо в сочельник, даже и вас с Робертом, мою единственную семью, было выше моих сил. На меня произвело чрезвычайно тягостное впечатление даже не сообще-

Загадка Николы Тесла

ние о ничтожном успехе итальянского проходимца, а поднявшаяся вокруг него шумиха. Томас Мартин при поддержке Михаила Путина и Чарльза Штейнмеца готовят итальянцу торжественную встречу, несомненно в пику мне, а ведь двое последних, кроме того что они в научном плане на голову выше этого воришки, были когда-то моими соратниками, а Мартина я до этих дней считал своим другом. Стоит ли говорить, что банкет решено провести в «Уолдорф-Астории», моей вотчине. Я тоже получил приглашение, но, конечно, не пойду. Я уезжаю в Уорденклиф. Теперь, как никогда раньше, я хочу как можно быстрее завершить строительство и показать миру истинные возможности беспроводной передачи энергии и информации, великие возможности, которые недавней неуклюжей демонстрацией низведены до уровня ярмарочного фокуса. Но, признаюсь, даже не это уязвило меня больше всего. Как он посмел выбрать для своего опыта мой любимый день!

*Искренне Ваш,
Никола Обворованный»*

«3 января 1902 года

Дорогой мистер Тесла,
вы меня дважды удивили, милый друг! Как можно так расстраиваться из-за таких пустяков? И как вы, при вашем уме и прозорливости, не разгадали ниспосланного вам знака? Итальянцы, как все католики, чрезвычайно суеверны и никогда по собственной воле не изберут пятницу, 13 для сколько-нибудь важного дела. Его вело Пророчество, которому известны ваши пристрастия. Время все расставит по своим местам, через несколько лет никто не вспомнит имени итальянца, в истории останется только ваше имя как творца беспроводной системы и день 13 декабря 1901 года, когда сигнал был впервые передан через Атлантический океан.

Не надо забиваться в Уорденклиф. Если вы несчастливы и разочарованы, если вам кажется, что вам не везет, тем больше причин искать общения и поддержки у ваших верных друзей.

В самом деле, если бы весь мир ополчился против вас, их поддержка от этого стала бы только прочнее.

*Искренне вашего,
Кэтрин Джонсон»*

«Даже великим нужно, чтобы их иногда гладили по головке и по щеке, – усмехнулся Саров, – наверно, у Теслы было не так много таких писем, тем более от женщин, вот он и сохранил его в своем архиве, чтобы перечитывать в тяжелые минуты». Он взял следующее письмо.

Генрих Эрлих

«13 февраля 1903 года

Уважаемый мистер Морган,

прошу прощения, что причиняю беспокойство, когда ваш ум занят последствиями финансового кризиса, но мое дело не терпит отлагательства. Что я пишу?! Мое дело?! Нет, НАШЕ общее дело не терпит отлагательства. Все свои важнейшие дела я начинал в пятницу, 13, это больше, чем суеверие, это одно из неотъемлемых составляющих успеха. Сегодня именно такой день. После долгих проволочек, связанных в значительной мере с недостатком финансирования, я получил, наконец, все необходимое оборудование. Ещё до полуночи мы начнем его монтаж. У меня нет сомнений, что ровно через четыре недели, в пятницу 13 марта мы проведем полномасштабные испытания и впервые явим миру НАШУ систему. Я не сомневаюсь в успехе. Помешать мне может лишь одно: нехватка денег. На завершение работ и на проведение испытаний нужна ничтожная сумма – пятьдесят тысяч долларов.

Мое последнее предприятие окупило себя более чем в две дюжины раз, а в умелых руках оно даст еще больше.

Помогите мне завершить работу, и вы убедитесь сами.

Срок пришел. Нельзя терять ни дня.

*Искренне ваш,
Н. Тесла»*

В шкатулке оставалось еще несколько писем, но Саров тупо смотрел на лист, который он держал в руках, точнее, на дату в самом верху. «13 февраля, пятница», — подумал он, перевел взгляд вниз и прошептал:

— Срок!

— Ой! — немедленно встрепенулась Фрэнсис и посмотрела на часы на стене. — Времени-то сколько! Засиделись мы с вами, а ведь вы, наверно, устали, целый день в дороге, за рулем. Вам нужно отдохнуть. В гостиницу вы не устроитесь, у нас в городе большой конгресс по математическому моделированию социальных процессов, все гостиницы забиты под завязку, — тараторила она, не давая Сарову вставить и слова, — да я вас никуда и не отпущу. У меня есть специальная комната для гостей, вы в ней и разместитесь. Нет-нет, вы меня нисколько не стесните. Пойдемте, я вам покажу. А шкатулку вы можете взять с собой, вдруг вы захотите что-нибудь посмотреть перед сном.

Она всунула Сарову шкатулку в руки. Он только подивился: когда же она успела все сложить? И вот он уже идет вслед за Фрэнсис по лестнице на второй этаж.

— Вот тут моя спальня, — Фрэнсис показала в один конец короткого коридора, — я ужасная трусиха и даже, когда ночую одна, запираюсь в своей спальне. А вот ваша, — она показала в другой конец коридора, — там тоже есть щеколда, если вы боитесь, — хихикнула она.

— А душ там есть? — спросил Саров.

— Конечно, — ответила Фрэнсис, — там все есть. А если вдруг захотите кофе, или чаю, или печенья, то спускайтесь вниз, на кухню. Спокойной ночи! — воскликнула она и — упорхнула в свою комнату.

Щелкнула задвижка на двери. «Во как! — усмехнулся Саров. — Меня, что ли, боится? Неужели я такой страшный?»

Глава 12

«Таинственный незнакомец»

Саров огляделся. Миленькая комната! Особенно притягивали взгляд кровать с высоким и, вне всякого сомнения, мягким матрацем и кресло, глубокое и опять же мягкое. «После сегодняшнего дня я имею полное право на отдых, хотя бы для задницы», — подумал он и после тяжелой внутренней борьбы выбрал кресло. С бумагами из шкатулки было совсем просто — если есть Марк Твен, все эти чертежи и счета могут подождать! Хотя читать беллетристику на английском... Несмотря на годы, проведенные в Америке, это было не расслаблением перед сном, а напряжением.

Саров достал рукопись. Перед названием, предваряя его, незнакомым почерком, явно не Теслы, было выведено: № 44. Под ним: «Старинная рукопись, найденная в кувшине. Вольный перевод из кувшина». «При чем здесь кувшин? — подумал Саров и, проникаясь еще большим благоговением: — Не рука ли это самого Марка Твена? Что ж, почитаем!»

«Это случилось зимой 1490 года. Австрия, обособившись от всего мира, пребывала в сонном оцепенении. В Австрии еще длилось Средневековье и грозило продлиться на века»¹.

«Вот так вот сразу — Австрия, хотя в то время, насколько я помню, Сербия с Хорватией не были под Австрией, — подумал Саров, — впрочем, какая разница, родился-то Тесла формально в Австрии. 1490 год? Ну да, конечно, Америку еще не открыли!»

¹ Перевод с английского Л. Биндерман. М.: Политиздат. 1989.

Генрих Эрлих

«Деревенская жизнь была знакома мне не понаслышке, но вот уже год, как я покинул деревню и с головой ушел в изучение ремесла. Устроился я скорей необычно, чем хорошо».

«Мне больше повезло, — усмехнулся Саров, — я устроился и необычно, и хорошо».

«Мой мастер — печатник. Это новое ремесло, ему всего лишь тридцать-сорок лет, и в Австрии оно почти неизвестно. Мало кто в нашей богом забытой деревне видел печатный текст, мало кто представлял, что такое печатное ремесло, а уж тех, кто проявлял к нему любопытство или интерес, было и того меньше».

«Ремесло новое, — подумал Саров, — в общем, аналогия понятна: электричество: в 1890-м было столь же новым делом, как и книгопечатание в 1490-м, и тоже немного отдавало серой и колдовством».

Затем персонаж, от имени которого велось повествование, alter ego Марка Твена, как сразу догадался Саров, Август Фельднер, шестнадцати лет, подмастерье, принялся дотошно описывать артель печатников, обосновавшуюся в крыле старого замка. Сарова еще в школьные годы научили понимать художественные произведения, точно определять, ради чего они были написаны, распутывать иносказания и аллюзии. Он не сомневался, что описываемая артель — это или лаборатория Эдисона, в которую Тесла попал после приезда в Америку, или все электротехническое сообщество Америки.

«Мой мастер и хозяин Генрих Штейн, дородный мужчина, держался степенно, осанисто; лицо у него было крупное, благодушное, глаза — спокойные, задумчивые; такого не просто вывести из себя. Облысевшую голову его обрамляли седые шелковистые волосы. Он был всегда чисто выбрит, одет опрятно и добротно, хоть и небогато. Ученый, мечтатель, мыслитель, Генрих Штейн больше всего на свете любил учиться, и, будь на то божья воля, он бы день и ночь сидел, упенно погрузившись в свои книги, не замечая окружающих. Выглядел мастер молодо, несмотря на седину, а было ему пятьдесят пять — пятьдесят шесть лет».

«Точно не Эдисон», — подумал Саров.

А потом пошли члены семьи мастера, сплошь женщины, и «старая Катрина, повариха и экономка, под ее началом были две рослые служанки, Сара и Байка (прозвище), слуга Якоб и грузчик Фриц. Дальше шли мы, печатники...» Перечень печатников был долг, у каждого были отмечены какие-то характерные детали внешности и поведения, соотнести их с кем-либо из живших в конце девятнадцатого века Саров не мог из-за недостатка знаний. Он бросил это безнадежное заня-

тие и принял просто читать повесть, наслаждаясь марквеновским текстом. Промелькнул некий Балтасар Хоффман, который «явился издалека с репутацией великого астролога и тщательно скрывал ее от всех за пределами замка, ибо не больше других стремился попасть на костер инквизиции». Он был явным шарлатаном. А вот и главный герой!

«Однажды морозным зимним днем, когда обед подходил к концу, в дверях появился жалкий парнишка лет шестнадцати-семнадцати на вид и замер, бедняга, не решаясь войти. Одежда его, грубая и старая, была местами порвана и припорошена снегом, на ногах – обмотки, перевязанные бечевками.

– Как тебя зовут?

– Номер сорок четыре, новая серия восемь-шесть-четыре-девять-шесть-два. – спокойно сказал юноша.

У присутствующих глаза на лоб полезли. Еще бы! Мастер решил, что он ослышался, и повторил свой вопрос.

– Номер сорок четыре, новая серия восемь-шесть-четыре-девять-шесть-два, – столь же невозмутимо ответил юноша».

Юношу так и звали в дальнейшем – Сорок Четвертый. Саров только усмехался, вспоминая свое собственное прозвище. Сорок Четвертый был готов вкалывать от зари до зари, выполняя любую работу, не требуя при этом никакой платы, ему нужны были только пропитание да крыша над головой. Его всячески унижали, оскорбляли, травили и при этом завидовали, потому что он обладал удивительными знаниями и способностями, многое из того, что он делал, походило на чудеса. Его считали инструментом в руках могущественного, вселявшего во всех ужаса мага Балтасара Хоффмана, и лишь подмастерье Август Фельднер, единственный из всех подружившийся с таинственным незнакомцем, знал, что искусство мага здесь ни при чем, что Сорок Четвертый мог этому магу сто очков вперед дать, потому что был прешьцем из будущего. Будущее было точно обозначено: начало двадцатого века. Проживал же Сорок Четвертый, судя по всему, в городе Нью-Йорке, в неоткрытой еще Америке.

Саров был несколько разочарован. Марк Твен повторялся: был янки из Коннектикута при дворе короля Артура, теперь таинственный незнакомец из Нью-Йорка переносился в австрийскую деревню конца пятнадцатого века. Аллегория была слишком прямолинейной: Тесла на века опередил свое время, современники не могли понять и оценить его идеи, а то, что он являл им, приписывали в лучшем случае магии и колдовству, а то и вовсе со смехом отвергали.

То, что Сорок Четвертый списан с Теслы, сомнений не вызывало. Его проказы были в духе демонстраций Теслы: то вдруг в церковь уда-

Генрих Эрлих

пяла молния, когда в небе не было ни облачка, то сучки загорались от прикосновения пальца. «Он, вне всякого сомнения, был самым ветреным существом на свете. Ничто не занимало его долгое время. Он придумывал и тщательнейшим образом разрабатывал планы, вкладывал в них всю душу, а потом вдруг бросал их на полпути к завершению и брался за что-нибудь новое». Подобно Тесле времен их встречи с Марком Твеном, Сорок Четвертый задавал своему другу пиры. «Ужин был выше всяческих похвал, но блюда непривычны для меня. Сорок Четвертый сказал, что они иностранные, со всех уголков земного шара. Среди прочих угощений я отведал дичь, по всей вероятности, утку, приготовленную каким-то диковинным способом, божественную на вкус». Уткой, запеченной в листьях сельдерея, Тесла поражал гурманов Нью-Йорка. Саров как-то попробовал воспроизвести этот рецепт, получилось что-то невообразимое, малосъедобное.

Не остались без внимания и пристрастия Теслы в одежде, и вся его манера поведения на публике. «Сорок Четвертому даровали право ношения шпаги и тем самым причислили к благородному сословию. Повинуясь своему капризу, он и вырядился как джентльмен: ...высокие расшитые ботинки со шнурковкой, на красных каблуках, розовое шелковое трико, бледно-голубые атласные штаны по колено, камзол из золотой парчи, ослепительно-красная накидка из атласа, кружевной воротник, достойный королевы, изящнейшая голубая бархатная шляпа с длинным пером, прикрепленным к ней булавкой, усыпанной бриллиантами, шпага в золотых ножнах с рукояткой, украшенной драгоценными камнями. Таков был наряд Сорок Четвертого, а выступал он точно князек, «танцующий кекуок», как он сам выразился. Красив он был, как картинка, а уж доволен собой, как властелин мира. В руке держал кружевной платочек и то и дело прикладывал его к носу, словно герцогиня».

А еще Сорок Четвертый наводнил замок двойниками печатников, которые не ели и не спали и при этом работали в сто раз быстрее и без малейших ошибок. Двойники были явной аналогией телеавтомата Теслы.

С этими двойниками Сорок Четвертый дал маxу. Он и так на протяжении всей повести явно нарывался на неприятности, никому не позволительно отличаться от других, будь как все – лозунг всех времен. А тут он еще покусился на карман печатников, ведь двойники заменили их на работе. Одного этого было достаточно для возбуждения всеобщей ненависти. Ненависть и спалила пришельца. «На мгновение нас да и все вокруг скрыла кромешная тьма, потом взорам предстала стройная фигура в центре круга – живой факел, полыхающий ослепительно-белым пламенем; миг – и Сорок Четвертый обратился в пепел, и мы снова погрузились во тьму».

«Вот и все, – подумал Саров, – вторая половина повести, – прикинул он на глаз количество оставшихся листов, – будет посвящена тому, как живет этот юный подмастерье Август Фельднер, осененный новым знанием, и как он пользуется умениями, переданными ему прищельцем из будущего».

Он посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. «Может быть, хозяйка еще не спит? – подумал он. – Поболтаем». Саров вышел из комнаты. В коротком коридоре было темно, но снизу сквозь лестницу пробивался слабый свет. Он спустился вниз. Никого. Обидно. Включил чайник, покопался в кухонном шкафчике, нашел черный чай в пакетиках, заварил сразу два в большой кружке, прихватил вазочку с печеньем и побрел обратно в отведенную ему комнату. В коридоре остановился, вытянул ухо к спальню Фрэнсис.

Тишина. «Рано ложится спать, – подумал он, – оно и понятно – деревня».

Саров расположился в кресле и, прихлебывая чай, автоматически прочитал следующую главу, вторая стенаниям главного героя: «Мне очень не хватало Сорок Четвертого. Как с ним было интересно; никто не шел с ним в сравнение, но самой замечательной тайной был он сам. И слова, и поступки его были удивительны, а он либо раскрывал тайну наполовину, либо вообще ее не раскрывал. Кем он был? Чем занимался? Откуда был родом? Как мне хотелось это узнать!»

И вдруг Саров подскочил в кресле, дойдя до строк: «С тяжким грузом одиночества и отчаяния на душе я вернулся в замок и вошел в свою комнату. Там сидел наш покойник!»

Собственно, не эти слова вызвали удивление Сарова – эка невидаль, обычный поворот сюжета, для Марка Твена так даже и тривиальный. Но на полях около этих строк была проведена ногтем едва заметная черта. Саров поднес рукопись ближе к глазам – черта пропала. Потом он сообразил, что все дело в направлении света, падающего от торшера. Он нашел положение, при котором черта была видна лучше всего, и быстро просмотрел предшествующие страницы рукописи. Никаких пометок не было. «А ведь при ксерокопировании она, скорее всего, не проявилась бы, – подумал Саров. – Какая, однако, глазастая и внимательная девица! И хитрющая – нет чтобы предупредить! Решила меня проверить – замечу ли? Но мы тоже не лыком шиты! Или это ее пометка? Нет, вряд ли. Во-первых; не посмела бы. Во-вторых, до этого момента были куда более яркие фрагменты, которые вполне можно было отметить. Это, похоже, все же след ногтя Теслы». И он принял с резко возросшим интересом читать дальше, внимательно поглядывая на поля рукописи.

«Я тотчас кинулся прочь со всех ног: всю жизнь я боялся привидений и предпочел бы оказаться где угодно, но не с ним наедине. Меня остановил знакомый голос, звучавший слаще музыки для моих ушей:

– Вернись! Я живой, а вовсе не привидение!»

Через пару абзацев появилась еще одна черта у строк:

«Нет, не мираж, я действительно умер, – сказал он в ответ на мои мысли и добавил с безразличным видом: – Для меня это сущий пустяк, я продевывал такие штуки много раз».

И тут Саров вместе с Августом Фельднером, вместе с Марком Твеном буквально взмолился:

«Расскажи мне что-нибудь обо всем этом, ну хоть немножечко, прошу тебя. Сорок Четвертый! Ты только дразнишь мой аппетит, а я жажду понять, как ты узнал про эти чудеса, как разгадал непостижимые тайны».

Сорок Четвертый подумал немного, потом заявил, что вполне расположен ко мне и охотно занялся бы моим просвещением, но не знает, как за него взяться из-за ограниченности моего ума, убогости духовного мира и неразвитости чувств. Он помянул мои качества вскользь, как нечто само собой разумеющееся – архиепископ мог бы походя бросить такое замечание коту, нимало не заботясь об его чувствах, о том, что у кота другое мнение на этот счет...

– Да, просветить тебя трудно, – молвил он наконец. – Пожалуй, невозможно, надо создавать тебя заново. – Глазами он умолял меня понять его и простить. – Ведь ты, что ни говори, – животное, сам ты это сознаешь?

Мне следовало дать ему пощечину, но я сдержался и ответил с деланным безразличием:

– Разумеется. Мы все порой животные.

Я, конечно, подразумевал и его, но стрела опять не попала в цель: Сорок Четвертый и не думал, что я его имею в виду. Напротив, он сказал с облегчением, словно избавившись от досадной помехи:

– В том-то и беда! Вот почему просветить тебя так трудно. С моим родом все иначе, мы не знаем пределов, мы способны осмысливать все, Видишь ли, для рода человеческого существует такое понятие, как время: вы делите его на части и измеряете; у человека есть прошлое, настоящее и будущее – из одного понятия вы сделали три. Для твоего рода существует еще и расстояние, и, черт подери, его вы тоже измеряете! Впрочем, погоди, если б я только мог, если б я... нет, бесполезно, просвещение не для такого ума. – И добавил с отчаянием в голосе: – О, если б он обладал хоть каким-нибудь даром, глубиной, широтой мышления, либо, либо... но, сам понимаешь, человеческий ум ту-

гой и тесный, ведь не вольешь же бездонную звездную ширь Вселеной в кувшин!»

«Вот и кувшин», – подумал Саров. Он представил себе Теслу и Марка Твена, сидящих в креслах у камина, между ними на низеньком столике бутылка старого шотландского виски и два широких стакана. Тесла – Вселенная, передатчик, щедро излучающий знание, недоступное пониманию современников, Марк Твен – приемник, кувшин, поглощающий это знание, сохраняющий его, переваривающий, чтобы передать потомкам.

– Ах, как это трудно! – говорит Тесла. – Будь у меня хотя бы исходная точка, основа, с которой начать, – так нет! Опереться не на что! Послушай, ты можешь исключить фактор времени, можешь понять, что такое вечность? Можешь представить себе нечто, не имеющее начала, нечто такое, что было всегда? Поптайся!

– Не могу, – трясет головой Марк Твен. – Сто раз пытался. Головокружение начинается, как только вообразишь такое.

Лицо Теслы выражает отчаяние.

– Подумать только, и это называется ум! Не может постичь такого пустяка... Слушай, Сэм, в действительности время не поддается делению – никакому. Прошлое всегда присутствует. Если я захочу, то могу вызвать к жизни истинное прошлое, а не представление о нем; и вот я уже в прошлом. То же самое с будущим – я могу вызвать его из грядущих веков, и вот оно у меня перед глазами – животрепещущее, реальное, а не фантазия, не образ, не плод воображения. О, эти тягостные человеческие ограничения, как они мешают мне! Твой род даже не может вообразить нечто, созданное из ничего, – я знаю наверняка: ваши ученые и философы всегда признают этот факт. Все они считают, что вначале было нечто, и разумеют нечто вещественное, материальное, из чего был создан мир. Да все было проще простого – мир был создан из мысли.

– В начале было слово, – быстро вставляет Марк Твен, – ты это имеешь в виду?

– Речь идет не об этом тексте. Текст вы отринули и правильно сделали, но вместе с грязной водой вы выплеснули и ребенка. Вы уверовали в материю, в материальный мир, но упустили из виду, что этот мир был создан из мысли. Ты понимаешь?

– Нет. Мысли! Она не материальна, как же можно создать из нее материальные предметы?

– Но, Сэм, я же говорю не о человеческой мысли, я говорю о себе подобных, о мыслях богов.

– Ну и что? Какая тут разница? Мысль это мысль, и этим все сказано.

Генрих Эрлих

– Нет, ты ошибаешься. Человек ничего не творит своей мыслью, он просто наблюдает предметы и явления внешнего мира, сочетает их в голове; сопоставив несколько наблюдений, он делает вывод. Его ум – машина, притом автоматическая, человек ее не контролирует; ваш ум не может постичь ничего нового, оригинального, ему под силу лишь, собрав материал извне, придать ему новые формы. Но он вынужден брать материал извне, а создать его он не в состоянии. В общем, человеческий ум не может творить, а бог может, мне подобные могут. Вот в чем различие. Нам не нужны готовые материалы, мы создаем их – из мысли. Все сущее было создано из мысли, только из мысли.

– Своей мыслью я могу создать только воображаемых персонажей своих романов, – говорит Марк Твен.

– Твои персонажи живее и реалистичнее всех живших, живущих и тех, кто придет им на смену.

– Это все слова, всего лишь слова!

– Ты неисправимый материалист, мой друг, ты веришь только тому, что можешь пощупать. Будь по-твоему!

И тут перед изумленным Марком Твеном из пустоты возникает его двойник в виде совершенной оболочки тела, зыбкой, как мыльный пузырь, переливающейся всеми цветами радуги; потом составляется и укрепляется скелет, облекается в плоть, одежды. Марк Твен осторожно прикасается к нему рукой, как будто боится проткнуть насеквоздь.

– Но послушай, Никола, он что – из плоти и крови?

– Да, но это лишь видимость, его плоть и кости – фикция, созданная мной. Я высвободил твой дух и дал твоему второму «я» независимое существование.

– Мое второе «я»?!

– Вот уж не думал, что мне придется объяснять тебе еще и это! Кому как не тебе знать, что в тебе одновременно сосуществуют две личности. Одна – твоя Будничная Суть, она вечно в делах и заботах, преимущественно о деньгах, – усмехается Тесла, – другая – Суть Грэз, у нее нет обязанностей, ее занимают лишь фантазии, путешествия, приключения. Когда Будничная Суть бодрствует, она спит; когда Будничная Суть спит, Суть Грэз заправляет всем и делает что ей вздумается. У нее больше воображения, чем у твоей Будничной Сути, а потому ее радости и горести искренней и сильней, а приключения, соответственно, – ярче и удивительней. Но, как ты сам понимаешь, она лишена плоти, она – только дух. Участь Будничной Сути тяжелей, ее существование тоскливой, ей никуда не деться от плоти, плоть ее обременяет, лишает свободы; мешает ей и собственное бедное воображение.

— Так ты — это я? — обращается Марк Твен к своему двойнику. — Моя лучшая, идеальная, восторженная, вдохновенная половина?

— У нас нет личности, определенной личности, каждый из нас — совокупность личностей, — как-то излишне серьезно говорит двойник, разваливаясь в свободном кресле, — мы честны в одном сне и бесчестны в другом, мы храбро сражаемся в одной битве и бежим с поля боя в другой. Мы не носим цепей; они для нас нестерпимы; у нас нет дома, нет тюрьмы, мы жители Вселенной; мы не знаем ни времени, ни пространства, — тараторит он, как затверженный урок, — мы живем, любим, трудимся, наслаждаемся жизнью; мы успеваем прожить пятьдесят лет за один час, пока вы спите, похрапывая, восстановливая свои распадающиеся ткани; не успеете вы моргнуть, как мы облетаем вокруг вашего маленького земного шара, мы не замкнуты в определенном пространстве, как собака, стерегущая стадо, или император, пасущий двуногих овечек, мы спускаемся в ад, поднимаемся в рай, резвимся среди созвездий, на Млечном Пути. О, космическое пространство — безбрежный океан, простирающийся бесконечно далеко, не имеющий ни начала, ни конца? — с ностальгической грустью говорит двойник. — Мрачная бездна, по которой можно лететь вечно со скоростью мысли, встречая после изнурительно долгого пути радующие душу архипелаги солнц, мерцающие далеко впереди: они все растут и растут и вдруг взрываются ослепительным светом; миг — и прорываешься сквозь него, и они уже позади — мерцающие архипелаги, исчезающие во тьме. Ах, чего только я не видел! — оживляется он.

— Таких чудес, такого буйства красок, такого великолепия человеческий глаз не воспринимает. Чего только я не слышал! Музыка сфер... Ни один смертный не выдержит и пяти минут такого экстаза!

— Это — я? — недовольно говорит Марк Твен. — Я себе такой не нравлюсь. Никола, а нельзя ли его — того, на Млечный Путь?

— Благородный хозяин! Ты угадал мое самое сокровенное желание! — вскрикивает радостно двойник. — О, человеческая жизнь, земная жизнь, скучная жизнь! Она так унизительна, так горька; человеческое честолюбие суетно, спесь — ничтожна, тщеславие — по-детски наивно, а слава, столь ценимая человеком, почести — боже, какая пустота!

— Может быть, сразу к чертям в пекло? — раздумчиво спрашивает Тесла.

— Как ты жесток, Никола! Это же живая душа, моя, между прочим, душа, зачем вот так сразу — к чертям в пекло?

— Не питай пустых надежд, Сэм! Чему быть, того не миновать. Еще десяток лет и... А что такое десять лет по сравнению с вечностью? Всего лишь миг. Со временем ты это поймешь. Ты еще здесь? — оборачивается Тесла к двойнику. — Вставай и улетучивайся!

Двойник радостно вскакивает, но, как никто понимая желания и мысли хозяина, не спешит и делает все нарочито медленно, как опытная стриптизерша, вернее, стриптизер. Вот это Зрелище так зрелище! Сначала его одежды истончаются настолько, что сквозь них просвечивает тело, потом они растворяются в воздухе, как туман, и двойник остается нагим (Марк Твен при этом морщится, как будто впервые видит себя обнаженным), тем временем плоть двойника тает на глазах, сквозь нее уже просвечивает скелет с распухшими суставами, так что Марк Твен непроизвольно тянется к коленям и начинает их разминать; затем исчезают и кости и остается лишь пустая форма, оболочка, зыбкая и эфемерная, переливающаяся всеми цветами радуги; сквозь нее, как сквозь мыльный пузырь, просвечивает мебель; затем – паф! – и она исчезает!

– Бог с тобой! – напутствует двойника Марк Твен и, хитро взглянув на друга, вдруг затягивает песню низким протяжным голосом, наполняющим комнату и волнами плывущим к небесам.

Как далеко отсюда отчий дом,
У Суон-реки, у Суон-реки,
Но сердцем я и поныне в нем,
Там доживают век свой старики.

И так – строфа за строфой – живописует он бедный покинутый дом, радости детства, черные лица, дорогие для него, которые он больше никогда не увидит. И само его лицо, отрешенное и печальное, как будто чернеет. Чарующая магия музыки совершенно преобразует и сидящего напротив надменного верзилу, все высокомерие сходит с него, он становится прекрасен и человечен, как сама песня. Все вокруг тоже меняется, комната исчезает, кресла превращаются в скамью из толстых досок, ковер на полу – в траву, камин уплывает вдаль, оборачиваясь бревенчатой хижиной под раскидистыми деревьями, все это обволакивают нежным светом летние сумерки. Песня стихает, растворяется, рассеивается в воздухе, и вместе с ней рассеивается и тает в воздухе видение, комната обретает былой вид, в камине вспыхивает огонь.

– А! Я вижу слезы в твоих глазах! – удовлетворенно восклицает Марк Твен. – Не так уж ты бесчувствен, небожитель!

– Ты же знаешь, я не могу без слез слушать эту песню, – говорит Тесла.

– Твои слезы мне дороже аплодисментов. Когда ты плачешь, я вижу перед собой человека. Впрочем, что я говорю! Этой песней я бы выжал слезы даже из глаз деревянного идола.

– Да, вы, люди, и особенно ты, мой друг, бываете поразительно проникновенны при всей ограниченности вашего знания и низменности помыслов.

– Ты не очень высокого мнения о роде человеческом. Жаль, что ты принадлежишь к нему помимо своей воли.

– Но, друг мой, ведь я ни разу не обмолвился, что принадлежу к нему, не правда ли?

При этом я полагаю, что род человеческий по-своему хорош, если все принять во внимание. Уверяю тебя, что я отношусь к человечеству даже лучше тебя. Ты вспомни, что тут недавно вещал твой двойник, а ведь он – это ты, твоя вторая суть. Я же отношусь без всякого предубеждения как к роду человеческому, так и к насекомым другого рода, я не питаю к ним ни зла, ни отвращения. Мне давно знаком род человеческий, и – поверь, я говорю от чистого сердца – он чаще вызывал у меня жалость, чем стыд за него. Более того, мой интерес к человечеству подогревается тем, что в других мирах нет ничего подобного, человечество – нечто единственное в своем роде. Оно во многом чрезвычайно забавно.

– Да, «забавно», как стая мартышек, – с легкой ironией говорит Марк Твен.

– Да, люди забавны, как мартышки, – подтверждает Тесла совершенно серьезно. – Пожалуй, еще забавнее, ведь моральное и умственное кривлянье людей разнообразнее, чем у мартышек, и оттого забавнее.

На «мартышек» Марк Твен непримиренно обижается, хотя сам же первый упомянул о них. Тесла смотрит на него с виноватым видом.

– Давай пошалим, – предлагает он, – как напишет в своем весьма недурном романе одна шведская писательница, она вот-вот должна родиться.

– Что?! Писательницы будут и в Швеции! – Марк Твен в ужасе хватается за голову. – Чувствую, в будущем на Земле не останется ни одного места, где можно было бы спокойно отдохнуть и развлечься, не рискуя столкнуться с писательницами.

– Ужасны не писательницы, ужасны их произведения, – замечает Тесла.

– Позволь мне об этом судить, у меня тут гораздо больший опыт. Роман можно, не читая, выкинуть в мусорный бак, а от писательниц никуда не скроешься, разве что сам спрячешься в том же мусорном баке.

– Насколько я понимаю, в будущее ты не хочешь. Что ж, пошалим со временем по-другому. Остановим его? Но это делалось раньше и не раз, ты об этом читал, тебе будет не очень интересно. Предлагаю повернуть время вспять – это сравнительно ново. К тому же так мы ут-

Генрих Эрлих

рем нос некоторым умникам, которые твердят, и будут твердить о стреле времени.

Марк Твен декламирует:

Назад, назад стреми, о Время, свой полет,
Пусть детство хоть на день судьба вернет.

– Ты единственный из людей, кто меня понимает! – восклицает Тесла. – Итак, поворачиваем время назад, заставим стрелки часов двигаться в обратном направлении!

– А они повернутся?

– Разумеется. Это привлечет к себе всеобщее внимание, можешь не сомневаться. Но самый потрясающий эффект произведет солнце.

– Каким образом?

– Часов через шесть солнце взойдет на западе, и это прикует к себе внимание всего мира.

– Представляю, как это будет здорово!

– О, положись на меня! Я лучший в истории придумщик шалостей. Да, человечество не припомнит другого такого случая. По-моему, это будет рекорд.

– Пожалуй, ты прав.

– А знаешь, еще лучше, если солнце взойдет не на западе, а на юго-западе. Это, пожалуй, будет эффектнее и в диковинку людям: никто еще не устраивал ничего подобного.

– Мастер, это будет великолепно! Это будет величайшее чудо, чудо из чудес. О нем будут говорить и писать, покуда существует род человеческий. И спорить будет не о чем: все живущие на земле увидят чудо воочию, и некому будет его опровергать.

– Истинно так. Оно станет единственным достоверным событием в человеческой истории. Все другие события, большие и малые, зависели от свидетельства меньшинства, порою очень незначительного, но на этот раз все будет иначе, вот так-то. Чудо на сей раз будет запатентовано, и пусть не ждут повторения на бис. Сиб ан яинеротвоп тудж ен!

– Вот именно! – восклицает Марк Твен. – Постой, постой, ты что сказал?

– То же самое, но наоборот. Я тебе подал знак, что время пошло вспять. Посмотри на стрелки.

В этот момент минутная стрелка на напольных часах прыгает назад.

– Сукоф йищаясяртоп!

– Не напрягайся, и сознание все само выправит.

– Черт, язык сломать можно!

– Ну вот, уже все и выправилось! У тебя очень быстрое сознание, легко адаптируется к новым ситуациям.

– Сознание – да, но не желудок. Я чувствую, как виски начало обратный путь вверх по пищеводу. Если ты немедленно что-нибудь не придумаешь, боюсь, я испачкаю твой великолепный ковер.

– Ничего страшного! Когда мы вновь переключим направление времени, виски с ковра вернется обратно в твой желудок.

– Оно пошло быстрее! – хрипит Марк Твен. – А тебе бы все шутки шутить.

– Я знаю только одно надежное средство против этого, – говорит Тесла, – надо как можно быстрее влить в себя новую порцию виски, естественно, больше предыдущей, ведь закон всемирного тяготения мы не отменяли изуважения к старику Исааку.

Он наливает виски в стакан на четыре пальца и протягивает Марку Твенну, тот одним залпом опрокидывает его в себя.

– Уф, – блаженно отдувается он, – упало.

– Тебе лучше?

– Мне намного лучше!

– Тогда предлагаю отправиться куда-нибудь, чтобы позабавиться и понаблюдать эффект обратного хода времени.

– Всю жизнь мечтал побывать в Китае.

– Отличная мысль! Там сейчас полдень.

– Наши белые физиономии нам не помешают?

– Ты ничего не понял, в путешествие отправится наш свободный дух, мы будем невидимы. Впрочем, если хочешь...

– Нет, нет, так даже интереснее.

– Если хочешь, я могу перенести твой дух в тело какой-нибудь молоденькой китаянки или даже кошки, – продолжает настаивать Тесла, – это будет интересный опыт. Для тебя.

– Если китаянка будет проституткой в шанхайском борделе, то пожалуй, а в образе кошки я не протяну и пяти минут, меня зажарят вместе со змеей и подадут на стол в виде фирменного китайского блюда «Битва дракона с тигром». Нужен мне такой опыт! Терпеть не могу змей!

Так разговаривая, они переносятся в Китай. Солнце уже готовится повернуть по новому пути на северо-восток, и миллионы потрясенных китайцев глазируют на него с глупым видом, а миллионы других лежат на земле, измученные царящей вокруг неразберихой и страхом, погруженные в блаженное забытье. Наскучив Китаем и китайцами, друзья слоняются вслед за солнцем по всему миру, останавливааясь во всех больших городах, попадающихся им на пути, наблюдают и восхищаются последствиями обратного хода времени. Повсюду оторопелые люди повторяют задом наперед старые разговоры, не понимая друг

Генрих Эрлих

друга, и какой у них при этом усталый и несчастный вид! Собираются толпы людей, с ужасом глядя на башенные часы; в каждом городе происходят заново похороны ранее погребенных; похоронные катафалки и процессы с мрачным видом идут обратно. Там, где происходили войны, повторяются вчерашние битвы с конца до начала; ранее убитых убивают вновь, раненые получают те же самые ранения и ропщут. В океанах корабли с наполненными ветром парусами заново относят на места, пройденные накануне; одни матросы в страхе обращаются к богу, другие в безмолвной муке смотрят на обезумевшее солнце, трети ругаются и богохульствуют на чем свет стоит. Друзья несколько задерживаются на поле битвы в Руане и наблюдают, как Генрих I собирает воедино свой разбитый череп и другие части тела.

– Если тебя интересуют эти персонажи, – говорит Тесла, – я соберу их для тебя всех, со всего света, из всех времен. Напоследок.

Марк Твен не успевает глазом моргнуть, как землю окутывает зловещая тьма. Все видимое постепенно растворяется в ней, утрачивая очертания, а потом и вовсе исчезает. Воцаряется кромешная непроглядная тьма, а с ней – тишина, такая безмолвная, что кажется, весь мир затаил дыхание. Минуты тянутся и тянутся, глубокое безмолвие становится угрожающим, и вдруг друзей накрывает холодная воздушная волна – сырая, пронизывающая, пахнущая могилой, вызывающая дрожь. Через некоторое время доносится легкий щелкающий звук, он слышится все явственней, все громче и громче, он растет, множится, и вот уже повсюду раздаются сухие, резкие, щелкающие звуки. В прозрачном свете блеклых предутренних сумерек проступают смутные паукообразные контуры тысяч скелетов, идущих колонной! У Марка Твена волосы встают дыбом.

Чуть светлеет, как перед рассветом, и процесия становится отчетливо видной. Она, скорбно гремя костями, течет мимо стоящих на небольшом взгорке друзей, мало-помалу расплывается, тает вдалеке и наконец пропадает из виду. Некоторые из скелетов волокут за собой на веревке истлевшие остатки гробов.

– Это зачем? – спрашивает Марк Твен, немного пришедший в себя.

– Люди! – пожимает плечами Тесла. – Они и в вечности озабочены тем, как бы чего не случилось с их ничтожной собственностью.

Некоторые из проходящих мужчин и женщин, юношей и девушек уныло протягивают Марку Твенну свои убогие костяшки для рукопожатия. Это его знакомые, на чьих похоронах он присутствовал всего три четыре года тому назад

– А это что за великосветское семейство? – спрашивает Марк Твен. – Они все время говорят о погоде, как будто ничто другое их не занимает.

— Ной с сыновьями и невестками, — коротко отвечает Тесла. — А вот Адам с Евой, рекомендую. Их предшественников я выделил в отдельную колонну, ведь их в мириады раз больше, чем потомков. Давид, Голиаф, Клеопатра, Карл Великий, рыцарь Дагобер, — продолжает представление Тесла, — черт, надо было повесить им таблички на шеи с указанием их имени и лет земной жизни.

— А это кто? — спрашивает Марк Твен, указывая на маленький и приземистый скелет, едущий верхом на длинношеем и длиннохвостом чудище, возвышающемся над толпой на десять метров.

— Недостающее звено, так его называют и всегда будут называть, потому что никогда не найдут. Чудище поинтереснее будет, вымерло восемь миллионов лет тому назад.

Марк Твен уже пресыщен впечатлениями.

— Ты сказал: напоследок, — говорит он, поворачиваясь спиной к процессии.

Тесла взмахивает рукой, и они остаются одни в пустом и беззвучном мире. Потом, подумав, переносит их в комнату, в кресла, между которыми стоит низкий столик с почти пустой бутылкой старого шотландского виски. Тесла разливает остатки божественной влаги по стаканам.

— Да. напоследок, — говорит он наконец.

— Ты уходишь и больше уже не вернешься?

— Нет, — мягко отвечает Тесла, — это ты уходишь. Сейчас ты пойдешь к себе домой, в Грамерси-парк, потом в Европу, потом... получится так, что мы никогда больше не увидим друг друга. Мы с тобой долго дружили, и это было славное время для нас обоих.

— В этой жизни, Никола. А в другой? Мы ведь встретимся в другой, верно?

— Ах, — вздыхает Тесла, — вот мы и достигли точки, когда слова бесполезны; слово не способно правильно передать даже человеческую мысль; а для мыслей той сферы, что находится, так сказать, за пределами человеческой Солнечной системы, оно и вовсе пустой звук. Я буду говорить на своем родном языке, в нем слов не существует. На долю мгновения мой дух обратится к твоему и сообщит ему кое-что, не много, ибо много ты и не сможешь постичь при твоей ограниченной человеческой способности мышления.

Проходит мгновение. Марк Твен удивленно поднимает брови, вписывается взглядом в лицо Теслы.

— Это как сон, — говорит он наконец, — мне кажется, что я лишен плоти, крови, костей, что я — всего лишь мысль, скитающаяся, бесплодная, бесприютная мысль, заблудившаяся в мертвом пространстве и вечности. Нет ни бога, ни Вселенной, ни человеческого рода,

Генрих Эрлих

ни жизни, ни рая, ни ада. Все это – чистое безумие, ребяческий каприз воображения, не сознающего, что оно безумно, словом, сон.

– Все признаки сна налицо, – говорит Тесла, – мог бы догадаться и раньше. Сейчас ты проснешься, и я исчезну, растаю, превращусь в ничто. Ты останешься один в бесконечном пространстве и будешь вечно бродить в одиночестве по безбрежным просторам, без друга, без близкой души, ибо ты – мысль. Единственная реальность – мысль, неразрушимая, неугасимая. А я, твой покорный слуга, лишь открыл тебе тайну бытия и дал волю. Да приснятся тебе другие сны, лучше прежних!..

* * *

«Он исчез, навсегда смутив мой покой; я понял, что все сказанное им – правда», – прочитал Саров последнюю строчку повести. Слева, на полях, виднелся след ногтя. «Марк Твен прав, – подумал Саров, – все – сон. Что-то мне слишком часто стали сниться сны в последнее время, – он ущипнул себя за руку, скривился от боли, – не сон, однако». Он посмотрел на часы – час ночи, вот ведь зачитался! А о чем читал, хоть убей, не помнит. Он принялся перелистывать вторую половину повести. Маги, безумные старухи, бесноватые патеры, любовные шашни, стычки печатников с двойниками, тюремные подземелья и костры инквизиции – все эти извины и навороты сюжета он видел как будто впервые, натренированное сознание отсекло их, как ненужные детали, арабески для привлечения читающей публики, остались лишь фрагменты, сложившиеся в воображаемый диалог Теслы и Марка Твена. «Или – не воображаемый, или – не диалог, – подумал Саров и тут же мысленно поднял себя на смех: – Да ты не тронулся ли умом, парень, это тебе даже не Тунгусская катастрофа, это мистика чистейшей воды, тебе в мистику по штату верить не положено, ты ж у нас физик, ученый и вообще уравновешенный тип, ты все лженаучные теории раскалываешь на раз-два-три! Но о чем-то подобном они, судя по всему, говорили много: о времени, пространстве, о других мирах и возможности другой жизни, это естественно, как и то, каким образом это все преломилось творческим воображением Марка Твена. Нам-то что это дает? Непонятно. Столько всего наворочено! Поищем-ка еще пометки».

Нашлась одна, во второй части. Вернее, было две короткие черточки на одной странице, где речь шла о гаданиях, предсказаниях и зашифрованных посланиях. Саров сложил отмеченные фразы. Получилось: «Не подлежит сомнению, что правильное толкование так же важно, как и точность формулировки самого послания, – заметил Сорок Четвертый. – Не поймешь начало или конец послания, обязатель-

но исказишь их при толковании, и тогда суть послания не дойдет по адресу, утратится, и будет причинен большой вред».

«Не подлежит сомнению, – подумал Сэров, – что пора с этим за-вязывать. Скоро в любой фразе мне начнет мерещиться скрытое послание. Перечитаю через несколько дней на свежую голову, там и посмотрим, тогда и подумаем».

Он отложил рукопись и блаженно потянулся.

Глава 13

Сонная круговерть

Саров упал на кровать. Она ласково приняла его в свои объятия. «Ого, – отметил он, – водяной матрац! Как нас, однако, встречают! – он блаженно потянулся. – На таком только спать и спать. Да, только спать. Как, интересно, на нем любовью заниматься? И как у хозяйки с этим делом? – скакнула мысль в сторону. – Все! Шалишь! – остановил ее Саров. – Сейчас не об этом. Сейчас – спать. Спать. Спа-а-а», – он сладко зевнул и провалился в сон.

И тут навалилось. Замелькало и закрутилось. Картинки, одна за другой. Сначала пейзажи, однообразные и тоскливы, как виды вдоль сегодняшней дороги, наверно, это они и были. Потом обрушился кленовый листопад, нет, не кленовый, пожелтевшие листы были уж больно правильной формы, прямо как листы бумаги, ах да, конечно, именно листы бумаги и кружились перед глазами, пестря напечатанными и написанными строками. Потом пришел черед людей. Людей незнакомых и почти исключительно мужчин, целая вереница мужчин, как в час ланча на Уолл-стрит. Мужчин спешащих, мечущихся из стороны в сторону, сталкивающихся, говорящих что-то резкое друг другу и тут же расходящихся, чтобы немедленно сцепиться с другими. Мужчин было много, десятки, если не сотни, но они неслись в безликую толпу, каждый имел какую-то примету, и с каждым оборотом хоровода узнавался все четче. Лишь два персонажа сна не сутились. Один, длинный и худой, лежал на кровати, лежал как оловянный солдатик, при полном параде и неподвижно. Другой, крупный и одутловатый, с асимметричным, перекошенным вправо, как после инсульта, лицом, сидел за столом, сидел неподвижно, как памятник, и только колебание зрачков покрасневших глаз выдавало в нем живого человека. К нему, как к тихой пристани, и устремилась уставшая от мельтешения образов мысль Сарова, вздрогнула на пороге кабинета от выбитого на табличке имени хозяина и, трепеща, вползла внутрь.

* * *

Джон Эдгар Гувер оторвал глаза от документа, лежавшего перед ним на столе, обвел синим карандашом один абзац, нажал кнопку селектора.

– Ко мне, – коротко бросил он и отпустил кнопку. «Все приходится делать самому, – раздраженно подумал он, – никто ничего не замечает, никто не хочет думать, всем на все наплевать. Десять тысяч сотрудников, а я как и двадцать лет назад вынужден читать рапорты агентов. Потому что никто ничего не замечает!»

Джереми Уоксворт, помощник директора ФБР, едва войдя в кабинет, сразу определил: шеф не в духе, четвертая степень. Впрочем, кто же будет в добром расположении духа, находясь на рабочем месте в половине первого ночи, а четвертая степень – не пятая, вот тогда был бы полный швах. Уоксворт склонил голову, изобразив почтительное внимание.

– Вы видели это? – грозно спросил Гувер, бросая документ через стол.

– Да, сэр, – Уоксворту хватило одного взгляда, – рапорт агента Ривкина из Нью-Йорка, составлен вчера, извините, позавчера, 5 января в 22.45, не содержит пометки «срочно», поэтому поступил обычным порядком в 11.45 в отдел надзора за сотрудниками иностранных посольств, после анализа в 16.30 переправлен мне как представляющий определенный интерес, убедившись в ценности информации, я в 19.40 направил его вам, отметив пассаж, привлекший мое внимание. Тот же самый, осмелиюсь заметить. Там пометка карандашом.

Он протянул руку и положил рапорт перед Гувером. Тот взял его и немного повертел в свете настольной лампы. Действительно, тонкая карандашная линия, почти покрытая его энергичным росчерком.

– Смените карандаш! – досадливо сказал Гувер, быстро остывая.

– Есть, сэр, – ответил Уоксворт. – Какие будут распоряжения?

– Эти документы необходимо изъять. Тесла всегда был удивительно скрытен и, случалось, годами держал в сейфе уже готовые изобретения. Он настолько верит в свою гениальность, что нисколько не опасается конкурентов. А так как он всегда работал один, то не у кого даже узнать, что он там изобрел. Вполне возможно, что это что-нибудь невероятное, невозможное, сумасшедшее, в его обычном стиле. Все равно мы не можем допустить, чтобы это попало в руки наших врагов, настоящих и потенциальных. Кто знает, как они этим воспользуются? У идей Теслы, даже самых невероятных, невозможных и сумасшедших, есть одна пренеприятная черта – они всегда реализуются, рано или поздно.

— Это понятно, — мягко сказал Уоксворт, — но какие будут распоряжения?

— Не понятно?

— Понятно. Мне бы распоряжение, письменное.

«Ни работать не хотят, ни брать на себя ответственность», — с горечью подумал Гувер, взял лист бумаги и написал: «Поручаю мистеру Дж. Уоксворту организовать выемку документов из сейфа в номере мистера Николы Теслы в отеле «Нью-Йоркер», г. Нью-Йорк. Документы представляют угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов. Дж. Эдгар Гувер. Вашингтон, округ Колумбия. Январь 7, 1943, 00.49».

— Кому поручите выполнение операции? — спросил Гувер после того, как Уоксворт внимательно прочитал документ и положил его во внутренний карман пиджака.

— Агенту Корнеллу, сэр.

— Он уже работал по Тесле, — в словах Гувера не было вопросительной интонации.

— Да, сэр.

— Что ж, хорошо.

* * *

Агент Корнелл был очень раздосадован. То, что подняли посреди ночи, не в счет, работа у них такая. Но то же работа, а это что? Работенка, грязная, прямо скажем, работенка, а главное — не по рангу. Это для начинающих, им для практики полезно, да и в радость, а он уже агент опытный, седьмой год в Бюро, он этой практики нахлебался выше крыши и радости от игры в шпионов не испытывает. Ведь как это называется? Правильно, незаконным проникновением это называется. Если застукают, запросто за решетку угодить можно. Начальники откrestятся, Уоксворт по телефону все обиняком говорил и только подгонял, дело-де наискрочнейшее, а распоряжение мы потом оформим. Нужно мне будет потом ихнее письменное распоряжение! Мне, если все удачно сойдет, премия будет положена. Но это если сойдет. Ежели что — не замнут. У этого Теслы вон какие связи и покровители, с вице-президентом вась-вась и с Элеонорой. Ему ли не знать! Он на Тесле начинал, собственно, он на нем и выдвинулся.

Хотя все могло и прахом пойти, сидел бы сейчас где-нибудь в Монтане, под мормона бы рядился. Он был, конечно, не виноват, что объект вдруг выперся на мостовую, а тут откуда ни возьмись машина, как нарочно ждала. Все произошло так быстро, что он даже номер не засек. Старик лежит, стонет, он с видом сердобольного прохожего к нему. Какие негодяи! Я вас сейчас в госпиталь! Четверть часа потом посреди мостовой препирались, не хотел старик в госпиталь, только в

Генрих Эрлих

свой отель. И ведь что удивительно: за все время – ни одной машины. Делать нечего, доволок на себе до отеля. Давайте, говорю, врача вызову. Ни в какую! Упрямый! Последующие полгода были самыми тоскливыми за все время работы. Старик безвылазно сидел в номере, чуть ли не забаррикадировавшись, и почти никого не принимал. Вот тогда он еще раз прокололся. То есть это он знал, что прокололся, а получилось все в лучшем виде. Отлучился он на ланч да и засиделся, все караулил, когда симпатичная официантка мимо пройдет, чтобы перекинуться с ней парой слов, авось что и выгорит. Возвращается, а за стариком уже дверь лимузина закрывают, фьють – и ищи ветра в поле. Тут-то тот парень и прошмыгнул в холл отеля. О, он этого парня давно заприметил, года за два. Все-то он около Теслы терся. Где бы Тесла ни появился, он тут как тут. Сделал официальный запрос. Оказался молодым сотрудником Массачусетского технологического института по имени Блойс Фитцпатрик, подающим надежды, как говорили. Работал в лаборатории, занимающейся оружием, чем-то там связанным с беглым огнем. Лаборатория в Бостоне, а этот Фитцпатрик периодически в Нью-Йорке ошивается. Подозрительно! И тут, проходит через холл и – шасть наверх.

И к номеру Теслы. И в номер. И к сейфу. Тут-то он его и скрутил. Все чисто сделал. Пока ждали вызванных на подмогу агентов, он этого субчика расколол. За техническими документами лез, ясное дело, что-то там по сверхоружию. А ключ от сейфа стащил у Теслы во время последнего банкета в честь дня его рождения. Стащил, сделал дубликат и вернул. А потом все случаяя удобного ждал. Дождался. Субчика незаметно вывели из отеля, он все прибрал, дубликат ключа приложил к рапорту. После этого его, наконец, заметили и подняли на следующую ступеньку. Даже то не помешало, что старик все же что-то учゅял. Долго потом разорялся в разных местах, что кто-то входил в его номер и просматривал бумаги, но ушел с пустыми руками. Почему же с пустыми? Вот он – ключик!

Корнелл нашупал ключ в кармане, зябко поежился – январь все же и раннее утро, поднял голову вверх. В номере Теслы света не было. Одно из окон было, как всегда, приоткрыто, для голубей. Корнелл посмотрел на наручные часы. Если идти, то сейчас самое время. Когда он следил за ним, старик спал не больше трех часов в сутки и то всегда утром. Вряд ли его привычки изменились. И приоткрытое окно на руку – шум машин с улицы заглушит шаги.

Ноги сами понесли Корнелла привычным путем. К служебному входу с другой стороны квартала, мимо прачечной, склада и кухни – на лестницу для персонала. На этаже – никого. Корнелл быстро прошел к номеру, достал отмычку, вставил в замок, сделал одно движение, второе, третье – замок тихо щелкнул. Не потерял квалификации,

усмехнулся Корнелл и осторожно приоткрыл дверь. В номере кто-то жалобно плакал, На служебной лестнице послышались шаги. «Этого только не хватало!» – подумал Корнелл и проскользнул внутрь.

Он стоял привалившись спиной к двери и всматривался в глубь номера. Перед ним была открытая дверь гостиной, на фоне светлого окна виднелась голубка, она сидела на подоконнике и – жалобно ворковала, как плакала. Корнелл облегченно вздохнул и перевел взгляд влево. Дверь в спальню тоже была открыта. Корнеллу это не понравилось – так не должно было быть. Старик всегда закрывал дверь в спальню, об этой его привычке он сам слышал три раза от разных людей. У старика было много близких, это – из их числа, чему-чему, а близким он никогда не изменял. Корнелл сделал несколько осторожных шагов к спальне, заглянул внутрь. Широкая кровать была застелена и покрыта роскошным покрывалом. Поверх него, вытянувшись во весь рост, лежал Тесла. В черном костюме, белоснежной рубашке, красно-черном галстуке, в начищенных до блеска ботинках. Руки сложены на груди, орлиный нос смотрит вверх, глаза закрыты, рот плотно сжат, на мраморно-белом лице – ни морщинки, лишь несколько бледно-серых пятнышек, как на крыльях голубки. Тесла был мертв. Чтобы определить это, Корнеллу не надо было даже подходить к нему.

«Кто же это его?..» – неспешно потекла мысль в голове Корнелла и вдруг опасливо замерла.

Раздался стук в дверь и вслед за ним громкий крик:
– Это Дороти, горничная, мистер Тесла. Время уборки.
Дверь беззвучно распахнулась.

* * *

Предыдущий день у Дороти был выходной. Половину его она провела на чердаке, переставляя шкатулку с места на место. Никогда в жизни она так не стремилась на работу. Ее обуревали сомнения – все ли она сделала правильно? Несколько раз она порывалась обсудить это с мужем или с отцом, мужчины лучше понимают в таких делах, но обещание, данное мистеру Тесле, удерживало ее.

Едва прия в отель, она подхватила ведро, швабру, корзинку с моющими средствами и тряпками и отправилась на четвертый этаж. Мистер Тесла никогда не спал, это знали все служащие отеля, так что она не боялась разбудить его. На двери не было привычной таблички «Не беспокоить!», это еще больше укрепило ее решимость. Но время было все же неурочное, поэтому она, глубоко вздохнув, тихо постучала в дверь. Ей послышались шаги в номере, и она едва ли не прошептала привычное:

– Это Дороти, горничная, мистер Тесла. Время уборки.

«Я ведь пришла посоветоваться с мистером Теслой о его поручении, он не будет сердиться», – убеждала себя Дороти. Но рука ее, лежащая на дверной ручке, подрагивала. И вдруг Дороти ощутила, как дверь поддалась. Это было так необычно! Она потянула дверь на себя и заглянула в номер.

Она сразу увидела его. Мистер Тесла лежал на кровати, точно-вточь как ее дедушка, прибранный для похорон. Поэтому она сразу поняла, что случилось, и нисколько не испугалась, не закричала, только всплеснула руками и побежала к управляющему.

* * *

Да, это была горничная. Корнелл, вжавшись в стену за дверью спальни, наблюдал в щелку, как она вошла, уставилась расширяющиеся от страха глазами на покойника, всплеснула руками, выронив швабру, и опрометью бросилась вон. Клуша! Сейчас поднимет тарарам! Надо ему убираться отсюда по-быстрому. Выходя, Корнелл ухватил краем глаза сейф, он был заперт. «Хорошо, – подумал он, – теперь его содержимое от нас никуда не денется. Изымем на вполне законных основаниях. Если, конечно, будет, что изымать».

Он автоматически защелкнул за собой замок двери, сказалась привычка оставлять все за собой в первозданном виде. Корнелл мигновал лифтовый холл и свернулся на лестницу для постояльцев. Внизу он напустил на себя беспечный вид и неспешно направился к входной двери отеля. Дежурный портъе за стойкой раскладывал утренние газеты. Он даже не поднял головы.

* * *

– У нас проблема, сэр, – Уоксворт стоял навытяжку, – Никола Тесла мертв.

– Как неаккуратно! – поморщился Гувер.

– Вы меня не поняли, сэр.

– Я вас прекрасно понял. Я не хочу ничего понимать.

Начальство имеет право на противоречивые заявления.

– Все чисто, сэр. Хотя имеются странные обстоятельства.

Уоксворт дословно изложил сбивчивый телефонный рассказ агента Корнелла о том, в каком виде тот обнаружил труп Теслы.

– Мистика, – согласился Гувер, – ненавижу мистику! С Теслой все время так! Он сам был одной большой проблемой. Теперь ее нет. Что с документами?

– Агенту Корнеллу не удалось добить их. Вошла горничная и подняла тревогу. Но агент Корнелл сумел незаметно покинуть помещение, – сказал Уоксворт, предупреждая вопрос Гувера.

— Интуиция подсказывает мне, что сейф пуст. Как это проверить? Не вижу никаких юридических зацепок, ведь Тесла — американский подданный, — Соображения национальной безопасности...

— Любой судья скажет, что это личные бумаги, пока не доказано обратное. А у нас нет Доказательств. Ну, ничего, что-нибудь придумаем. Кому поручите проведение расследования? Ведь это ваш сектор.

— Полагаю, агенту Корнеллу. Он знаком с обстоятельствами дела.

— И, что важно, никак в нем не замешан. Не так ли?

Гувер протянул руку открытой ладонью вверх. Уоксворт вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол.

* * *

Управляющий отелем «Нью-Йоркер» мистер Бузник шел по коридору к номеру Теслы.

— Вы правильно сделали, Дороти, что не стали поднимать шум и сразу обратились ко мне.

Бузник постучался на всякий случай, немного подождал, потом осторожно повернулся дверную ручку и потянул дверь на себя. Дверь не поддалась.

— Вы уверены, Дороти, что вам все это не привиделось?

— Уверена, сэр, — ответила Дороти неуверенным голосом.

Управляющий в раздумье опустил глаза вниз. Ведро, корзина с моющими средствами и тряпками...

— А где швабра, Дороти?

— Наверно, там, — Дороти ткнула пальцем в дверь.

Бузник достал универсальный ключ и отомкнул замок. Потом приложил палец к губам и осторожно заглянул внутрь. Вот и швабра, на полу, вот и постоялец, на кровати. Похоже, действительно мертвый. Бузник прошел в спальню, дотронулся до сложенных на груди рук Теслы — холодные как лед. Он зябко передернулся. Потом дотронулся рукой до батареи отопления. Тоже холодная. Кран батареи перекрыт. Хм. Одеяние Теслы управляющего нисколько не удивило. За многие годы он привык к причудам постояльца.

* * *

Звонок управляющего застал Савву Косановича в дверях. Он на мереился отправиться на рождественское богослужение в сербский православный храм, но теперь, конечно, все пришлось отменить. «А ведь позавчера был так бодр! — подумал Косанович. — Кто бы мог предположить...» Он сложил руки, прочитал молитву, перекрестился и обратился к земным делам. Собственно, обряд похорон был продуман и расписан уже давно. Косанович рассматривал его как событие

Генрих Эрлих

всемирного масштаба, долженствующее послужить славе Югославии. Обширные некрологи вместе с интервью самого Косановича лежали в редакциях всех крупных газет, текст официального извещения – в пресс-службе посольства, макет приглашения на похороны – в типографии. Недоставало лишь даты.

Так что мысли Косановича устремились к единственному незавершенному делу – к шкатулке в сейфе. «Хорошо бы иметь надежных свидетелей, на всякий случай», – подумал он. Перебрал в памяти близких знакомых дяди. Их у «одинокого, всеми забытого старика» оказалось очень много, из них Косанович выбрал тех, кто был близок к нему самому и кто в наилучшей степени подходил для деликатного дела. Таковых нашлось шесть. Трое после короткого телефонного разговора выразили готовность немедленно прибыть в отель «Нью-Йоркер».

* * *

Управляющий отелем уже проклинал себя за идею первым делом известить прямого наследника, оказавшуюся на поверку такой неудачной. Но ведь именно этот благообразный господин платил за проживание капризного старика, кроме того, управляющий надеялся сделать все по-тихому, не беспокоя других постояльцев, которые всегда болезненно реагируют на случающуюся в соседнем номере смерть, а еще более на связанное с этим нашествие журналистов и полиции. До них дело еще не дошло, а суета в холле отеля и появление посторонних лиц уже бросались в глаза.

Управляющий встречал прибывавших один за другим гостей и провожал их в свой кабинет. Первым прибыл сам господин Косанович с непременным секретарем, за ним Джордж Кларк – директор музея и лаборатории Американской радиокорпорации, на их непроницаемых лицах если и можно было что прочитать, то лишь то, что это люди солидные и знающие себе цену. А вот появление Кеннета Суизи вызвало переполох. Все постоянные жители отеля хорошо знали его как частого гостя Теслы. Его круглолицая, в смешных очках физиономия всегда излучала какой-то мальчишечий восторг и любопытство ко всему на свете: С ним преображался даже сам Никола Тесла. Они часто ужинали вместе в ресторане отеля, громко обсуждая научно-популярные статьи Суизи, а потом старый ученый провожал своего друга, как он его называл, человека, моложе его на пятьдесят лет, к метро. И вот жизнерадостный оптимист вдруг вваливается в холл отеля, заливаясь слезами и шмыгая покрасневшим носом.

Прибывший следом Хьюго Гернсбек был более сдержан в проявлении чувств, но тоже выглядел потрясенным. Как когда-то юный Тесла был очарован изображением Ниагарского водопада, так и Гернсбек

Загадка Николы Тесла

в десятилетнем возрасте был заворожен фотографией самого Теслы. пропускающего через свое тело ток напряжением в сотни тысяч вольт. Под влиянием этого, окончив школу, он стал изучать электронику, но после переезда в Америку в девятнадцатилетнем возрасте отдался научной журналистике. Пять лет он охотился за Теслой, публиковал посвященные ему статьи, но личное знакомство состоялось лишь в 1908 году. С тех пор восхищение сменилось обожествлением. Тесла был замкнутым и скрытым человеком, свои изобретения он преподносил в готовом виде и когда говорил о «планах», то это означало лишь то, что решение уже найдено. Гернсбек был одним из немногих, с кем Тесла делился своими идеями, еще туманными и далекими от завершения, и кому позволял озвучивать их перед широкой публикой. С годами Гернсбек стал одним из самых популярных писателей Америки, а многие футурологи считали его ни много ни мало отцом-основателем научной фантастики. И вот он лишился своего бога.

Наконец, все были в сборе. «Хорошо бы иметь надежных свидетелей, на всякий случай», – подумал мистер Бузник и вызвал гостиничного слесаря и помощника бухгалтера. Многочисленная процесия двинулась к номеру Теслы. Удивление, скорбь, очередная волна взаимных соболезнований. Гернсбек, мастер на все руки, принялся за изготовление посмертной маски, извлекая из сумки предсмотрительно захваченные ингредиенты. Все стояли вокруг, наблюдая за незнакомой процедурой, но потом Косанович спохватился и предложил пройти в гостиную, к сейфу.

Он вынул ключ из кармана, открыл замок, широко распахнул дверцу. Открылось пустое пространство, лишь на средней полке лежали две фотографии. Все с удивлением заглядывали внутрь, недоуменно пожимали плечами, отходили в сторону. Косанович, наконец, пришел в себя, протянул руки к сейфу, взял в каждую по фотографии, принялся их рассматривать.

Собственно, первая удостоилась лишь одного взгляда и одной неудуменной мысли: «Зачем дядя положил ее в сейф? Не лень ведь было вынимать из рамки!» Зато вторая... Красивая, довольно молодая женщина сидит в кресле с высокой спинкой. Справа от нее, положив руку на спинку кресла, стоит стройный горбоносый юноша с чрезвычайно умным лицом. Слева, возвышаясь каланчой, стоит Никола Тесла, его всегда плотно сжатые губы раздвинуты в мягкой улыбке, его глубоко посаженные глаза распахнуты и светятся добром, и вообще он весь какой-то... благостный. Или это обманчивое впечатление из-за того, что он, как и женщина с юношей, одет в длинный, до пят, белый балахон, похожий на ночную рубашку?

– Семейная фотография? – тихо спросил Суизи, заглядывая через плечо. – Странно, фотография недавняя, мистер Тесла на ней уже

Генрих Эрлих

очень стар, но я что-то не припомню, чтобы он рассказывал о приезде своих родственниц. А по возрасту – внучатая племянница.

Нет, это не внучатая племянница, хотя есть среди них и очень похожие. Но еще больше эта женщина похожа на ту, что изображена на старинном даггеротипе, хранящемся в их семейном архиве. Дука Тесла, урожденная Мандич, в пышном платье, с наброшенным на плечи меховым палантином, с наколкой из черных кружев в волосах, сидит в кресле, рядом, положив руку на спинку кресла, стоит Данэ Тесла, долговязый юноша с открытым и умным лицом, в какой-то форменной, возможно, гимназической тужурке. Мать и старший брат Николы Теслы, двое самых любимых, если не единственно любимых людей в его долгой жизни.

– Это моя племянница Марика с сыном, – сказал Косанович, демонстрируя, что долгие годы дипломатической карьеры не пропали даром, – они приезжали ко мне.

– И одеяния такие интересные! – воскликнул Сузи.

– Это наше национальное, – ответил Косанович, не отрывая взгляда от фотографии и мучительно размышляя, – у нас так одеваются на Иванов день, на ночь, у нас народный праздник.

– Хорошая фотография, – сказал подошедший Гернсбек, – я Николу Теслу видел таким всего несколько раз в жизни. Когда он начинал рассказывать о других мирах, о путешествиях во времени, о высших сферах бытия, о тонких колебаниях эфира и материализации посредством резонанса, то он часто увлекался и, казалось, уносился мыслями в эти другие миры, но иногда он вдруг останавливался, глаза его распахивались и излучали какой-то неземной свет, а на лице появлялась улыбка, вот именно такая. Верно схвачено! Вот что значит действительность! Не то, что это, – он показал рукой на вторую фотографию, – хотя получилось хорошо.

– Ваша работа? – спросил Косанович.

– Нет, это было задолго до меня. Её, если не ошибаюсь, парни Комми Мартина сварганили. Я вообще не люблю монтажи. Но именно эту, не задумываясь, повесил бы на стену. В память о Николе Тесле.

– Примите на память, вы мне очень помогли сегодня, спасибо, – Косанович протянул фотографию Гернсбеку.

– Очень признателен, – ответил тот, с поклоном принимая фотографию. – О, чуть надорвана!

– Наверно, дядя надорвал, когда вынимал из рамки. – Тем ценнее она становится!

– Да-да, конечно, – пробормотал Косанович, вновь погружаясь в раздумья.

– Все же странное одеяние для групповой фотографии, – не унимался Сузи.

– Дядя был человеком со странностями, вы же знаете, – отмахнулся Косанович.

– Это нам, простым людям, многое в нем представлялось странным. Его образ жизни, его идеи... А он просто был великий фантазер!

– Это недалекие люди называли его фантазером, – сказал Гернсбек, – я не встречал человека, обладавшего столь же конкретным, ориентированным на практический результат мышлением. Но человечество не способно пока воспринять многие его идеи. Мы не можем знать наверняка, но может пройти много времени, прежде чем критики по-новому взглянут на историю, и тогда они сравнят Николу Теслу с Леонардо да Винчи, Архимедом, Галилеем. Да, он был именно что великим фантазером, придумщиком, и все его так называемые фантазии всегда сбывались. Или сбудутся. Рано или поздно.

Глава 14

Расследование

Последняя фраза была сказана уже в коридоре, когда Гернсбек с Суизи покинули номер Теслы. Мчавшийся на всех парах встречным курсом агент Корнелл фразу тем не менее уловил и вставил ее в свой рапорт, отправленный с пометкой «срочно» в washingtonскую штаб-квартиру. Прочитав ее, Гувер усмехнулся и нажал кнопку селектора.

– Вы оказались правы, мистер Гувер! – воскликнул с порога Уоксворт. – Сейф оказался пуст.

– Я всегда прав, – жестко сказал Гувер и, смягчая: – Это признают даже писатели-фантасты. О деле. У нас появился повод для вмешательства Наследником Николы Теслы является его племянник Савва Косанович...

– Официальный посол... – с сомнением в голосе вставил Уоксворт. – Дипломатический иммунитет...

– Нам нет дела до Косановича с его дипломатическим иммунитетом. Нас интересуют документы и, возможно, модели устройств. Это – собственность. Косанович в данном случае – всего лишь иностранный подданный. Все это находится в юрисдикции Управления по делам иностранной собственности. Чтобы удержать эту собственность, временно, конечно, до оценки и взимания соответствующих налогов, не требуется даже решения суда! – возбужденно воскликнул Гувер. Он нажал кнопку селектора и приказал: – Соедините меня с мистером Горзухом, директором Управления по делам иностранной собственности.

Генрих Эрлих

– Соединяю, мистер Гувер! – донесся бойкий мужской голос – Гувер не терпел секретарш.

– Привет, Уолтер, – сказал Гувер, заслышав щелчок телефонного аппарата.

– Привет, Джон, – настороженный ответ.

– У тебя все в порядке, я знаю, потому и не спрашиваю.

– На твоем канадском ранчо тоже все в порядке, – парировал Горзух.

– Умер Никола Тесла, – поспешил перейти к делу Гувер.

– Не по моей части. Американский подданный. Рад бы помочь, но...

– Наследник – Савва Косанович, подданный Югославии.

– Так-так-так, – в голосе Горзуха проснулся интерес.

– Дай команду своим парням в Нью-Йорке, чтобы срочно наложили арест на все имущество Теслы.

– У него нет имущества.

– Да у него на десятке складов стоят коробки черт знает с чем!

– А я думал, ты все знаешь.

– Не все. Но очень хочу узнать. Вопрос национальной безопасности.

– Это само собой, у тебя других не бывает.

– Меня интересуют документы.

– Мои парни все больше по материальным ценностям.

– Вот пусть ими и занимаются. А о прочем позаботятся эксперты.

Сейчас выясним, кто у нас в Нью-Йорке, и немедленно пришлем. Надеюсь, им будет с чем работать.

– Будет. Я распоряжусь.

– С тобой приятно работать. Уолтер.

– Еще приятнее – не работать. Ты попробуй, Джон, тебе понравится. По себе знаю.

Гувер только хмыкнул в ответ и положил трубку.

– Так, Уоксворт, свяжитесь с управлениями морской разведки и военной разведки, пусть пришлют экспертов. Кстати, тот паренек, Фитцпатрик, он мне показался смысленным...

– Он призван в армию и находится на базе в Лонг-Айленде, – поспешил вставить Уоксворт.

– ...и знаком с работами Теслы. Посоветуйте привлечь его. Втолкните всем, что дело чрезвычайной важности, нужны лучшие специалисты, и чтоб без ведомственных свар, общее дело делаем.

– Но Управление стратегических служб – побоку, – мечтательно протянул Уоксворт.

– Только этих болтунов не хватало!

Ох, не любил Гувер Джо Даллеса и его команду!

– Ну а мы займемся поисками шкатулки, – закончил Гувер.

* * *

Дело было простым. Так, по крайней мере, казалось агенту Корнеллу. Пятого января в шесть вечера: Никола Тесла в присутствии племянника ставит шкатулку в сейф и запирает его. Седьмого января в восемь утра: Тесла мертв, лежит весь убранный, хоть в гроб клади, а сейф заперт и пуст. Понятно, что в этот промежуток времени кто-то проник в номер, обнаружил умершего Теслу (ну совсем как он сам!), зачем-то обрядил покойника, уложил его на кровать, потом вскрыл сейф, достал шкатулку, опять запер сейф (похоже, профессионал, как и он!) и скрылся.

Расследование Корнелл начал, как учили в школе ФБР, с установления времени смерти. И не установил. Собственно, устанавливать должен был врач из службы коронера, вызванный управляющим отеля. Но он дал широкую вилку, от вечера пятого до утра седьмого января, отговорившись тем, что в номере было холодно. От вскрытия он тоже отбрыкался, говоря, что покойный, по имеющимся сведениям, ничего не ел последние дни. А что еще может дать вскрытие? И так понятно, что Тесла умер от старости и истощения. Слово в слово это повторил и адвокат, нанятый племянником покойного, который еще заявил, что родственники категорически возражают против вскрытия. На нет и суда нет.

Версию насильственной смерти Корнелл отбросил сразу – убийцы не обряжают свои жертвы. То, что Тесла сам отдал кому-то шкатулку, было столь же невероятным – в этом случае должно было быть два посетителя, один до смерти, а другой после. Два! С одним-то возникли проблемы.

Все трое портье, дежурившие в этот промежуток времени, в один голос заявляли, что никаких подозрительных лиц они не видели.

– Был, правда, один, – сказал последний. – Скатился с лестницы и шесть к дверям.

– Так, отсюда поподробнее, – напрягся Корнелл, – во сколько это случилось, во сколько вошел, как был одет, характерные приметы.

– Вот я и говорю, – словоохотливо продолжил портье, – мимо меня внутрь он не проходил, это точно, а ночью у нас дверь на запоре, никто посторонний не прошмыгнет. Так что, либо с вечера пробрался и всю ночь где-то хоронился, либо с утра через служебный вход. Прикидываю я так, а сам в спину убегавшему смотрю. И тут меня осенило: ба, да это же агент Корнелл, давно не виделись! – И расхохотался.

«Тьфу, черт, – сплюнул в сердцах Корнелл, – ну как работать с такими свидетелями?!»

Генрих Эрлих

— Да, вспомнил, — хлопнул себя по лбу портье, — еще один был.
Похоронный агент.

— Так, отсюда поподробнее, — вновь напрягся Корнелл, — когда пришел, когда вышел, как был одет, имел ли что-нибудь в руках, характерные приметы.

— Я его вначале за водопроводчика принял, у нас в районе был водопроводчик — ну просто копия, и одет так же, и руки, знаете ли, такие, в которые гаечный ключ сам ложится. А он подходит и так вежливо говорит: я к мистеру Тесле, как он? Хорошо, говорю. Повоюет еще? Ого, отвечаю, он еще всем перцу задаст. А когда он возвращался, то вновь ко мне подошел. Достает сверток из сумки и говорит: у мистера Теслы голубка любимая умерла, похоронить просил, как в прошлый раз. Разворачивает сверток, а там действительно — голубка. Красивая такая, белая, с серыми крапинками на крыльях. Чудак был этот мистер Тесла! Надо же, голубке — и похоронного агента!

— Как он выглядел?

— Да обычно. Старый!

— А приходил до племянника мистера Теслы или после?

— Да, — уверенно ответил портье, — они с ним чуть-чуть разминулись, один вверх, другой вниз. Да вы у товарища своего уточните, у того, который племянника пасет. Хотя мог и не заметить. Куда ему до вас, агент Корнелл!

Корнелл предпочел не заметить легкий хохоток, сопровождавший последнюю фразу, и удвоил рвение. По второму разу допросил журных портье, управляющего, телефонисток, продавщицу табачного киоска и некоторых постояльцев, все сопоставил, проанализировал, свел воедино и установил, что последним человеком, навещавшим Теслу, был посыльный из Вестерн-Юнион. Он несколько раз появлялся в холле отеля, тут показания различались, но последний раз точно после отъезда Косановича. Продавщица табачного киоска показала, что посыльный, очень довольный, купил у нее пачку «Лаки-Страйк», сказал, что может себя побаловать, потому что мистер Тесла дал ему щедрые чаевые. Она уже собиралась закрываться, то есть было около шести.

Корнелл провел допрос Карригена по всем правилам, искусно усыпал бдительность свидетеля ничего не значащими вопросами, а потом огоршил:

— Что поручил вам мистер Тесла?

— Он вручил мне шкатулку...

* * *

– Мистер Джермен!

Глава нью-йоркского отделения Управления по делам иностранной собственности Ирвинг Джермен напрягся, услышав голос непосредственного и одновременно высшего начальства, и бодро ответил:

– Да, сэр!

– Скончался Никола Тесла.

– Это кто такой? – Джермен отбросил показное чинопочитание, в конце концов, он был женат на любимой племяннице Уолтера Горзуха и мог позволить себе некоторые вольности.

– Стыдно, молодой человек! Никола Тесла – великий изобретатель, гордость Соединенных Штатов Америки.

– А что он изобрел?

– Ох-ох-ох, куда катится Америка? Никола Тесла изобрел переменный электрический ток.

– Насколько я помню, я покинул материнскую утробу при ярком электрическом освещении, даже излишне ярком, как мне тогда показалось.

– Все шутите! Но случилось это действительно до твоего рождения, задолго до.

– Сколько лет было этому Мифосаулу?

– Мафусаилу, с твоего позволения. Почти столько же, под девяносто.

– Не приведи господи!

– А еще, по слухам, он изобрел «лучи смерти».

– Это когда же? На днях?

– Будь серьезнее! Изобрел или не изобрел, никто точно не знает, но все сходятся во мнении, что вполне мог изобрести. Он был, как я уже говорил, великий изобретатель, настоящий изобретатель.

– То есть сумасшедший?

– Не без этого.

– Час от часу не легче.

– Тебе не придется иметь с ним дела.

– Это утешает.

– Будь серьезнее! – в очередной раз призвал Горзух. – Необходимо срочно наложить арест на все имущество Николы Теслы.

– Незаконное изъятие собственности. Дело «Майкл Голдштейн против Соединенных Штатов», – блеснул эрудицией Джермен.

– Все чисто. У него наследники – в Европе. Начни со склада на Манхэттене, угол Пятьдесят второй улицы и Седьмой авеню. Туда Тесла переправил все имущество из своего последнего офиса. На него, то есть на имущество, уже покушались владельцы склада, Тесла не платил за хранение. У него была такая привычка – не платить.

– Очень милая привычка!

Генрих Эрлих

— Да, поэтому после склада проверь все отели, где он когда-либо жил, вполне возможно, что там на складах или в залоге тоже имеются документы.

— Так что нас интересует: имущество или документы?

— Документы, документы. Чертежи, расчеты, описания экспериментов — все!

— То есть изымаю всю эту макулатуру?

— Всю не надо. Оставь что-нибудь наследникам на память. К тебе в помощь прибудут эксперты. Твое дело — обеспечить контроль над имуществом и отгонять адвокатов наследников, если они появятся. Все! Приступай! Эксперты прибудут на манхэттенский склад. Будет очень некрасиво, если они прибудут туда раньше тебя.

«Почему я, будущее светило американской юриспруденции, должен заниматься такой ерундой, да еще за нищенское жалованье государственного служащего? — думал Джермен, направляясь на пересечение Пятьдесят второй улицы и Седьмой авеню. — Ведь я мог бы вести дела крупнейших американских компаний с исками в десятки миллионов, получать сотню баксов в час гонорара, не считая процента от выигранных сумм, не сходить с первых полос газет и, — он тяжело вздохнул, — вести жизнь холостого плейбоя.

А вместо этого, — продолжал он через какое-то время, — я должен пересчитывать на пыльном складе, — он сверился с описью, — двенадцать запертых металлических ящиков, пять бочонков, восемь сундуков, тридцать пять металлических коробок и одну украденную шкатулку. Что за черт!»

— Эй, мистер О'Салливан, — обратился он к стоявшему рядом сторожу склада, — где шкатулка?

— Да вот же она, сэр. Стальная шкатулка, просто в пыли. Ведь к этим, вещам, почитай, десять лет никто не притрагивался.

— Фьють! — присвистнул Джермен. — За десять лет много воды утекло.

«Особенно в технике, — прибавил он про себя. — Все, изобретенное десять лет назад, сегодня — безнадежное старье!»

Вид и чины прибывавших один за другим экспертов несколько поколебали его пренебрежительное отношение. Полковник Ральф Гетти из военного разведывательного управления приехал на джипе со стениографистом и фотографом. Морская разведка делегировала почему-то гражданского агента Уиллиса Джорджа в сопровождении сержанта. Надутый профессор Джон Трамп компенсировал несолидное такси долгим перечнем своих регалий: директор и основатель Лаборатории по исследованию высокого напряжения Массачусетского технологического института секретарь комитета по исследованию сверхвысоких частот в национальном совете по военным исследованиям Управле-

ния научных исследований и разработок, и прочая, и прочая. Мистер Ритчен из департамента юстиции отрекомендовался представителем антимонопольного управления, но при этом подмигнул. Но больше всех поразил Джермена молодой, моложе его самого, парень в форме с капральскими нашивками, представившийся Блойсом Фитцпатриком – «армия США!». В нем Джермен почувствовал родственную душу. И эта душа трепетала от вожделения и предвкушения.

Впрочем, все быстро вернулось на круги своя. Вскрыли первый ящик.

– Корм для птиц! – возвестил профессор Трамп.

– Старик любил это дело – кормить голубей, – прокомментировал Фитцпатрик.

Вскрыли второй ящик.

– Корм для птиц! – вновь возвестил профессор Трамп.

– Старик любил порядок. Голуби, порядок, гигиена – три главных бзики, – вновь прокомментировал Фитцпатрик.

– Каждому гению позволительно иметь бзики, – заметил полковник Гетти.

Джермен не заметил уважительных интонаций Фитцпатрика, пропустил слово «гению» в высказывании Гетти. Он лишь утвердился в первоначальном мнении, что этот Тесла был выжившим из ума стариком. «Возможно, он помешался, потому что слишком долго кормил голубей», – подумал он и отошел в сторону, чтобы не дышать мелкой пылью, поднявшейся над открытыми ящиками. Вскоре к нему присоединились остальные, за исключением Трампа и Фитцпатрика. Собственно, только эти двое и могли реально оценить содержимое документов. «Если они будут», – подумал Джермен.

Добрались и до бумаг. Трамп и Фитцпатрик быстро просматривали их, какие-то складывали в общую стопку, постепенно высившуюся между ними, какие-то небрежно возвращали на место.

– Вы только посмотрите на это, коллега, это же полный бред, – доносились до Джермена.

– Это что! Вы вот на это гляньте, профессор!

– А-а, это черновик патента, полученного, если не ошибаюсь, в 1921 году.

– И это что – работает?

– В ЕГО руках – да.

– Обалдеть!

Так переговариваясь, Трамп с Фитцпатриком украдкой бросали друг на друга быстрые взгляды. Вот Трамп, улучив момент, сунул в карман пиджака несколько скрепленных листов бумаги, вероятно, с неопубликованной статьей. Вскоре Фитцпатрик, напустив пренебрежительный вид, сложил вчетверо какую-то схему и опустил в карман ки-

Генрих Эрлих

теля. Всего этого Джермен не видел. Он откровенно скучал. Наконец он повернулся к полковнику Гетти.

— Полковник! Я обеспечил вам плацдарм для боевых действий. Полагаю свое дальнейшее пребывание здесь излишним. Намереваюсь отправиться в отель «Нью-Йоркер», где последние годы жил ответчик.

— Вольно, рядовой Джермен, — в тон ему ответил Гетти, — мы при соединимся к вам, если быстро управимся здесь.

— Настоятельно рекомендую посетить отель «Губернатор Клинтон», — раздался скрипучий голос Трампа, — по слухам, в сейфе отеля хранится действующее устройство для генерирования лучей смерти.

— Классная шутка, — рассмеялся Джермен.

Его смех никто не поддержал. «Вояки! Никакого чувства юмора!» — подумал Джермен и покинул Помещение склада.

* * *

Агент Корнелл всегда был рад откликнуться на добрую шутку и поделиться услышанной шуткой с другом.

— Ирвинг! Какими судьбами? — приветствовал он Джермена, вошедшего в кабинет управляющего отеля «Нью-Йоркер».

— Похоже, мы опять работаем по одному делу, агент Корнелл, — ответил Джермен, — привет, старина, рад тебя видеть.

— Ты только послушай, что он рассказывает, — сказал Корнелл, заливаясь смехом, и продолжил, повернувшись к сидевшему на стуле посреди кабинета немолодому человеку в форме «Вестерн Юнион»: — Давайте, Карриган, повторите свои показания. Мистер Джермен — свой человек, он никому этого не расскажет, — и Корнелл вновь зашелся в смехе.

— Мистер Тесла позвонил к нам в офис пятого января около полу дня, время можно уточнить у менеджера, и вызвал посыльного, то есть конкретно меня, как всегда, — понуро начал свой рассказ Карриган, — я думал, что мистер Тесла хочет поручить мне покормить голубей у здания Публичной библиотеки, я не раз оказывал ему эту услугу. Он очень любил голубей! Но на этот раз у него было другое поручение. Он дал мне шкатулку, письмо и деньги, сто долларов, двадцатки, десятки, пятерки. И попросил отнести все это по адресу, указанному на конверте.

— Ну же, что было написано на конверте? — Корнелл аж подпрыгивал от нетерпения.

— Пятая Южная авеню...

— Пятой Южной авеню нет уже лет двадцать, Ирвинг! Но это цветочки! — Корнелл обернулся к Карригану и вкрадчиво спросил: — И кого же просил найти мистер Тесла на Пятой Южной авеню?

– Марка Твена, сэр, – выдавил Карриган.

Джермен был достаточно подготовлен к сюрпризу, но такого не ожидал. Он схватился руками за живот, содрогаясь от смеха, потом пробежался по кабинету, поочередно вскидывая согнутые в локтях руки со сжатыми кулаками, потом нашел другое применение кулакам и побарабанил ими в стену и заключил пантомиму медленным сползанием по той же стене.

– Есть! – поддержал его агент Корнелл, сопроводив возглас энергичным жестом.

– Я уже понял, что этот Тесла был сумасшедшим, – сказал Джермен, утирая выступившие от смеха слезы, – но оказывается, он был сумасшедшим, впавшим в маразм. Обхохочешься!

– Круглый сумасшедший! – подхватил Корнелл.

– Нет, сумасшедший в квадрате!

– Мистер Тесла не был сумасшедшим, – с обидой в голосе прошептал Карриган, – он был умнее всех нас.

– Что вы сказали? – немедленно отреагировал Корнелл. – Нет, Ирвинг, ты слышал, что он сказал?! Мало того, что сравнил нас с сумасшедшим стариком, так еще поставил себя на одну доску с нами.

А мы сейчас посмотрим! Что вы сделали, Карриган, получив такое поручение?

– Я отправился на Западный Бродвей... – ответил Кэрриган, склонив голову.

– Ну же, дальше, – подтолкнул его Корнелл.

– Исследовать мистера Марка Твена, – тихо закончил Карриган.

Эти слова вызвали новый взрыв хохота.

– И после этого он смеет говорить, что он такой же нормальный, как и мы, – воскликнул Корнелл, всхлипывая, – нет, он такой же сумасшедший, как и его мистер Тесла.

– А может быть, он не знал, что Марк Твен давно умер, – сказал сквозь смех Джермен и тут же уточнил: – Карриган, вы знали, что Марк Твен давно умер?

– Знал, – ответил посыльный.

– И все же пошли?!

– Пошел.

– И искали? Людей опрашивали? Дома обходили?

– Искал, два часа искал.

– Но зачем?!

– Так сказал мистер Тесла, – твердо ответил Карриган, – мистер Тесла никогда не ошибался. И он сказал, что беседовал с Марком Твеном за два дня до этого.

Генрих Эрлих

— Таинственный посетитель у мистера Теслы! — встрепенулся Корнелл. — Что вам известно? Поподробнее! Когда пришел? Когда ушел? Характерные приметы?

— Сто лет, скелет скрипучий, оскал черепа широкий, — поддержал игру Джермен.

— Нет, он молодой, высокий и мосластый, с растрепанной шевелюрой и пышными усами, — сказал Карриган.

— Так вы нашли Марка Твена? — еще пуще развеселился Джермен. — Где? В рамке на стене?

— Я не нашел мистера Марка Твена на Западном Бродвее, — сказал Карриган.

— Чистосердчное признание облегчает душу и участъ! — возвестил Корнелл.

— И что вы сделали, Карриган? — спросил Джермен. — Наверно, не желая расстраивать любимого клиента, сказали, что передали посылку по назначению, а денежки прикарманили. Признайтесь! Денежки останутся при вас, они нас не интересуют, не так ли, агент Корнелл?

— Так, так, — ответил Корнелл.

Эти мальчишки посмели усомниться в его честности и профессионализме! Никто и никогда не наносил Карригану такого оскорбления.

— Нет, я вернулся к мистеру Тесле и вернул ему шкатулку, письмо и деньги, все до цента, — сказал он.

— И это все? Мистер Тесла больше не давал вам никаких поручений? — вкрадчиво спросил Корнелл.

«Он наверняка знает, что в тот день я был в номере мистера Теслы трижды, — подумал Карриган. — Сказать, что я вновь отправился на поиски, на этот раз Сэмюэля Клеменса? Опять ведь засмеют. Им лишь бы погоготать».

— Давал, — сказал он. — Мистер Тесла попросил меня покормить голубей у Публичной библиотеки, как обычно. Он дал мне пакетик с кормом, у него в номере есть целая большая коробка с этим кормом...

— Ох уж эти коробки с кормом! — рассмеялся Джермен. — Везде эти коробки!

— Я отправился к Публичной библиотеке, — продолжил Карриган, скважив кулаки, — покормил голубей и вернулся к мистеру Тесле доложить, что его поручение исполнено в точности. Он дал мне чаевые, щедрые чаевые...

— А за проживание в отеле при этом не платил, — вставил Джермен, — удивительный был тип!

— Удивительный, — согласно кивнул головой Карриган, — и щедрый. Мистер Тесла был щедр к нам, простым, работающим людям, и терпеть не мог бездельников. Я поблагодарил его и спустился вниз в холл отеля, поболтал с Лайзой, она хорошая девушка, купил у нее

пачку «Лаки-Страйк», подождал ее немного – она закрывала киоск, потом проводил ее к метро. Это по дороге к офису «Вестерн Юнион», – уточнил он, чтобы насмешники не подумали, что он попусту транжирит рабочее время. «Все так, все совпадает», – подумал агент Корнелл. Последние детали лишний раз уверили его в правдивости всего рассказа. И он отпустил Карригана.

* * *

Смех смехом, а дело нисколько не продвинулось. Необходимо было допросить племянника покойного, но тот устами одной из своих секретарш, мисс Шарлотты Музар, упорно отказывался, ссылаясь на дипломатический иммунитет и заботы по организации похорон. При этом у Косановича нашлось время нанять Филипа Виттенберга из адвокатской конторы «Виттенберг, Кэррингтон и Фарнсворт», чтобы тот представлял его интересы в этом деле. Адвокат, как водится, немедленно принял вставлять всем палки в колеса, в первую очередь Ирвингу Джермену, но перед аргументами Корнелла не устоял и уговорил своего клиента дать «интервью» агенту ФБР в номере его отеля на Централ-парк-саут. Назначено оно было на утро следующего дня. Чтобы как-то заполнить время, Корнелл решил допросить горничную, убиравшую номер Теслы в злополучный день пятого января.

«Опять эта клуша, – подумал Корнелл, окидывая взглядом вошедшую в кабинет Дороти, – ишь как мнет руками передник. Не привыкла, чай, держать ответ перед агентом ФБР. А вот мы сейчас тебя!..»

Он решил применить еще один прием допроса из обширного арсенала, преподанного ему в школе ФБР. Сверившись со справкой, представленной управляющим отеля, он начал задушевным голосом:

– Что ж, Дороти, позвольте мне вас так называть по добруму моему к вам отношению, я вижу, что вы хорошая, честная, работающая девушка, итак, Дороти, нам все известно, так что вы своим рассказом не причините никому никакого вреда, а поможете многим, всему американскому народу. Кому просил вас покойный мистер Тесла передать шкатулку? – внезапно огоршил он «клушу» вопросом, собственно, в этом и состоял прием.

– Покойный мистер Тесла ни о чем меня не просил, – ответила Дороти, – как он мог попросить?

– Кому просил вас мистер Тесла передать шкатулку позавчера, пятого января? – переформулировал вопрос Корнелл.

– Никому, – ответила Дороти и впервые подняла глаза, излучавшие полнейшее чистосердечие.

– Вы понимаете, Дороти, о чем я спрашиваю?

– Я коренная американка, мистер, если именно это вас интересует, и понимаю американский язык.

Генрих Эрлих

– Ни секунды в этом не сомневался! И имел в виду, понимаете ли вы, о какой шкатулке идет речь?

– О какой?

– Давайте зайдем с другой стороны. Вы убирались в номере мистера Теслы в то утро. Видели ли вы какую-нибудь шкатулку?

– Да, видела.

– Какую?

– Ну, вот такую, – Дороти показала руками размеры шкатулки, – деревянную, красного дерева, с врезным замочком.

– Очень хорошо, именно о ней я и говорю. Видите, нам все известно! Держали ли вы ее в руках? Возможно, вы при уборке представляли ее с места на место.

– Да, держала, – коротко ответила Дороти.

– А не проявлял ли мистер Тесла беспокойства, когда вы взяли шкатулку в руки?

– Нет, нисколько. Но он сказал, что я должна бережно относиться к ней.

– А что еще сказал мистер Тесла?

– О, он в то утро много говорил, необычно много. Мне показалось, что ему просто захотелось поболтать. Он ведь все время один. Ни жены, ни семьи. Вот он и принялся расспрашивать меня о моей семье, о муже, о детях, почему я работаю, верую ли в бога, в общем, обо всем.

– А о шкатулке он что-нибудь говорил?

– Нет, он же меня расспрашивал о моей семье. Ах да, он сказал, что в дом, в котором находится такая шкатулка, никогда не попадет молния.

– Это был громоотвод? – И, уловив непонимание: – В шкатулке был какой-нибудь прибор?

– Откуда же мне знать?

– Ну, по весу. Приборы – они обычно из металла, тяжелые.

– Нет, вряд ли. Я так поняла, что там бумаги. То есть шкатулка была тяжелой, но не очень.

– Хотите что-нибудь ещё рассказать. Дороти?

– Не хочу.

– Ну ладно, идите.

«Как хорошо получилось, – думала Дороти, идя по коридору, – и поручение мистера Теслы выполнила, и шкатулку сохранила, и ни разу не сказала неправды». Да, она была хорошей и честной женщиной, в чем в чем, а в этом агент Корнелл не ошибся. «И теперь в наш дом никогда не попадет молния!» Женщина! Что тут еще сказать?

* * *

Ирвинг Джермен тоже трудился не покладая рук. Он впервые сталкивался с ситуацией, чтобы человек возраста и положения Теслы имел так мало имущества (бумаги, за исключением ценных, Джермен к имуществу не относил) и при этом так щедро им разбрасывался. В каждом отеле, где проживал Тесла, непременно на складе хранились оставленные им шкатулки, коробки, ящики, сундуки и бочонки. В «Нью-Йоркере», «Губернаторе Клинтоне», «Пенсильвании», «Сент-Регисе», «Герлахе» и даже в «Уолдорф-Астории», из которой Тесла съехал (вышибли, не преминул мстительно подчеркнуть Джермен) четверть века назад. Казалось бы, зачем владельцам этот старый, никому не нужный хлам? Ах нет, хранили и выдавали только по ордеру, с детальной описью и под расписку. Особенно тяжело пришлось в «Губернаторе Клинтоне». Управляющий ни за что не хотел отдавать некую шкатулку, которую Тесла лично положил в большой сейф, стоявший в подвале отеля.

— Это залог! — кричал он. — Мистер Тесла, выезжая, остался должен за проживание четыре тысячи долларов. И он оставил это в качестве залога. Мистер Тесла сказал, что это стоит не меньше десяти тысяч долларов!

— Что — это?

— Это все знают! Прибор, производящий лучи смерти! Мистер Тесла сказал, что с его помощью можно сбивать самолеты и разрушать укрепления на расстоянии до двухсот миль. А еще он сказал, что если посторонний человек попробует открыть шкатулку, то разнесет в пыль не только этого человека, не только наш отель, но и половину Нью-Йорка.

«Никогда не надо перебарщивать, — подумал Джермен, — с половиной Нью-Йорка вышел явный перебор, значит, и все остальное — блеф».

— И вообще, я не понимаю, что вы здесь делаете, — продолжал разоряться управляющий, — это — имущество не мистера Теслы, это — наше имущество. Не отдам! Только через мой труп по решению суда!

Пришлось призывать на помощь полковника Гетти со всей его военно-разведывательной командой.

— Мы одним глазком глянем и — немедленно вернем, — задушевно сказал полковник Гетти.

Управляющий согласился выдать шкатулку, но — вместе с сейфом и при условии, что смотреть будут на другом конце Нью-Йорка. Так далеко сейф, конечно, не повезли, его из подвала-то еле выволокли, так что отвезли на манхэттенский склад. Туда же доставили имущество Теслы из других отелей.

На следующее утро контора управляющего манхэттенским складом не смогла вместить всех желающих поприсутствовать при вскры-

Генрих Эрлих

тии и экспертизе архивов Николы Теслы. Прибыли из Вашингтона главный инспектор Чарльз Хедетнеми и начальник розыскной службы Джон Ньютон из Управления по делам иностранной собственности, служба морской разведки укрепила ряды старшими делопроизводителями Джоном Корбеттом и Эдвардом Палмером, департамент юстиции прислал в помошь Ритчену главу особого подразделения военной полиции Лоуренса Смита, полковник Гетти прихватил с собой двух подполковников и трех майоров, фамилии которых Джермен уже не смог запомнить, у него и так голова шла кругом. Отдельной группой стояли представители наследника – Филип Виттенберг со своими компаниями Кэррингтоном и Фарнсвортом, с двумя секретаршами, державшими наготове блокноты для стенографирования, и фотографом, увешанным фотоаппаратами. Впрочем, внутрь склада попали далеко не все, а из своры адвокатов – так и вовсе никто.

Застрельщиками, как и вчера, выступали Трамп и Фитцпатрик. Они методично осматривали реликвии, добытые Джерменом.

– А это откуда? – спросил Фитцпатрик, указывая на деревянный ящик почти кубической формы, размером в полметра, с круглыми ручками и тумблерами, которые придавали ему вид допотопного радио-приемника.

– Стоял в номере Теслы в «Нью-Йоркере», – ответил Джермен, – вон в той коробке – бумаги из номера, а больше там брать нечего было, одежда, обувь, ну и корм для голубей, конечно, – хохотнул он.

Фитцпатрик между тем обследовал ящик. Подцепил пальцем верхнюю крышку, она поднялась, открыв находившееся под ней прозрачное стекло, вделанное в стенки. Нажал на какую-то планку, она откинулась, выкинув наружу электрический провод с вилкой. Фитцпатрик принялся крутить ручки, одна не поддалась, тогда он потянул ее на себя и выдвинул ящичек, в котором располагались какие-то устройства, какие – Джермен не разглядел, а если бы и разглядел, то все равно ничего бы не понял. Но Фитцпатрик что-то смекнул. Он отволок ящик к стене, где находилась электрическая розетка, воткнул в нее вилку. Ящик тихо загудел, стекло озарилось ярким светом. Потом Фитцпатрик вынул из кармана какой-то исписанный листок и положил его на стекло текстом вниз. Пошарил вокруг взглядом, потом открыл первую попавшуюся коробку, вытащил лист бумаги, положил его в ящичек чистой стороной вверх. Задвинул ящичек, опустил крышку, нажал тумблер. Ящик заурчал, поурчал и стих. Фитцпатрик выдвинул ящичек, вынул лист бумаги, удовлетворенно кивнул и протянул его Джермену.

– Отличная копировальная машина, – сказал он, – я бы от такой не отказался.

Джермен посмотрел на лист бумаги. На нем четко проступал текст, написанный женским почерком и начинавшийся словами: «Кая же ты сволочь, Блойс Фитцпатрик! Гнусная ирландская сволочь!»

Джермен почувствовал, как кто-то тянет его за рукав. Он обернулся – надутый Трамп.

– Молодой человек, когда мы приступим, наконец, к делу? – Он потянул Джермена к большому сейфу из «Губернатора Клинтона». – Ну, открывайте же!

Джермен достал листок бумаги с шифром, продиктованным ему вчера управляющим отеля, покрутил ручку сейфа вправо-влево. Раздался щелчок. Он потянул дверь на себя. Внутри стояла очередная шкатулка, деревянная, цвета мореного дуба, обитая медью, с обычной защелкой вместо замка.

– Прошу, профессор, – он отодвинулся в сторону и сделал широкий приглашающий жест, – перед вами – генератор лучей смерти! – выкрикнул он с интонацией эстрадного конферансье и рассмеялся.

Никто не присоединился к его смеху. Более того, многие поспешили покинуть помещение, сославшись на духоту и изъявив желание подышать свежим воздухом. Даже неугомонный Фитцпатрик бросил небрежно: «Пойду покурю, пока суть да дело», – и исчез. Остался один лишь полковник Гетти, стоявший с непроницаемым лицом. «Вот что значит военная косточка, – подумал Джермен, – или это у него от недостатка воображения?» Свое спокойствие он приписывал исключительно собственному здравомыслию. Какие такие лучи смерти?! Сказки для идиотов, читающих желтые таблоиды! То есть лучи смерти, конечно, могут быть, ученые еще и не такое придумают, но то же настоящие ученые из крупных лабораторий, оснащенных по последнему слову техники, а не безумный старик, десять последних лет просидевший в номере отеля, кормя голубей. Опять же для производства лучей смерти, способных уничтожать самолеты и разрушать укрепления на расстоянии двухсот миль, нужна установка никак не меньше орудия главного калибра линкора «Индепенданс», а тут какая-то шкатулка! Право, смешно! Что этот профессор медлит?!

Действительно, Трамп, десятью минутами раньше сгоравший от нетерпения, теперь пребывал в какой-то странной нерешительности. Он то делал шаг к сейфу, протягивая руки к шкатулке, то вдруг опускал их и отступал назад. Вот он, наконец, повел вокруг взглядом – так осужденный на смерть, перед тем как положить голову на плаху, вбирает в себя все краски мира – глубоко вздохнул, резко выдохнул, незаметно перекрестился и – открыл шкатулку. Ничего не произошло. Трамп вновь вздохнул, на этот раз разочарованно. Джермен подошел к нему и заглянул через плечо в сейф. Внутри коробки лежали какие-то продолговатые штуковины.

Генрих Эрлих

— Что это такое? — спросил он.

— Магазин сопротивлений, — ответил Трамп, — используется для измерения параметров мостов сопротивления.

«Магазин, мосты — ну и термины у этих ученых». — подумал Джермен.

— Старинная штука, — сказал подошедший ближе полковник Гетти, — возможно, прошлого века, у моего деда была такая же, я играл ею в детстве.

— Какая жалость! — воскликнул Трамп. Джермен не был идиотом, и здравомыслия ему было не занимать. Ближе к вечеру, сопоставив факты, он разыскал по телефону агента Корнелла и попросил его привезти на склад прихватив следственные причиндалы.

— Не нравится мне это, приятель, — сказал он, подробно описав утренние события.

— Ты уверен, что шкатулку никто больше не трогал, кроме профессора Трампа? — уточнил Корнелл.

— Никто. Я все время стоял рядом, а потом лично запер сейф.

— Открывай!

Корнелл надел тонкие перчатки, аккуратно вынул шкатулку из сейфа, поставил на столик, опылил порошком для снятия отпечатков пальцев, взял большую лупу.

— Посвети! Профессор сделал так?

Корнелл поднес средние пальцы обеих рук к боковым стенкам шкатулки и сделал резкое движение большими пальцами, как бы откручивая крышку.

— Точно!

— Здесь больше нет никаких отпечатков пальцев.

— Во всех отелях, где я был, все в один голос утверждали, что этот Тесла был помешан на чистоте и не снимал перчаток.

— Он-то, может быть, и не снимал, но вот другие... Поверь, старина, никаких отпечатков, даже смазанных, не бывает только там, где их стирают специально. Так, говоришь, полковник Гетти вполне мог слышать шифр замка сейфа, который сообщил тебе управляющий отелем?

Джермен кивнул. Друзья немного помолчали.

— И зачем это полковнику Гетти? — сказал наконец Корнелл, глубокомысленно устремив взгляд в потолок.

— Конкуренция ведомств, — предложил объяснение Джермен, — решил монополизировать изобретение.

— Ты же утверждал, что там не могло быть ничего стоящего, — напомнил Корнелл.

— Это мы с тобой знаем, а полковник мог и не знать. Он к этому Тесле относился с каким-то непонятным пietетом. Что будем с этим делать?

— Ты бы лучше задал этот вопрос себе, прежде чем меня вызывать, — проворчал Корнелл. — Получил, что хотел, а теперь: что будем с этим делать?

— Полковник Гетти — наш человек, — убежденно сказал Джермен.

— Кто бы сомневался!

— А расследование наше — частное...

— Это точно, как доказательство никто не примет. — Так забыли... —
Джермен многозначительно посмотрел на Корнелла.

— О чём ты, приятель? — понимающе улыбнулся Корнелл.

И друзья дружно расхохотались.

* * *

Корнелл был по натуре оптимистом. Он раскрыл это дело! И если кто-нибудь посмеет сказать, что результата нет как нет, он парирует, что все, что в человеческих силах, он сделал.

Последние штрихи в картину внесли показания племянника покойного. Исключительно из уважения к сану посла дружественной Америке державы Корнелл не вызывал его в управление, а лично прибыл в отель, где тот проживал. Господин Косанович принял его в присутствии адвоката, Филипа Виттенберга, еще одного неожиданно появившегося родственника, тоже племянника Николы Теслы, тоже Николы — Троебовича. и еще одной пожилой дамы, которая не говорила по-английски или делала вид, что не говорит, чтобы уклониться от представления и объяснений. Господин Косанович проявил полную искренность, открытость и готовность к сотрудничеству. Он не попался в маленькую ловушку, расставленную ему Корнеллом.

— Давайте уточним, — сказал Корнелл, — согласно показаниям горничной и посыльного из «Вестерн Юнион» шкатулка была черного дерева, с отделанными медью углами...

— Они что-то путают или говорят о какой-то другой шкатулке, — спокойно прервал его Косанович, — мистер Тесла показал мне шкатулку красного дерева с отделанным медью врезным замком и именно ее поставил в сейф.

Не попался и даже нисколько не обиделся на эту маленькую ловушку.

— Было ли что-нибудь еще в сейфе? — спросил Корнелл.

— Нет. Я это запомнил точно, потому что удивился этому факту. Я полагал, что дядя хранит в этом сейфе бумаги и, возможно, деньги.

— А когда вы вскрыли сейф... — подтолкнул его Корнелл.

Генрих Эрлих

— Я испытал еще большее удивление. Шкатулки не было. Вместо нее в сейфе лежали две фотографии.

— Какие? Вы позволите мне взглянуть на них?

— К сожалению, одну из них я не могу предъявить вам, агент Корнелл. Я тогда же подарил ее на память Хьюго Гернсбеку, известному писателю, присутствовавшему при процедуре вскрытия сейфа. Впрочем, фотография эта широко известна и воспроизведена во множестве изданий. Она висела на стене в номере, в рамке.

— Да, мы обнаружили пустую рамку, — кивнул Корнелл. — Почему мистер Тесла положил фотографию в сейф?

— Не знаю и не имею на этот счет никаких предположений.

— Хорошо. А вторая фотография?

— Вот она, — Косанович протянул Корнеллу фотографию.

— Вам известны лица, изображенные вместе с мистером Теслой на этой фотографии?

— Да, конечно, — ответил Косанович, — это близкие родственники мистера Теслы.

— Это семейная фотография, — сказал второй племянник Теслы.

Дама, не говорящая по-английски, кивнула головой.

— Это частная фотография, — уточнил на всякий случай адвокат.

— У вас есть какие-нибудь предположения, кто мог похитить шкатулку?

— Похитить? Нет, — пожал плечами Косанович. Корнелл чутко уловил какую-то заминку в ответе свидетеля и немного нажал.

— Но вы ведь заметили нечто необычное, не так ли, господин Косанович?

— Вы очень проницательны, агент Корнелл. У дяди в тот день был посетитель. Я слышал два голоса, когда подошел к двери номера. Один голос — дяди, второй был мне неизвестен. Но когда я вошел в номер, там никого не было.

— Вы уверены в этом?

— Да. Я был, естественно, заинтригован таинственным посетителем и предпринял определенные действия, чтобы установить его личность. Я изыскал возможность заглянуть во все шкафы, за шторы, в ванную комнату, в спальню, кабинет. Я никого не обнаружил.

— А вы не пробовали спросить у мистера Теслы, кто был у него?

— Почему же, спросил.

— И что он ответил? — напрягся Корнелл.

— Чертям и призракам запрещено наружу выходить иной дорогой, чем внутрь вошли; закон на это строгий, — воспроизвел Косанович ответ Теслы.

— Это что — шутка? — спросил Корнелл.

— Нет, это цитата из «Фауста» Гёте, немецкого поэта конца прошлого, начала прошлого века, — уточнил Косанович, — дядя часто его цитировал, по поводу и без повода. То есть это окружающим иногда казалось, что без повода, а потом вдруг оказывалось, что очень даже по поводу. Это было как откровение или пророчество, оно всегда сбывалось.

— И что это означало?

— Я полагаю, что дядя точно указал личность посетителя.

— И-и-и, — протянул Корнелл.

— Это был дьявол, — просто ответил Косанович.

— Мы из Сербии, — сказал зачем-то второй племянник Теслы.

— Обычное дело, — пожала плечами дама, не говорившая по-английски.

— У них в Европе общение с дьяволом — обычная практика, — суммировал адвокат.

Агент Корнелл был совсем не прост, его на мякине не проведешь. Вернувшись после допроса в отель «Нью-Йоркер», он открыл опечатанный номер Теслы и еще раз все тщательно обследовал. Никаких потайных мест он не обнаружил. Даже при беглом осмотре Косанович, который несомненно хотел найти неизвестного посетителя, его бы нашел. Через дверь тот выйти не мог. Оставалось окно, всегда открытое окно в номере Теслы, собственно, на окно Тесла и указал, однозначно. Агент Корнелл обследовал окно, удалив особое внимание подоконникам, заляпанным птичьим пометом. Никаких следов он не обнаружил. Вылезти в окно и не вляпаться в это дермо способен был только дьявол. Да и то, если он не вылез, а вылетел.

Что ж, все сходилось. С утра горничная видит и даже держит в руках шкатулку. В полдень Тесла вызывает посыльного и вручает ему шкатулку для передачи Марку Твену. Не найдя Марка Твена, посыльный возвращает шкатулку Тесле. После этого Тесла посещает дьявол, его старый приятель по Европе. Хотя нельзя исключать возможность, что дьявол пришел раньше и во время повторного посещения посыльного скрылся от него в туалете. Тесла беседует с дьяволом, конец этой беседы слышит подошедший Косанович. Заслушав звук отпираемой двери, дьявол поспешно вылетает в окно. Тесла показывает племяннику шкатулку и ставит ее в сейф. Этой или следующей ночью Тесла умирает. Дьявол прилетает за его душой. В знак уважения к своему давнему клиенту он обряжает его бренное тело и укладывает на кровать. Затем, прихватив душу и шкатулку, он отправляется к себе в преисподнюю. Вполне вероятно, что в шкатулке находился контракт на куплю-продажу души, подписанный заинтересованными сторонами. Все это, включая детальное описание произведен-

ных следственных действий, агент Корнелл изложил в своем рапорте высшему начальству, который и отправил с пометкой «срочно».

Хотя и понимал, что в пометке этой не было никакой надобности, коли речь шла о вечности.

* * *

– Он все-таки провел нас! – воскликнул Гувер, читая рапорт Корнелла.

– Кто? Таинственный незнакомец? – спросил Уоксворт.

– Вот дьявол! – вновь воскликнул Гувер, отбрасывая рапорт.

– Вы всерьез принимаете эту версию, сэр? – изумился Уоксворт.

– Без дьявола здесь не обошлось, – кивнул головой Гувер, – я даже знаю, как зовут этого дьявола. Его зовут... – Он замолчал, с удовольствием наблюдая, как глаза подчиненного вылезают из орбит. – Его зовут, – медленно проговорил он и выстрелил: – Никола Тесла. Вот с кем я с удовольствием бы поговорил!

– Боюсь, что вам этого не удастся сэр...

– Как знать, как знать...

– Тело Николы Теслы вчера кремировано.

– Даже так... Весьма поспешно. Без вскрытия, освидетельствования и всего такого прочего. И концы в воду. Вернее, пепел по ветру, а шкатулка – в преисподнюю. Ну, нет! Такие шкатулки не пропадают. Вернее, не пропадают содержащиеся в них бумаги. И они не горят, потому что в них никогда не попадают молнии. Хм! Они появляются, когда приходит срок. Они появятся, дайте срок. Уоксворт, подготовьте распоряжение. Всем подразделениям и агентам ФБР. Приложите максимальные усилия для поиска местоположения документов покойного доктора Николы Теслы. Особое внимание уделите обнаружению... Дайте подробное описание шкатулки. Ввиду чрезвычайной важности этих документов просим сообщать о любых попытках других организаций и частных лиц получить их. Распоряжение не имеет срока действия. Директор Федерального бюро расследований Джей Эдгар Гувер.

Глава 15

Лавка древностей

Первое, что увидел Саров, открыв глаза, была шкатулка, шкатулка красного дерева. Она стояла на столе, матово поблескивая врезным латунным замком. Сэр Саров рывком поднялся, рванулся к шкатулке, откинулся крышу. Шкатулка была заполнена бумагами, сверху лежала

рукопись Марка Твена. «Уф, – облегченно выдохнул Серов и тут же остановился в недоумении: – Что это со мной? Чего это я так испугался? Куда могла деться шкатулка и тем более бумаги? Такие шкатулки не пропадают». От последних слов опять что-то замкнуло в голове, и Саров принял тревожное выражение лица. Он подошел к двери, прислушался. Тишина. Распахнул дверь. Никого. «Хозяйка, похоже, еще спит», – подумал он. Мысль о Фрэнсис вернула его на землю. Он встряхнулся, тихо рассмеялся сам над собой и своими непонятно откуда взявшимися страхами и отправился в душ.

Когда он после душа вышел в коридор, снизу донеслись какие-то тихие звуки, смесь шипения, звяканья и звона.

– Фрэнсис? – крикнул Саров.

– Доброе утро, Пётр, – крикнула в ответ Фрэнсис, – завтрак будет через пятнадцать минут. Если вам нужен Интернет, то у меня фай фай.

– О! Отлично!¹

– Классно у вас получилось!

– Я спущусь через пятнадцать минут.

Он с удовольствием спустился бы немедленно, но если хозяйка говорит: через пятнадцать минут, значит, так надо. Сюрприз какой-нибудь кулинарный готовит или глаза не успела подмазать, да мало ли какие причины у них, женщин, могут быть. Смирись, принимай как данность. Чем заполнить пятнадцать минут? Упоминание об Интернете пришло как нельзя кстати. Надо посмотреть погоду, ведь сегодня гнать обратно, хорошо бы не под дождем. Да и почтовый ящик надо проверить.

Два письма. Первое от Таньки.

«Peter'ka, u menya tyazhelo na dushe, takoe chuvstvo, chto mi navek rasstalis... chto mi nikogda bol'she ne uvidimsya. Ne derzhi na menya zla. Tak poluchilos... Spasibo za vcherashnii den', ti lutche vseh. Ya budu rasskazivat... Romiku, kakoi ti horoshii. Tzeluyu».

Прочитав письмо, Саров не умилился, не прослезился, не задумался и даже не потрудился ответить. А то он Таньку не знал, у нее настроение ходило по синусоиде, от -1 до +1. Сейчас у нее позитивный минус – это определение Саров придумал еще во время их совместной жизни, очень ему нравился собственный каламбур, а в нынешних обстоятельствах и состояние Танькино ему вполне нравилось, пусть пребывает в нем подольше, он не будет его сбивать всякими там письмами.

Саров открыл следующее письмо.

¹ Wow! Fine

Генрих Эрлих

«Всем, кого это касается.

С удовольствием сообщаем, что в Колорадо-Спрингс возобновил работу частный музей-лаборатория Николы Теслы. Экспозиция значительно расширена и дополнена личными вещами великого мыслителя и созданными им устройствами, относящимися ко всем периодам его жизни.

Смотритель музея-лаборатории Сэм Шитовски

Вход свободный!

Вход не для всех!»

И мелким шрифтом: схема проезда прилагается.

«Нас это немного касается», – подумал Саров и посмотрел на адрес отправителя. Teslamuseum@yahoo.com. «У них что, нет собственного сайта?» – удивился Саров и перевел взгляд на следующую строчку. Там шел перечень адресов, куда было разослано письмо. Перечень не так чтобы очень длинный, с некоторыми адресатами Саров был заочно, по переписке, знаком – серьезные исследователи наследия Теслы. Кстати, о наследии, подумал Саров и еще раз пробежал глазами перечень – адреса «Наследников Теслы» не было. Это сразу расположило Сарова к смотрителю музея. К Сэму Шитовски. Интересная фамилия, промелькнула мысль. И тут же накатили следующие: может быть съездить? Когда еще выберусь? А тут недалеко, по американским и русским понятиям. И ведь давно хотел съездить. Понятно, что за век с лишним все изменилось до неузнаваемости, но ведь горы-то остались. И вообще, всегда полезно побывать на месте событий, пусть и очень старых. Как-то сразу по-другому начинаешь воспринимать эти события. Я сам себя убеждаю, усмехнулся Саров, зачем? И в чем? Нет чтобы просто написать письмо. А как ответит, именно что не когда или если, а как ответит, так и тогда решать будем. Так думал Саров, а пальцы сами печатали текст письма.

«Дорогой мистер Шитовски,

признателен за то, что вы известили меня в числе других поклонников таланта Николы Теслы о возобновлении работы музея-лаборатории. К моему стыду, я не знал раньше о его существовании, в противном случае я бы непременно сам разыскал вас. По счастливой случайности я нахожусь неподалеку от Колорадо-Спрингс и с огромным удовольствием посещу ваш музей.

Искренне ваш, Питер Саров»

Опять – по счастливой случайности, усмехнулся Саров. Что ж, случайность, похоже, действительно может оказаться счастливой, подумал он, заслышив голос Фрэнсис: «Пётр, все готово! Спускайтесь!» Он отправил письмо и поспешил вниз.

Сюрприз был. Он находился на большой плоской тарелке, стоявшей посреди стола. Сверху он был прикрыт салфеткой, по фактуре ткани – льняной, расшитой по краям незамысловатым красным узором. И еще он восхитительно пах, чем-то давно забытым, от чего в буквальном смысле потекли слюнки.

– Не знаю, понравится ли вам, – сказала Фрэнсис, – я это в первый раз сделала. Я не большая кулинарка, но люблю экспериментировать на кухне. Это русский рецепт, я нашла его в Сети. Там написано, что к нему полагается это, – она поставила на стол плошку, прикрытую похожей салфеткой, но чуть меньшего размера, – ну же. Пётр?

– А что я должен сделать? – спросил Саров.

– Какой же вы недогадливый, – рассмеялась Фрэнсис, – снимите салфетку.

Саров открыл плошку. В ней оказалось нечто белое и достаточно густое, чтобы сохранять форму закрученной спирали, как у морской раковины. «Надеюсь, это не майонез», – подумал Саров, который так и не смог привыкнуть ко вкусу американского майонеза.

– Ну не ту же, большую! – восхлинула Фрэнсис. Саров сдернул салфетку.

– Как это называется по-русски? – спросила Фрэнсис.

– Сырники со сметаной, – ответил Саров, от неожиданности действительно по-русски.

– Как красиво звучит! – восхищенно сказала Фрэнсис. – Надеюсь, это будет так же вкусно!

– Сырники с изюмом, – вновь сказал по-русски Саров, разглядев темные бугорки, и повторил уже по-английски: – Сырники с изюмом и сметаной. Обожаю! Как вы догадались, Фрэнси? Этую тайну я не доверял даже русскоязычному Интернету.

Глаза Фрэнсис вспыхнули. «Чего это она? – с некоторым удивлением подумал Саров. – Не будь она такой загорелой, еще и раскраснелась бы».

– Ну же, Пётр, садитесь, их надо есть горячими, – сказала Фрэнсис.

– Сырники можно есть любыми, сказал Саров, усаживаясь за стол, – в любом количестве и в любое время.

Для первого опыта сырники вышли вполне. А соскучившемуся по ним Сарову так и вовсе показались восхитительными. Умял все, что было на тарелке, и не заметил. А когда поднимал голову, то видел Фрэнсис, весело улыбающуюся. Впрочем, и сама хозяйка воздала должное своему творению.

– Вкусно, – сказала она, – вы, русские, понимаете толк в еде.

– И в еде тоже, – ответил ей Саров.

Генрих Эрлих

Он уже собрался развить эту мысль, как зазвонил мобильник Фрэнсис.

– Привет, – сказала Фрэнсис в трубку и через какое-то время, хмуясь: – Я перезвоню через несколько минут. Я сейчас занята.

Сарову показалось, что он слышал мужской голос. Его это почему-то задело.

– Ну что, наелись? Вкусно было? – спросила Фрэнсис, улыбаясь.

Сарову показалось, что улыбается она как-то вымученно.

– Ой, спасибо, – сказал он, блаженно откидываясь на стуле, – я уже забыл, когда так вкусно ел. Вы – волшебница!

– Я сейчас все уберу, – сказала Фрэнсис, улыбка которой сразу стала радостной и немного смущенной, – а потом мы будем пить кофе или чай. Ох, какая же я глупая, надо было сразу предложить вам кофе, я-то сама выпила, я с утра без кофе не могу.

– Ничего, так даже лучше, – сказал Саров, поднимаясь из-за стола, – выпьем кофе, поговорим. Я вам помогу, – он взял свою тарелку в руки.

– Нет-нет, – остановила его Фрэнсис, – я сама. Вы поднимитесь к себе, отдохните, а потом спускайтесь, минут через пятнадцать.

«Еще один сюрприз», – подумал благостно Саров, поднимаясь по лестнице.

Только зашел в комнату, как вспыхнул экран ноутбука – письмо пришло.

«Быстро, однако», – подумал Саров, бросая взгляд на адрес отправителя.

«Вход свободный!
В любое время!
Вход не для всех!
Только для вас!»

Наш человек, усмехнулся Саров. Либо натурально наш – Семен Шитовский. Либо натуральный старый, по возрасту, американец. Старые американцы, особенно из глубинки, Сарову нравились, они почти ничем не отличались от русских стариков, тоже, естественно, из глубинки. Вот только наши старики не стучат узловатыми пальцами по клавишам компьютера и слоганами не разговаривают.

Но желание куда-либо ехать пропало напрочь. Благо и повод был – вот они, документы, с ними работать и работать. Вдруг донесся голос Фрэнсис. Саров поспешил вскочил, выбежал в коридор и тут же остановился.

– Ну как же так? – говорила кому-то Фрэнсис, вероятно, по телефону. – Ведь я же предупредила. Да, я понимаю, что людей не хватает.

ет, что срочно, но у меня дела, личные дела. Зачем мне премия? Зачем мне свободные дни потом? – она чуть не плакала.

Саров вернулся в комнату и плотно прикрыл за собой дверь. Minuten через десять раздался осторожный стук.

– Пётр, я вас уже заждалась, – раздался призывный голос.

– Иду, иду, – откликнулся Саров и, уже на пороге: – Я зачитался документами.

– У вас еще будет время, – сказала Фрэнсис, – много времени.

Она выглядела так, как будто и не было неприятного разговора. Порхала вокруг стола, заваривала кофе в турке, пододвигала к Сарову корзинку с печеньем.

– Вы зачитались, – говорила она при этом, – там есть, чем можно зачитаться? Кроме Марка Твена, конечно.

– Есть, – ответил Саров, стараясь, чтобы это вышло как можно убедительнее, – по крайней мере, для меня как специалиста.

– Поэтому я к вам и обратилась, – радостно воскликнула Фрэнсис, – вы умный.

– Я не умный, я начитанный.

– Как вы сказали?! – засияла смехом Фрэнсис. Саров рассмеялся в ответ. И пошел у них легкий разговор. Ничего личного. Они строили предположения, как шкатулка могла оказаться в доме Фрэнсис, придумывали разные истории, даже и романтические. Все шло хорошо, пока Саров не помянул все ФБР, решив добавить элемент триллера в их построения. Фрэнсис как-то сразу сникла.

– Они документы Теслы до сих пор ищут, – сказала она, – я это точно знаю.

– Распоряжение не имеет срока действия, – выдал Саров неожиданно всплывшую из подкорки фразу, – так, кажется, это звучит на канцелярском языке?

– Именно так это и звучит, – кивнула головой Фрэнсис, – на языке Гувера.

– Джона Эдгара Гувера, – эхом отозвался Саров. Вновь телефонный звонок. Вновь Сарову кажется, что из трубы доносится мужской голос. Вновь хмурится Фрэнсис. Она отключает телефон. Надолго задумывается.

Саров тоже: молчал, кляня себя за то, что за годы, проведенные в Америке, так и не научился правильно вести себя в подобных ситуациях. Когда человек находится в явной беде или затруднении, тут все просто: могу ли я вам чем-нибудь помочь? А вот когда в неявной... Саров, особенно поначалу, совался по русской привычке с вопросами и наталкивался на недоуменный и даже осуждающий взгляд.

– У вас, Фрэнсис, наверно, есть свои дела, а я вас отвлекаю разговорами, – нашел он нейтральную формулировку.

Генрих Эрлих

– Ну что вы, Пётр, это я вас сорвала с места из-за моих дел, а ведь сегодня понедельник...

– Не беспокойтесь, у меня сегодня в университете свободный день, – поспешил успокоить ее Саров.

– Я думала, что у меня тоже свободный, – с грустью сказала Фрэнсис, – но у нас тут большой конгресс, я говорила, вечные сбои, то в одном, то в другом, да еще несколько компьютерщиков подцепили вирус, ну, в смысле, грипп. Вот, вызывают. А это с раннего утра до позднего вечера, и так четыре дня.

– Это я хорошо понимаю, сам не раз занимался организацией конгрессов, – сказал Саров и поднялся со стула, – не буду вам мешать. Поеду. Собственно, я свою миссию выполнил. Документы посмотрел. Они, несомненно, подлинные, но по большей части не представляют значимой научной ценности. То есть я хотел сказать, что они, конечно, ценные, но как автографы Теслы.

– А мне показалось, что в них есть что-то еще, – с легким разочарованием в голосе протянула Фрэнсис.

– Возможно, и есть, – не желая разочаровывать ее, сказал Саров, – я могу заняться этим на досуге. Теперь, когда я видел оригиналы и понял, почему вы показали мне именно оригиналы...

– Поняли? — прервала его Фрэнсис.

– Если вы имели в виду пометки ногтем на рукописи Марка Твена... – произнес Саров и, дождавшись кивка Фрэнсис, продолжил: – Так вот, теперь я вполне могу обойтись копиями. Вы отсканируйте их и вышлите, только не по факсу, у меня, боюсь, будут проблемы с факсом в ближайшее время, так что по электронной почте, да, так будет лучше всего.

– Вы возвращаетесь в Лос-Анджелес?

Фрэнсис вновь выглядела разочарованной. Саров, несколько неожиданно для самого себя, сказал:

– Не сразу. Я получил предложение посетить Колорадо-Спрингс, там возобновил работу музей Теслы. Вот я и подумал...

– Колорадо-Спрингс – симпатичный город, – сказал Фрэнсис, веселясь.

– Вы там бывали?

– Проездом. Давно.

– А в музее Теслы слuchаем не были?

– Я и не знала о таком. Собственно, я и о Тесле до последнего времени ничего не знала. Но вам это должно быть интересно. Возможно, вы узнаете там что-нибудь новое для себя. То, что позволит вам понять послание, зашифрованное в документах из шкатулки.

– Вы по-прежнему думаете, что там есть некое послание?

— Я уверена в этом, я верю в это, я хочу верить в это. В противном случае весь этот набор не имеет никакого смысла, никакой ценности, — поправилась она, — лишь несколько новых автографов в дополнение к миллиону других. Я вот подумала, что хорошо бы вам иметь под рукой документы, вдруг вам на месте нужно будет что-нибудь уточнить.

— Возможно, вы и правы. Но документов слишком много, на их копирование уйдет уйма времени. А вы спешите.

— Да, черт! — весьма энергично воскликнула Фрэнсис. — Извините. Но как подумаю...

— Я вас понимаю. Мне тоже очень жаль так быстро расставаться с вами.

— Правда? — кокетливо спросила Фрэнсис и сразу, решительно: — А берите-ка документы с собой, Пётр. Как есть, со шкатулкой. Не спешите возвращать, постарайтесь разобраться. А как разберетесь, так и вернете. Я их сама заберу, — торопливо сказала она, — я часто бываю в Лос-Анджелесе по работе, только, конечно, не на машине. Я прилечу, и мы встретимся.

— Встретимся, — улыбнулся в ответ Саров.

— Так вы согласны?

— Желание женщины — закон.

— Ох уж эти русские!

Они вновь весело рассмеялись, как давеча за столом.

* * *

Фрэнсис собралась с поразительной скоростью. Саров едва успел отправить Сэму Шитовски письмо, о том, что приедет сегодня к вечеру, и упаковать ноутбук» как она уже стояла на пороге в деловом костюме. В другой бы ситуации Саров подумал, что хозяйка стремится как можно быстрее выпроводить засидевшегося и изрядно поднадоевшего гостя. Но Фрэнсис была очень мила, чертовски мила. Она проводила его до самой машины.

— Вас подвезти? — спросил Саров.

— Нет, спасибо, мне тут близко, я хожу пешком. Преимущество жизни в небольшом городке.

— Не такой уж и небольшой, особенно если сравнить с моим университетским кампусом. Вот там действительно — всюду пешком, только пешком, — сказал Саров.

Он тянул время. Ему не хотелось расставаться с Фрэнсис. А она уже чмокнула его на прощанье в щеку.

— Будьте осторожны, Пётр, — сказала она.

— Что вы имеете в виду? — удивился он.

Генрих Эрлих

– Ничего, кроме сказанного. Просто: будьте осторожны. До встречи!

– До встречи в Лос-Анджелесе! – с преувеличеннной бодростью воскликнул Саров, садясь в машину.

Он помахал рукой и медленно тронулся. Благостное настроение как ветром сдуло. Что-то тревожное было в последних словах Фрэнсис. Разом вернулись утренние страхи, о которых он и думать забыл. Саров покосился на шкатулку, стоявшую на правом сиденье. Фрэнсис обернула ее лентой скотча, чтобы ненароком не открылась крышка, и упаковала перед выходом в большой пластиковый пакет. Тогда это выглядело вполне естественным, теперь вдруг подумалось, что это было сделано для того, чтобы никто не увидел шкатулку. Саров поднял глаза к зеркалу заднего вида. Фрэнсис продолжала стоять на тротуаре, глядя ему вслед. А от противоположного тротуара тронулся черный седан с нехарактерными для Америки затемненными стеклами и двинулся в ту же сторону, что и он.

Саров доехал до первого перекрестка и в соответствии с наставлениями Фрэнсис свернул направо, поддал газу, домчался до следующего перекрестка, включил левый поворотник. Стоя на светофоре, посмотрел в зеркало заднего вида. Черный седан пристроился ему в хвост, с деланным безразличием моргая левым глазом. Сквозь темное лобовое стекло смутно виднелись двое мужчин-близнецов в шляпах, сидевшие истуканами, как фигурки в игрушечном автомобиле. «Это еще что такое? – подумал Саров. – Только этого мне не хватало!» Загорелся зеленый сигнал светофора. Саров импульсивно включил правый поворотник, нажал на клаксон и бросил машину вправо. Седан не рискнул повторить его маневр и, обиженно пыхтя, поехал своей дорогой.

Чтобы не запутаться, Саров решил сделать «круг почета». А возможно, ему хотелось еще раз увидеть Фрэнсис, которая вряд ли успела отойти далеко от дома. Но Бергер-стрит в этот полуденный час была пуста. Лишь от одного дома посередине квартала вывернулся небесно-голубой «Кадиллак» и быстро умчался прочь, Сидящий у дома на скамейке соломенный Страшила печально смотрел ему вслед.

– Интересные дела, – поделился с ним своими мыслями Саров, проезжая мимо. Ему даже показалось, что Страшила согласно кивнул в ответ.

«Интересные дела, – повторил Саров, когда выбрался на трассу, ведущую в Колорадо-Спрингс, – трое суток назад жил не тужил, и вдруг началась череда странных событий. Сначала увольняют с работы, ну, от этого никто не застрахован, опять же черная пятница. Но тут как тут странный корреспондент с необычным предложением – мне, абсолютно незнакомому человеку, предлагают уникальные докуме-

нты. И постоянно говорят о каком-то сроке, который оказывается не в будущем, как он предполагал. Срок – все та же черная пятница, в которую Тесла начинал все свои важнейшие проекты. Вот и таинственный корреспондент начал свой проект в черную пятницу. Он как телок несется за тридевять земель, корреспондент оказывается корреспонденткой, очаровательной, надо признать, женщиной, он разлимонивается и втягивается... Во что-то втягивается. Ему предлагают залезть в Интернет, и тут как тут письмо из Колорадо-Спрингс. Приглашение в музей, о котором он никогда не слышал. Музей не для всех. Исключительно для него. Поразительно вовремя приходит приглашение. Стоило ему тронуться в обратный путь, и все, пиши – прошло. И как-то все так складывается, что он, чуть ли не помимо своей воли, едет дальше. И еще ему буквально насильно навязывают эту шкатулку с документами. Как будто она жжет Фрэнсис руки и та стремится как можно быстрее от нее избавиться. Или, наоборот, хочет связать ему с помощью этой шкатулки руки, ограничить свободу выбора, еще сильнее втянуть его во что-то. Как она написала ему: возможно, вам захочется что-то сделать, что-то, для чего надо быть достаточно сумасшедшим. Он не сумасшедший».

И Саров принялся доказывать это сам себе весьма простым способом – поиском разумных объяснений всей этой странной цепи совпадений и вообще всех событий, включая звонки Фрэнсис, ее неожиданный отъезд на машине и присутствие напротив ее дома черного седана, который пристроился вслед за ним. Кто ищет разумные объяснения даже самым невероятным событиям, тот всегда их найдет. Тем более что события были отнюдь не невероятными, а самыми что ни есть обычными, как убедил себя Саров за время долгого пути. У него даже осталось время, чтобы оценить окрестные пейзажи, которые были куда приятнее, чем вчерашние. Горы – это не пустыня, и растительность богаче. Вот только холодно. Почти как в России.

В Колорадо-Спрингс он въехал в легких сумерках. Возможно, поэтому он никак не мог найти нужную улицу. Крутился в соответствии с присланым планом на самой окраине города, у подошвы Скалистых гор, вглядывался в названия улиц и находил все, кроме нужной. На одной из улиц был припаркован небесно-голубой «Кадиллак», но Саров его не заметил, не захотел замечать. В третий раз приехав на один и тот же перекресток, Саров не выдержал, вылез из машины и обратился к пожилому веспу¹, выгуливающему на поводке небольшую собаку:

¹ WESP – White English Speaking Protestant, белый англоговорящий протестант, в недавнем прошлом представитель основного населения США.

Генрих Эрлих

— Добрый вечер! Славный вечерок для прогулки с собакой! Не подскажете, как проехать к Эрлич-стрит?

Мужчина широко улыбнулся в ответ.

— Добрый вечер! Действительно славный вечерок! А что касается вашего вопроса, к сожалению, ничем помочь не могу. Никогда не слышал о такой улице. Извините.

Саров чертыхнулся про себя — что за глупый розыгрыш! — стараясь сохранять приветливую улыбку на лице. Вдруг мужчина хлопнул себя свободной рукой по лбу и рассмеялся.

— Что я говорю! ведь вам, наверно, нужна Эрлих-стрит?

Буква «х» прозвучала неожиданно мягко, но все же не настолько, чтобы сделать название улицы неузнаваемой, так показалось Сарову. Но он лишь согласно кивнул головой.

— Да вот же она! — мужчина показал рукой на указатель, на котором готическими буквами было выведено: Ehrlich st.

— Действительно, Эрлич, — сказал Саров, — как же я не заметил? Это, наверно, из-за шрифта.

— Нет-нет, «Эрлих», — повторил мужчина, — немецкое слово, означает: честный. А улица, если быть совсем точным, называется Эрлихштрассе. Тут раньше много немцев жило. Да и сейчас живут.

«Выходит: Честная улица, — подумал Саров. — Что ж, посмотрим, какая она честная».

— Спасибо, — сказал он мужчине, улыбаясь, — вы мне очень помогли.

— Не стоит благодарности, — ответил тот. — Вы, наверно, к Сэмю? — и, не дожидаясь ответа: — Четвертый дом по правой стороне. Сэм — славный парень!

* * *

Они были славными парнями, и Сэм, и тот мужчина, выгуливавший собаку. И наверняка немало покуролесили вместе, лет эдак пятьдесят назад. А заводилой у них был, несомненно, Сэм, он все же был постарше лет на пять. Так думал Саров, сидя за столом с Сэном и в который раз окидывая взглядом его кряжистую фигуру, большие руки с набухшими сосудами, широкое, чуть простоватое лицо, на фоне которого глаза, поблескивающие из-под нависших бровей, казались особенно хитрыми и проницательными. Но в настоящий момент глаза поблескивали все же не от хитрости, а от виски.

— Отличный напиток! — сказал Саров, беря в руки квадратную бутылку с залитым красным пластиком длинным горлом и разглядывая надпись. — Надо же, американское!

— Мэйкерс марк, — удовлетворенно сказал Сэм, — его еще поискать!

– Запомню!

– А то! – воскликнул Сэм и налил еще по одной щедрой порции.

Сэм Шитовски принял его радушно и сразу потащил за стол, предложив отложить осмотр музея-лаборатории до завтрашнего утра. Саров только и успел разглядеть, что за домом тянулось длинное, недавно отремонтированное здание без окон, напоминавшее сельский амбар из полузабытого советско-колхозного прошлого. Наверно, это и был музей. Лаборатория Теслы в Колорадо-Спрингс тоже располагалась в амбаре, отметил про себя Саров. Такое начало ему понравилось, это прибавляло достоверности. Сэм тоже был настоящим, настоящим старым электромехаником, как он себя отрекомендовал, настоящим энтузиастом – глаза горят, говорить о Тесле может часами. Собственно, только о Тесле он и говорил, даже не потрудившись «прощупать» Сарова, как будто заранее знал о нем все.

– А знаете ли вы, молодой человек, об эксперименте «Филадельфия»? – патетически спросил Сэм, воздев вверх руку с торчащим указательным пальцем.

Саров, конечно, знал. Но он знал также и то, что человеку, вздымающему вверх руку с торчащим указательным пальцем, надо обязательно дать возможность рассказать его историю, какой бы длинной она ни оказалась, и, не прерывая его, лишь ахать от изумления в положенных местах.

– Что-то слышал краем уха или фильм видел, – как можно небрежнее сказал он, – но ведь это, если не ошибаюсь, было после смерти Теслы.

– После ухода Теслы, – поправил его Сэм, строго наступив брови. – А так все верно. При Тесле такого эксперимента и не могло быть, а если бы он все же состоялся, то без катастрофических последствий. Каких последствий? Чтобы понять это, надо вернуться на несколько лет назад. Последние годы жизни Тесла был вынужден работать по заказу военных ведомств. Он ненавидел войну, но человечество упорно заваривало кровавую кашу, и Тесла, будучи не в силах предотвратить войну, старался хотя бы уменьшить возможный ущерб. (Чувствовалось, что Сэм далеко не в первый раз рассказывает эту историю, она оттачивалась годами, утрачивая непосредственность живого рассказа и приобретая литературные черты, черты весьма посредственные.) После относительной неудачи со своим изобретением, раздутым безответственными журналистами под принципиально неверным названием «лучи смерти», неудачи, заключающейся в том, что это оборонительное оружие слишком легко превращалось в оружие уничтожения, Тесла занялся созданием системы, позволяющей сделать военные объекты и военную технику, такую, как корабли и самолеты, невидимой, невидимой для начала для радаров.

Саров чутко уловил рассчитанную паузу и послушно ахнул:

– Технология «Стелс»!

– Точно! – Сэм с удовлетворением принял отбитую подачу и продолжил: – Она, родимая! Вон когда еще создана была! – И тут же скатился в накатанную колею рассказа: – Так как заказ исходил от военно-морских сил, то Тесла сосредоточился на военных кораблях. Он предложил создавать вокруг кораблей с помощью сильных магнитных генераторов мощное поле, способное менять направление пучка света локаторов, создавая тем самым иллюзию пустого пространства. Тесла провел все необходимые расчеты и даже создал магнитные генераторы необходимой мощности. По слухам, он даже провел некоторые предварительные испытания системы, в ходе которых выявились неожиданные эффекты. Тесла никогда не обнародовал промежуточные результаты своих экспериментов, никто даже не знал точно, какие эксперименты он проводил, вот и тут – сплошная тайна. Известно лишь, что он неожиданно прекратил свои работы по проекту. На недоуменные вопросы военных заказчиков он отвечал, что не может взять на себя ответственность за людей, которые будут принимать участив в эксперименте, что это может оказаться для них слишком опасным, что события могут достигнуть определенной точки, за которой – полная непредсказуемость. Он не сказал – неизвестность, он сказал – непредсказуемость, это – разные вещи.

– Да, точка бифуркации, – кивнул головой Саров.

– Вы – умный молодой человек! – еще больше воодушевился Сэм. – А Тесла был мудрым немолодым человеком. Он понимал, что военных, имеющих в руках практически готовую систему, ничто не может остановить от испытаний. Даже возможные жертвы. Тем более что Тесла, всегда предельно правдивый, не говорил собственно об угрозе жизни людей, он говорил о непредсказуемых последствиях для их психики. Уходя, Тесла сказал военным: если вы все же решитесь провести испытания, раздайте всем членам экипажа вот это, и он положил на стол небольшую черную коробочку. Я изготовил достаточно большое количество этих устройств, продолжил он, они находятся в лаборатории. Что это такое, спросили военные. Временной декодер, ответил Тесла просто, он позволит членам экипажа восстановить ориентировку во времени. Вы можете представить себе, какой смех раздался в комнате.

– Представляю, – в свою очередь рассмеялся Саров, вновь уловив паузу, – для военных не существует проблемы ориентировки во времени, для определения точного времени согласно уставу используются часы.

– У вас есть чувство юмора, молодой человек, – закудахтал в ответ Сэм, – весьма редкое в наше время чувство. У военных его

отродясь не было. Им это не положено по уставу. – Отсмеявшись, Сэм продолжил рассказ: – Случилось это за шесть месяцев до ухода Теслы, а через десять месяцев после этого события, в октябре 1943 года, военные провели испытания. Дело было в бухте Филадельфии, отсюда эксперимент и получил свое название. Центральную роль в нем играл крейсер «Элдридж», на котором были установлены магнитные генераторы Теслы. По бокам, несколько в отдалении, стояли два эсминца, корпуса которых были покрыты отражающей свет облицовкой. Зачем это было нужно, никто не знал и, похоже, даже не задумывался. Так было написано в бумагах Теслы, этого было достаточно. Смеясь над выжившим из ума, как они полагали, стариком, военные в то же время тупо следовали его предписаниям. Адмиралы и генералы предпочли наблюдать за экспериментом со стороны, с берега. По их приказу включили установки на крейсере. Через несколько мгновений крейсер окутал густой зеленоватый туман. Все взоры переместились на экраны локаторов, которым туман нипочем. Корпус крейсера был четко виден, но он – таял на глазах! И вот он истаял полностью! Есть! – радостно закричали военные, оторвали взоры от экранов локаторов и уставились на бухту. Эсминцы весело поблескивали облицовкой корпусов, лёгкий морской бриз разносил клочья зеленоватого тумана, чайки мирно пикировали в то место, где совсем недавно находился крейсер, и взмывали вверх с зажатыми в клювах сверкающими рыбками.

Саров улыбнулся про себя. Таких красочных деталей он еще ни разу не встречал. Несомненно, что Сэм, увлекшись, придумывал на ходу. А тот действительно увлекся, даже вскочил со стула и принялся в лицах изображать последующий диалог.

– Сэр, – бодро доложил неожиданно появившийся адъютант, обращаясь к начальнику штаба военно-морских сил США, – срочное сообщение из Норфорка. В бухте появился корабль, идентифицированный как крейсер «Элдридж». На запросы береговой охраны не отвечает. Какие будут распоряжения, сэр?

– Пусть передадут на крейсер всеми доступными средствами, включая флагги, приказ немедленно возвращаться в бухту Филадельфии, – приказал адмирал и только после этого озадаченно протянул: – Двести миль!

Крейсер почти немедленно материализовался в бухте Филадельфии, как будто и вправду повинуясь приказу высшего командования. Материализовался настолько быстро, что одна из чаек, взмывая вверх из воды, ударилась о борт корабля. Но главные сюрпризы были впереди. Часть экипажа бесследно исчезла. Ходят слухи, что половина, но точно известно лишь морскому ведомству, которое крепко хра-

Генрих Эрлих

нит свои секреты по сей день. Так что это даже обсуждать бессмысленно.

— Конечно, бессмысленно, — вставил свое слово Саров, — это все слухи, а мы оперируем только твердо установленными фактами, — добавил он, всеми силами подавляя улыбку на лице и в голосе.

— Точно! — подхватил Сэм. — А факты таковы, что оставшуюся часть экипажа пришлось списать, сначала на берег, а потом и вовсе из военно-морских сил. А что еще делать с людьми, заблудившимися во времени? Они не узнавали родных, не узнавали места, в которых прожили с детства. И в то же время рассказывали удивительные вещи о временах прошлого, далекого прошлого, а некоторые утверждали, что были в далеком будущем или на другой планете, что, в сущности, одно и то же, что они разговаривали с неземными существами и даже жили среди них. Еще говорят, что некоторые после этого эксперимента приобрели способность исчезать и вновь появляться по своей воле, но!.. — Сэм воздел вверх руку с выставленным указательным пальцем.

— Но!.. — поддержал его жест Саров.

— Но мы об этом не говорим, — смеясь, закончил Сэм.

— Да, красавая история, — сказал Саров, — жаль, что в ней почти ничего не известно доподлинно, что от нее не осталось никаких следов, кроме самой технологии «Стелс», которая, еще неизвестно... — Он замялся.

— Почему же не осталось? — сказал Сэм, не обращая внимания на смущение Сарова. — Много чего осталось. Даже свидетели эксперимента остались, а вернее сказать, его участники. Это вам, молодым, 1943 год представляет далеким прошлым. Но прикинь: матросам, служившим на злополучном крейсере, было тогда лет по восемнадцать-двадцать, сейчас им восемьдесят пять — восемьдесят семь, не так много, если вдуматься, сколько же, сколько было Тесле в те годы. Их все считают сумасшедшими, но здоровьем их бог не обидел, они даже выглядят моложе своих лет, — Сэм хитро посмотрел на Сарова.

— Ах, вот оно в чем дело, — протянул Саров, отвечая ему заговорщицким взглядом.

Тут они одновременно рассмеялись. Это была, конечно, шутка, дружеский розыгрыш, они уже чувствовали себя друзьями.

— Но осталось и другое, — сказал Сэм, — я покажу. Он поднялся из-за стола, вышел в другую комнату и почти сразу вернулся, неся в руках маленькую черную коробочку размером с мыльницу.

— Вот, — сказал он, кладя коробочку на стол перед Саровым, — временной декодер из запасов Теслы.

Сказал просто, без свойственных ему эмоций, как о самой обычной вещи. Она и казалась обычной вещью. Саров разглядел на коробочке три небольшие круглые ручки черного же цвета. Теперь коробочка походила на самодельный транзисторный приемник, которые собирали как раз в мыльницах, используя их в качестве корпуса. Отец показывал Сарову такой шедевр радиотехники. Он даже работал, и вполне сносно.

— И что, работает? — спросил Саров, сглатывая слону. Мысль об очередном розыгрыше даже не пришла ему в голову. Он потом, вспоминая, немало удивлялся этому.

— Откуда же мне знать? — ответил вопросом Сэм. — Я пробовал разобраться, но... — Он сокрушенно развел руки. — Может быть, ты разберешься.

Сказал и осекся. Но Саров не заметил этого, он был все еще не в силах оторвать взгляд от коробочки.

— И что — разбирали? — показал он пальцем на коробочку.

— Разбирал, — признался Сэм, — кто ж удержится?

— И что? — повторил Саров.

— Да ничего особенного. Простая схема, несколько контуров, позволяющих настраиваться на определенные частоты, еще две катушки, которые могут служить передатчиком и приемником, вот, в сущности, и все.

Саров удержался. Он не только не полез немедленно разбирать коробочку, но даже не взял ее в руки, чтобы рассмотреть получше. Его самого разобрали — зевота, усталость, и переизбыток впечатлений. Сэм немедленно подскочил.

— Все, на сегодня хватит, — сказал он, — завтра продолжим. Пойдем я тебя спать уложу. У меня места много, а живу я один, давно.

Это Саров и так знал, с первого взгляда на жилье Сэма. У него был в этом достаточный опыт. Он сам жил один, давно.

* * *

Саров стоял посреди музея и восхищенно осматривался. Он отправился сюда еще до завтрака. Долго упрашивать Сэма не пришлось — тот был явно польщен таким интересом к его детищу.

Саров угадал верно — музей располагался в большом, похожем на амбар здании позади дома Сэма. Он представлял собой одно прямоугольное помещение размером приблизительно пятнадцать на десять метров с потолками никак не меньше четырех метров.

— Жаль, что не квадратное, как в оригинальной лаборатории Теслы, — тихо заметил Сэм, — но на большой квадрат земли не хватало, хоть дом сноси, а маленький — он и есть маленький.

— Ничего, — ответил Саров, — так даже лучше, лучше видно.

Генрих Эрлих

Лучше видно было гигантскую катушку Теслы – главное украшение музея. Ее диаметр был лишь немногим меньше ширины помещения, так что она почти касалась стен, а высота превышала рост человека. Для удобства прохода она была установлена на высоких кирпичных столбиках, почти упираясь в потолок. Толстый медный провод, плотно намотанный на деревянный каркас, весело поблескивал.

– Дорогая игрушка, – заметил Саров.

– Не игрушка, – с легкой обидой сказал Сэм, – у меня здесь все действующее. Не все испытанное, как вот эта катушка, но хоть сейчас подключай. Хочешь, включи.

– Не сейчас, – с улыбкой ответил Саров.

– Тут, конечно, не все аутентично, – продолжал между тем Сэм, – что-то моими руками собрано, но есть устройства и тех еще времен, есть даже собранные самим Теслой, ну, ты вчера видел.

Различных устройств и приборов было действительно много. Внутри катушки возвышались колоннами высокочастотные трансформаторы и приемники, вдоль стен тянулась сплошная широкая консоль, плотно заставленная различными приборами. Саров обожал старинные приборы, весы, микроскопы, перегонные аппараты, они были для него лучшими произведениями искусства, искусства человеческих рук. Сто лет, конечно, не срок, можно сказать, новодел, но все равно разительное отличие от современных штамповок.

– Класс, – сказал Саров. любовно поглаживая рукой деревянный корпус одного из приборов. – Недешево, однако, – заметил он, еще раз проведя взглядом по кругу, – как вам это удалось?

– Одному бы мне, конечно, не удалось, – ответил Сэм, – но среди поклонников Теслы есть немало богатых людей, очень богатых людей, – добавил он.

– Может быть, у вас тут и крыша раздвижная, как в лаборатории Теслы? – спросил Саров, задрав голову вверх и изучая потолок.

– Я бы сделал, – с легкой досадой ответил Сэм, – и башню бы возвел с медным шаром наверху, но меня убедили, что ради простой демонстрации это слишком дорого. Богатые люди потому и богатые, что умеют деньги считать. Тесле они тоже крылья подрубали.

– Тесле нельзя было подрубить крылья, – сказал Саров, – он летал на крыльях духа.

– Хорошо сказал! – воскликнул Сэм и тут же потянул Сарова за собой: – Пойдем кофейку попьем, у тебя еще будет время со всем этим ознакомиться. Много времени. Тут о каждом устройстве можно рассказать отдельную, длинную историю.

Истории начались сразу же, как уселись за стол.

– Да, – говорил Сэм, – все главное, созданное Теслой, и беспроводная передача энергии, и получение энергии из окружающей среды,

и контакты с другими мирами, и проникновение в высшие сферы сознания, и управление пространством и временем, все начиналось здесь, в Колорадо-Спрингс. В это трудно поверить, ведь в последующие годы в науке, как всем кажется, произошел переворот – теория относительности, ядерная физика, квантовая теория, волновая механика, все изменилось, весь наш взгляд на мир изменился, какое значение могли иметь старые эксперименты, старые воззрения, и тем не менее! Начатое в Колорадо-Спрингс отзывалось в работах Теслы последнего периода, отзываются до сих пор! Вот я вчера рассказывал об эксперименте «Филадельфия», там еще такой туман появился, зеленоватый, перед исчезновением корабля. А ведь такой туман Тесла впервые наблюдал именно здесь, это и в его колорадских дневниках написано.

– А сколько не написано! – воскликнул Серов. – Взять хотя бы шаровую молнию... До сих пор бьемся.

– А ты этим занимаешься? – Сэм подался вперед, с интересом заглядывая в лицо Сарову.

– Нет, я конкретно не занимаюсь и не занимался, но с проблемой знаком, весь мир занимается, холодная плазма и все такое прочее.

– Жаль, – искренно сказал Сэм, – я надеялся, что ты мне покажешь, я бы тебе и приборы дал. А то я шаровую молнию только издалека видел, они здесь часто проносятся. А так, чтобы в руках подержать... А ведь Тесла их получал, огненные шары, как он их называл, вот такие вот, – Сэм развел руки с чуть согнутыми пальцами, – как небольшой мяч. Он их в коробках хранил и вынимал по мере необходимости.

Саров не смог сдержать улыбки.

– Вот ты не веришь, а достойные люди это в своих воспоминаниях описывали, – горячился Сэм, – и на лекциях он эти огненные шары показывал, их тысячи людей видели! Он с ними делал, что хотел!

– Тесла делал, – покорно согласился Саров, – а вот другим не удавалось, хотя очень старались. До сих пор стараются. У нас в России был великий ученый, Капица, Пётр, как и я...

– Слышал о таком, он у Резерфорда работал, – встриял Сэм.

– Работал по молодости, – вновь согласился Саров и, удержавшись от экскурса в историю, продолжил: – Он тоже плазмой занимался, так называемой управляемой плазмой.

– Ну и... – подтолкнул его Сэм.

– Да не очень у него получалось, – нехотя ответил Саров, – собственно, ничего не получалось. Только при использовании резонансных трансформаторов Теслы были какие-то намеки, что-то небольшое, короткоживущее.

Генрих Эрлих

— Вот! — радостно воскликнул Сэм. — Тесла секрет знал! И устройства создал! Они, устройства эти, простые были, для несведущего человека так и вовсе на одно лицо, весь секрет был в частоте и мощности.

— Возможно, — не стал спорить Саров, — жаль, что он этот секрет с собой в могилу унес.

— Как знать, как знать, — тихо прошептал Сэм.

* * *

Днем отправились на прогулку по городу. Сэм немало удивился, когда Саров предложил пойти пешком.

— Нынешние пешком ходить разучились, — сказал он, — у нас тут либо бегом в спортивном костюме, либо на машине.

— А я не нынешний и не тутошний, я из другого времени-пространства, — ответил Саров.

Ответ Сэму понравился.

Когда вышли из дома, Саров обратил внимание на отсутствие какой-либо таблички, указывающей, что здесь находится музей Теслы. «Похоже, действительно не для всех, — подумал он, — но при этом вход свободный. Все правильно старик написал. Название улицы обязывает».

Прогулка Сарова разочаровала. Вернее, разочаровал город. Они прошлись по Пайкс-Пик-авеню, по Койот-стрит, по Проспект-Лейку, под их ногами была земля, по которой ступали ноги Теслы, они даже постояли на том месте, где располагалась его лаборатория, но — никакого отклика в душе.

— Ничего, — сказал Сэм, чутко уловив разочарование Сарова, — вот осмотришься в музее, мы с тобой в горы съездим, там совсем другой коленкор. Тебе понравится. Уезжать не захочешь.

«Пока что он уверен, что я не захочу уезжать из его дома», — подумал Саров. Он проанализировал свои чувства. Уезжать действительно не хотелось.

После ланча они с Сэром побродили по музею, останавливаясь то у одного прибора, то у другого. Потом Сэм, сославшись на усталость, удалился в свою спальню. Саров решил было посмотреть телевизор — что там в мире делается? — но не нашел его. Возможно, хозяин счел, что этому относительно молодому устройству не место в его лавке древностей. А может быть, он просто не любил смотреть телевизор. Саров тоже не любил, так что нисколько не расстроился. В мире же ничего хорошего произойти не могло, по крайней мере, с точки зрения телевизионщиков, зачем и смотреть?

Он зашел в отведенную ему комнату, и тут же наткнулся взглядом на пластиковый пакет со шкатулкой. Он достал ее, поставил на стол,

отодрал скотч, откинул крышку, принял вновь перебирать документы. Потом включил настольную лампу, чтобы лучше разглядеть некоторые детали на чертежах и схемах. Так увлекся, что не расслышал, как тихо отворилась входная дверь.

Это был Сэм. Он заглянул в образовавшуюся щель, удовлетворенно улыбнулся, глядя на открытую шкатулку и на спину Сарова, склонившегося над столом, тихо притворил дверь и на цыпочках удалился.

Глава 16

Частный просмотр

Саров не понимал, что с ним происходит. Ему бы следовало веером рассыпать свое резюме или, выложив перед собой стопку визитных карточек обзванивать многочисленных коллег, с которыми он познакомился на конференциях и семинарах, а еще лучше делать и то и другое одновременно, землю носом рыть, держать нос по ветру, носом чуять, в общем, искать работу, без которой он в этой стране никто. А вместо этого он уехал к черту на рога, в забытый богом городишко, в эдакий американский Урюпинск, да нет, что он говорит, Урюпинск просто столичный город по сравнению с этим Мухосранском, и вот уже три дня сидит тут, восторгаясь антикварным хламом и копаясь в пожелтевших от времени бумажках, пытаясь выудить из них информацию, которой, скорее всего, в них нет. Бросать, бросать все и лететь в Лос-Анджелес, веером рассыпать, тьфу, черт, это он себе уже говорил. Хотя не помешает и повторить, потому что желание лететь есть, а желания бросить все – нет, потому что лететь хочется не в Лос-Анджелес и даже не в Москву, что в сложившейся ситуации было бы куда как правильнее, а в некий городок по соседству, всего-то в пяти часах езды, в котором он был лишь несколько раз в жизни, да и то проездом, и еще один раз провел ночь в каком-то кошмарном сне, но даже в кошмарном сне не могло присниться, что он захочет вернуться в этот городок, чтобы встретиться с женщиной, которую он видел тогда в первый и единственный раз. Ну вот, выкрикнувшись. Стоило покопаться в себе, чтобы понять, что же с тобой происходит. А то приводишь себе всякие аргументы, сам же понимаешь их надуманность и злишься за это на себя. Показать пленку! Посоветоваться! Да повидаться хочется, а уж потом – показать пленку и посоветоваться.

Ну вот, приоритеты расставлены, теперь можно спокойно думать о... пленке. Той, что была на бобине, а бобина – в шкатулке, а шкатулке

лка – в доме, в котором... Стоп! Пленка-кинолента... Старая. Нижний предел понятен: братья Люмьер. «Прибытие поезда», в общем, конец девяностых позапрошлого уже века. Верхний – тоже, если содержимое шкатулки действительно собрано самим Теслой, то никак не позже 1943-го. Точнее определиться внутри этого интервала нельзя, он не эксперт по пленке, пленка как пленка, старая. Черно-белая, понятное дело. И не так чтобы длинная. То есть пленка-то длинная, а вот фильм – короткий. Из далекого детства или из виденных кинофильмов пришло воспоминание: большие, сантиметров в тридцать бобины, устанавливаемые в проекторе, каждый фильм – на нескольких бобинах. А в этой – минут на пять, не больше.

Пленку он размотал и посмотрел через лупу отдельные кадры. На самых первых, после титров: длинный стол, накрытый свисающей до полу скатертью, за ним в ряд – несколько сидящих мужчин, в общем, президиум. Последующие кадры не поражали разнообразием. Одни являли вид набитого битком зала с сидящими ровными рядами людьми. На большей же части было изображение сцены с трибуной типа кабинки, за ней – высокий худой человек со светлыми волосами, скорее всего. Тесла, собственно, точно Тесла, кому еще быть? Эти монотонные кадры различались лишь положением правой руки оратора, она то лежала на трибуне, то приподнималась, обращаясь к залу, то отлетала в сторону, как на памятнике Пушкину в Питере перед Русским музеем. Все! Очень содержательная фильма, как говорили в те стародавние времена. Особенно если учесть, что немая. Саров был в этом почти уверен. Руку на отсечение он бы не дал, но мизинцем, пожалуй, рискнул бы.

Но ведь зачем-то Тесла положил эту пленку в шкатулку. Вряд ли для того, чтобы донести до получателя свой светлый образ. Для этого куда проще было положить хотя бы одну фотографию. Фотографий не было, ни одной. Какие-то фотографии были в сейфе в номере Теслы, их еще обнаружили после его смерти. Саров читал об этом, но мало ли что там было? Мы исходим из того, что все необходимое для разгадки содержится в шкатулке, так подумал Саров.

Пленку надо было прокрутить. И надо же, какое счастливое совпадение! Осматривая вместе с Сэмом его сокровища, Саров наткнулся на старинный проекционный аппарат.

– Антикварная вещица! – сказал Сэм, перехватив взгляд Сарова.
– Двадцать первый год! На станине выбито. Такие использовали для частных просмотров, домашний кинотеатр, как сейчас говорят. Только богатые люди могли себе позволить. Тесла бы не отказался от такого. Он ведь любил синематограф и часто посещал кинозалы, отдавая предпочтение легким комедиям и тому, что сейчас называют боевиками, фильмам с драками, с боксом, бокс он тоже любил. Ходил на

бои и в Медисон-сквер-гарден, и в небольшие клубы, – Сэма, как обычно, повело в сторону.

– И что – работает? – прервал его излияния Саров, показывая на проектор.

– У меня все работает, – с легкой обидой в голосе сказал Сэм, – вот не веришь, а я покажу! Нет, нет, не возражай, покажу!

Серов и не думал возражать. Он помог Сэму перенести аппарат в другую комнату, установить его на столе, навести на свободную стену, покрытую светлыми обоями. Сэм вышел и вскоре вернулся, держа в руках небольшую бобину с пленкой, близняшку лежавшей в шкатулке.

– А что, ручка не нужна? – спросил Саров. – Помню, на старой хронике операторы крутят на камере такую большую ручку.

– Так то ж на камере! – воскликнул Сэм. – А это проектор. Продвинутый проектор. Пир тогдаших высоких технологий. Втыкаешь вилку в розетку и – никаких ручек! Вот так втыкаешь, вот так пленку заправляешь, – Сэм все показывал и объяснял Сарову, как ребенку, – вот так включаешь и – готово! Прошу!

Он сделал широкий жест рукой. На стене замелькали кадры. Какие-то дамы в шляпках и длинных манто прогуливались по аллеям парка, беззвучно смеясь и оживленно болтая. Красивые дамы. Одна так очень похожа на...

– Сэм, вы позволите мне взять этот прекрасный агрегат на пару дней? Хочу разобраться, как он работает. Я не сломаю, не бойтесь.

– Конечно! Конечно, позволю, и, конечно, не сломаешь. Даже если и сломаешь. Как сломаешь, так и починишь, так ведь? Я тебе еще и чемодан дам, к нему специальный чемодан прилагается. Чтобы было удобнее перевозить. Чтобы, значит, не сломать при перевозке.

Сэм подмигнул Сарову. Или это Саров подмигнул Сэму? Он и сам не понял. Но какая-то искорка сугубо мужского понимания между ними проскочила.

* * *

– Мисс Клиффорд...

– Фрэнси...

– Хорошо, Фрэнси. Это Питер Саров.

– Я поняла, Пётр.

– Я немного продвинулся в интересующем нас направлении.

– Похоже, что действительно продвинулись, вы стали осторожнее в высказываниях.

– Нет, пока ничего существенного. Все очень неопределенно, кое- какие догадки есть, но картина не складывается. И есть одна вещь, которую я совсем не понимаю. Я хотел бы показать ее вам, может

Генрих Эрлих

быть, вы что-нибудь подскажете, посоветуете. У нас в России говорят, один ум хорошо, а два лучше.

– Как это по-русски! Вы любите работать сообща. И еще вы любите спрашивать совета и давать их.

– Это плохо?

– Нет, это непривычно. Американцы – индивидуалисты и любят жить своим умом.

– А как же работа в команде?

– Это миф, это то, что босс пытается вбить в головы подчиненным.

– Вы тоже индивидуалистка?

– Ужасная. Не терплю над собой никакого начальства и предпочитаю работать в одиночку. Как наш герой. Но при этом я очень люблю, когда у меня спрашивают совета, – добавила она поспешно, – а еще больше — давать советы. Я профессиональная советчица.

– Мне кажется, что наш герой к концу жизни несколько изменил свою точку зрения. Он понял, что без помощников ему не обойтись.

– Даже так?

– У меня сложилось такое впечатление.

– Впечатление – это такая эфемерная субстанция, ее невозможно передать по телефону.

– Именно это я и имею в виду.

– Я буду на днях в Лос-Анджелесе, мы могли бы встретиться. Ведь дело терпит?

– Не уверен. И я не в Лос-Анджелесе. Я в Колорадо-Спрингс.

– Вы все-таки поехали туда... А я думала, что вы давно вернулись домой.

– Возвращался бы я через Санта-Фэ и обязательно посетил бы вас. Неужели вы думаете, что есть на свете мужчина, который, познакомившись с вами, вот так бы взял и проехал мимо.

«Вот, черт, нашел время и место демонстрировать галантность. Не в России, чай», – пожурил себя Саров.

– Я немного завидую русским женщинам. Американские мужчины разучились говорить такие слова.

– У них есть другие достоинства.

– Некоторые счастья своего не понимали, – сказала Фрэнсис.

«О чём это она?» – оторопел Саров. Осеклась и Фрэнсис и тут же затараторила:

– Я буду рада вас видеть. Я свободна. То есть у меня эти дни свободны. Я все время дома. Приезжайте в любое время. Когда вы сможете приехать? Если тронетесь прямо сейчас, то прибудете как раз к ужину. Даже если и задержитесь, то все равно поспеете к ужину, я

буду вас ждать. То есть ужин будет вас ждать. Вы совсем сбили меня с толку.

– Мне не хотелось бы вас затруднять...

– Вы нисколько меня не затрудните.

– Так я выезжаю.

– И я выезжаю.

– Куда?

– В магазин! Я сделаю вам стейк, толстый, брызгущий жиром стейк, хорошо прожаренный стейк. Ведь вы, русские, не любите мясо с кровью. Зачем вам мясо с кровью, если у вас кровь – в жилах.

Кровь в жилах у Сарова была. Он ее чувствовал. Она бурлила.

* * *

По телефону все было проще. Находились слова, не надо было думать, куда девать руки, не надо было следить за выражением лица. Они стояли на пороге ее дома, Саров крепко вцепился в ручку чемодана, Фрэнсис нервно мяла кокетливый передничек.

– А шкатулка несколько разбухла за эти дни, – первой пришла в себя девушка.

– Это чемодан, – серьезно сказал Саров, – в нем антикварный кинопроектор.

– Обожаю антикварные кинопроекторы!

– Какой же я идиот! – воскликнул Саров, поставил чемодан, на крыльце, бросился к машине и вернулся с букетом каких-то неизвестных ему, но красивых и приятно пахнущих цветов. – Вот, это вам, – сказал он, вручая букет.

Фрэнсис, как положено, погрузила лицо в букет и, глядя сквозь причудливые цветы, сказала:

– У меня есть калифорнийское полусладкое вино, они будут отлично сочетаться, – и, улыбнувшись: – Вы не поверите, Пётр, за последний год мне дважды вручали антикварные кинопроекторы, но цветы – впервые.

– Охотно верю, – ответил Саров, – я поверю всему, что вы скажете.

* * *

Стейк был превосходен, толстый, хорошо прожаренный и в то же время сочный. Вино было, пожалуй, сладковато для такого мяса, но Саров не возражал, его целый день тянуло на сладкое. А после ужина потянуло еще сильнее. Какая пленка, когда напротив за столом сидит красивая молодая женщина? Никуда эта пленка не денется, шестьдесят пять лет пролежала в шкатулке и еще одну ночь пролежит, ничего с ней не сделается. Да и женщина, похоже, не против

Генрих Эрлих

продолжения банкета, раскраснелась, глаза блестят, изогнулась, приподнимается...

– Ну же. Пётр, я сгораю от нетерпения и желания, – сказала Фрэнсис, – когда же мы будем смотреть кино? Обожаю старое кино!

Получил? Нечего губы раскатывать. Тяжело вздохнув, Саров поднялся, достал из сумки шкатулку, открыл ее, вынул бобину с пленкой.

– Не думаю, что это такое уж интересное кино, – сказал он, – сплошная говорильня, вернее, монолог, монолог Теслы.

– Обожаю слушать умных мужчин! Умный мужчина может заговорить меня до... до чего угодно. Саров немного воспрянул духом. Еще не вечер!

– У вас есть белая простыня? – спросил он.

– Вы очень спешите, Пётр, – Фрэнсис погрозила пальчиком и сразу же: – У меня темное постельное белье, аквамариновое, антрацитово-черное. Шелковое.

– Я не это имел в виду, – несколько смущенно сказал Саров, – надо сделать экран. Чтобы было лучше видно.

– В России для этого используют простыни? – рассмеялась Фрэнсис. – Ну да, вы, русские, любите подручные средства. Это тупые американцы все покупают в магазине – дрова для камина, желтые листья, чтобы украсить стол в день благодаренья, землю для цветов, экраны, чтобы раз в год посмотреть старый фильм на антикварном проекторе. Пойдемте в студию, у меня найдется, что вам нужно.

Саров, прихватив бобину и чехол с проектором, поплелся за Фрэнсис. Студия оказалась действительно студией, а не жилой комнатой. Один стол был установлен какой-то электронной аппаратурой, другой – завален бумагами, на третьем, стоявшим у стены, громоздились электрический чайник, большая банка растворимого кофе, кружка, корзинка с печеньем и флакон с заменителем сахара. На полу валялось несколько листов с рисунками.

«Художница?» – подумал Саров.

– У меня легкий творческий беспорядок, – сказала Фрэнсис. – не обращайте внимания. Ставьте свой агрегат сюда.

Она быстро освободила чайный столик и выдвинула его почти на середину комнаты. Затем взяла пульт, нажала кнопку и вдоль противоположной стены сполз вниз белый экран размером в аккурат с двухспальнью простыню. Саров принялся неловко собирать проектор – а ведь в руках Сэма все казалось так просто и понятно!

– Давайте лучше я, мне эта техника немного знакома, – мягко сказала Фрэнсис и взяла деталь, которую Саров недоуменно крутил в руках.

— Насколько я понял, — сказал он, чтобы заполнить паузу, — это что-то типа хроники, вручение Тесле медали Эдисона. Интересно будет посмотреть на его лицо! Тесла ведь долго отказывался от этой награды, полагая, и, как оказалось, вполне справедливо, что все выльется в чествование Эдисона, которого всегда превозносили до небес во время этой церемонии. И действительно, тот деятель, что открывал торжественное заседание, ухитрился за время пятнадцатиминутного спича ни разу не упомянуть имени Теслы, хотя говорил о переменном токе и о перевороте в технике, который произвела система переменного тока, зародившаяся, как нетрудно догадаться, в лаборатории Эдисона. По преданию, Тесла покинул зал, и его полчаса искали, пока не обнаружили кормящим голубей на площади неподалеку.

— Все, готово, — сказала Фрэнсис, окидывая критическим взглядом проектор с заправленной пленкой. — Сейчас мы убавим свет, удобно расположимся в креслах, нет-нет, Пётр, вы в этом, а я в этом, — показала она рукой, — и внимательно посмотрим вашу хронику.

Глава 17

Странная лекция

Застрекотал проектор, зашуршала пленка, прошли первые кадры, пустые, в каких-то потеках и коричневых пятнах, их сменили кадры, перечеркнутые по диагонали, которые трепетали, как андреевские флаги на рее корабля, потом появились дрожащие титры:

*Вручение медали Эдисона Николе Тесле,
Клуб инженеров, Нью-Йорк, 18 мая 1917 года.*

Кадры большого зала с рассаживающейся по местам публикой, беззвучно переговаривающейся. Сцена с президиумом. Некто, стоящий на сцене и что-то вешающий, энергично жестикулируя. Взмах руки — и на экране загораются титры:

«Мрак скрывал Природу и законы ее.

И сказал Бог: Да будет Тесла, и стал свет повсюду».

Тут действительно вспыхивает яркий свет, высвечивая стоящего с краю сцены высокого худого мужчину в прекрасно сидящем черном фраке и белом галстуке. Титры:

«Никола Тесла!»

Тесла, кланяясь во все стороны, проходит к трибуне. Вид зала с аплодирующей публикой, многие встают. Вновь Тесла, он кланяется, прижимая руки к груди, потом поднимает их ладонями к залу, призы-

Генрих Эрлих

вая к молчанию. Он открывает рот. И – начинает говорить тихим подрагивающим голосом. «Как на старой пластинке», – подумал Саров и тут же подскочил, беззвучно разевая рот, как персонаж немого кино.

– Давайте послушаем, – тихо сказала Фрэнсис, – мне было безумно интересно.

Сарову тоже было безумно интересно. Многое. Но он сдержал рвущиеся с языка вопросы, опустился в кресло и принял внимание слушать. Постепенно он привык и к подрагивающему, не очень четкому изображению, и к немного неестественному механическому звуку. Стали видны мелкие морщинки на лице Теслы, движения его рук приобрели плавность, а голос – силу и звонкость. «Вероятно, это сознание вычищает все дефекты, – промелькнула мысль, – ведь если надеть очки, переворачивающие изображение с ног на голову, то через какое-то время в мозгу начнет возникать правильная картинка». Впрочем, и эта мысль отступила перед водопадом льющихся с экрана слов.

– Господин президент, дамы и господа! Позвольте мне сердечно поблагодарить вас за понимание и поддержку. Я прекрасно осознаю, что предыдущие ораторы сильно преувеличили мои заслуги. Так положено, на такого рода церемониях, так что мне не стоит задирать носа, но и не нужно быть излишне робким. Исходя из этого, скажу, что некоторый кредит доверия я все же заслужил, сделав несколько шагов в новом направлении.

В выступлении одного из ораторов прозвучало желание, чтобы я поведал кое-какие факты личного характера и рассказал о том, как они повлияли на мой труд. Что ж, я удовлетворю ваше любопытство и вкратце освещу эту деликатную тему.

Природа даровала мне яркое воображение, которое, благодаря неустанным упражнениям, изучению наук и явленному мне подтверждению моих теорий, стало очень точным, настолько, что я смог отказаться, в большой степени, от медленного, трудоемкого, незэкономичного и высокозатратного процесса практического воплощения тех идей, которые ко мне приходят. Но помимо этого способность видеть желаемые объекты реально и осязаемо избавила меня от болезненной тяги к обладанию бренной собственностью, которой подвластны многие.

Могу также сказать, что я очень религиозен, хотя и не в традиционном понимании. Я не устаю восхищаться природой – величественным созданием Творца. Тайны бытия, открываемые нашему взору благодаря трудам мыслителей и ученых, поражают меня своей мудростью и одновременно божественной простотой. Мне доставляет большое наслаждение вера в то, что цепь непрерывных изменений, называемая жизнью, бесконечна, что сама смерть не является конечной

точкой этих удивительных превращений. Это больше, чем вера, меня убеждают в этом свидетельства, предлагаемые моими органами чувств, равно как и изучение сухих и точных наук. Благодаря этому мне удалось обрести ничем не нарушающее спокойствие ума, которое защищает меня от неприятностей, и добиться согласия и счастья до такой степени, что я получаю удовлетворение даже от темной стороны жизни, от тягот и невзгод существования.

Теперь, когда я объяснил вам, почему мирским наградам я предпочел труды, позвольте мне перейти к рассказу о моей жизни, довольно необычной и удивительной, полной разнообразных впечатлений и происшествий. Начнем с того, что я... заколдован. Родился я точно в полночь, у меня нет дня рождения, и я никогда его не отмечаю. Но в момент моего рождения, видимо, случилось и кое-что еще, нечто необычное, и именно тогда родители определили мне судьбу священника.

В юности из-за невежества и беспечности я попадал во всякого рода опасные ситуации и переделки, из которых выбирался просто чудом. Я расскажу вам одну историю. Когда мне было шесть лет, я умудрился оказаться закрытым в небольшой часовне в горах, куда люди приходили один раз в году. На этом месте происходили леденящие кровь встречи, а рядом было кладбище. Меня закрыли там, когда я искал воробышковые гнезда, и мне пришлось провести самую страшную в жизни ночь в компании призраков умерших людей. Американцы вряд ли поймут меня, поскольку в Америке нет призраков, Америка слишком молодая, а американцы – слишком практичны. Как ведут себя американцы при встрече с призраками, очень точно описал английский писатель Оскар Уайльд. Но Англия – тоже довольно молодая страна, в ней призраки обитают только в старинных замках. Я же родился в древней стране, кишащей призраками. Они толпами проходили у меня перед глазами, пока я сидел в часовне. Наконец, как по волшебству, я был спасен.

После этого было еще много историй. Несколько раз я чуть было не утонул, три или четыре раза меня почти кремировали и один раз я едва не был сварен заживо. Меня хоронили, теряли и замораживали. Я был на волосок от смерти, спасаясь от бешеных собак, вполне здоровых, и даже здоровенных кабанов и других диких животных. Я переболел ужасными болезнями – три или четыре раза врачи полностью отказывались от меня, а родители заказывали гроб. На мою долю выпадали всяческие нелепые случайности – не могу вообразить что-то, чего со мной не было. Все эти ужасные годы остались позади, сейчас, перевалив шестидесятилетний рубеж, я крепок и бодр, молод душой и телом, все это я воспринимаю не иначе как маленькое чудо.

Генрих Эрлих

Но жизнь моя была удивительной и в ином отношении – как изобретателя. Я не говорю сейчас о сосредоточенности, физической выносливости и энергии – все эти качества довольно обычны. Если вы изучите жизнеописания успешных изобретателей, то обнаружите, что они были, как правило, замечательно сильны и умственно, и физически. Красноречивое подтверждение тому – моя, работа в компании Эдисона. Мы начинали свой день, в половине десятого и заканчивали в пять утра на следующее утро. Продолжалось это в течение девяти месяцев каждый день. Все сдались. Остались я и Эдисон, но он иногда дремал за рабочим столом. И тогда он сказал мне: «Такого я никогда не видел, торт победителя – ваш».

Но это все внешняя сторона событий, главное же в том, что происходило и происходит у меня внутри. И здесь опять необходимо вернуться к истокам, иначе вы не поймете, как мне удалось сделать все мои изобретения. С самого детства меня одолевал странный недуг – я видел образы и предметы и даже целые сценки, являвшиеся мне в сопровождении вспышек света. Я видел их в реальности, никогда не выдумывал. Меня консультировали у исследователей-психологов и физиологов, а также у других специалистов, и никто из них не мог объяснить этих явлений, они казались уникальными, хотя к ним был предрасположен не только я, мой брат тоже видел образы. Вы можете подумать, что у меня были галлюцинации. Это невозможно. Галлюцинации возникают только в больном, воспаленном мозгу. Моя же голова всегда была чиста, и я никогда не испытывал страха.

Образы, которые я видел, сильно беспокоили меня. Приведу такой пример. Предположим, я был свидетелем похорон: В моей стране такая церемония – настоящая пытка. Мертвое тело покрывают поцелуями, затем обмывают и оставляют для прощания на три дня, потом слышатся тяжкие звуки падающей земли, и наконец все заканчивается. Некоторые картинки, например, гроб, были не просто яркими, но иногда настолько реальными, что, когда я протягивал руку, я видел, как она пронзает изображение.

«Странный пример, – подумал Саров, – особенно для речи на чествовании по поводу вручения престижной награды». Он попытался представить, как какой-нибудь из российских академиков стал бы говорить что-нибудь подобное с трибуны на торжественном заседании Академии наук, собственно, пытался он представить реакцию высокого собрания на подобные невозможные высказывания, но мысли его прервала Фрэнсис.

– Странный пример, – сказала она, – странный потому, что похороны не могли производить на юного Теслу такого сильного впечатления. Он рос в деревне, потом в маленьком городке, у него была многочисленная родня. Смерти и похороны должны были сопровождать его

с раннего детства. Поразить его могла лишь смерть любимого старшего брата, но он говорит явно не об этом.

– Странным здесь является не это, – раздумчиво сказал Саров, – непонятно, где находится, – он чуть запнулся, подбирав слово, – наблюдатель. Для стороннего наблюдателя такая эмоциональная реакция, пожалуй, действительно избыточна, а вот для... – Он замолчал, откинулся на спинку кресла и, подняв руку, стал как бы ощупывать пальцами что-то у себя над головой, потом резким и одновременно боязливым жестом проткнул пространство – Н-да, – сказал он.

Фрэнсис в ужасе смотрела на него. Саров повернулся к ней, ободряюще улыбнулся, потом перевел взгляд на экран. Тесла неподвижно стоял, молча глядя на них. Убедившись, что они завершили свой разговор, он встряхнул головой и продолжил.

– Теперь я смотрю на это так: эти образы были просто результатом обратного воздействия главного нерва на сетчатку и производили эффект, подобный проекции через линзу. Если мое мнение верно, то можно проецировать образ любого предмета, представленного мысленно, на экран и видеть его. Такая разработка произведет революцию во всех сферах человеческой деятельности. Я убежден, что это можно сделать и что это будет сделано.

Но вернемся назад. Чтобы освободиться от этих мучительных видений, я пытался сконцентрировать свои мысли на чем-нибудь другом, виденном мною раньше, и, поступая таким образом, часто добивался временного облегчения. Но для этого мне приходилось быстро менять воображаемые образы. Вскоре я обнаружил, что мой запас образов иссяк, «бобина с кинолентой» кончилась.

Тесла вдруг замолчал и обвел взглядом зал, остановив его на... Сарову показалось, что на нем, так что он какое-то время смотрел прямо в глаза Тесле. Потом Тесла чмокнул и продолжил:

– Тогда я стал совершать экскурсии за пределы известного мне мирка и увидел новые пейзажи. Сначала они были расплывчатыми и мутными и таяли, когда я пытался сосредоточиться на них, но постепенно я научился фиксировать их. Они приобрели яркость и отчетливость и, в конце концов, приняли форму реальных предметов. Вскоре я сделал открытие, что лучше всего себя чувствовал, если двигался вдоль открывающихся одна за другой картинок, получая все новые и новые впечатления. Потом они обрели объем, и я научился двигаться внутри их. Таким образом я начал путешествовать. Мысленно, конечно. Еженощно, а иногда и днем, оставшись один, я отправлялся в свои путешествия. Я видел новые места, города и страны, я жил там, знакомился с людьми, заводил друзей, и они были мне так же дороги, как и те, что окружали меня в реальной жизни, и были ничуть не менее реальными. Этим я занимался до тех пор, пока не повзросел.

Генрих Эрлих

Когда я обратился к изобретательству, то обнаружил, что могу мысленно представлять свои идеи, и притом очень отчетливо. Мне не нужны были модели, чертежи и опыты, я мог создавать их в уме, что я и делал. Таким образом я, не осознавая этого, пришел к развитию, как считал, нового метода материализации изобретательских концепций и идей, который радикально отличался от чисто экспериментального, непревзойденным мастером коего является, без сомнения, Эдисон. В тот момент, когда изобретатель конструирует какое-либо устройство, чтобы облечь в форму незрелую идею, он неизбежно оказывается в полной власти своих мыслей о деталях и недостатках этого механизма. Пока занимается исправлениями и переделками, он отвлекается, и из поля зрения, уходит важнейшая идея, заложенная первоначально. Вы получаете результат, но жертвуете качеством. Мой метод иной. Я не спешу приступить к конструированию. Когда у меня рождается идея, я сразу же начинаю развивать ее в своем воображении. Я меняю конструкцию, улучшаю её, ставлю опыты, привожу все в движение. Для меня совершенно неважно, запускаю я свой двигатель в мыслях или в лаборатории. Разницы никакой, результат тот же. Таким способом я могу быстро совершенствовать свое изобретение, ни к чему не прикасаясь. Когда учтены все возможные и мыслимые усовершенствования и не видно никаких слабых мест, я строю окончательное изделие. Изобретенное устройство неизменно работает так, как, по моим представлениям, ему надлежит работать, и испытания проходят так, как я планировал. За тридцать лет не было ни одного исключения. Почему должно быть иначе? Инженерной работе в области электричества и механики свойственны точные результаты. Почти каждый объект можно описать математически и просчитать результаты. Но если ситуация такова, что результаты нельзя получить строгими математическими методами или при помощи упрощенных вычислений, у нас есть весь наш опыт и все знания, из которых мы можем исходить и строить наши модели. Зачем же облекать в форму незрелую идею? В этом нет необходимости, это пустая траты энергии, денег и времени.

Здесь я хочу прояснить один момент, чтобы не возникло непонимания. Могло сложиться впечатление, что в изобретательстве все решает точный расчет, что неудачи, которые терпит изобретатель, долгие искания единственно верного решения обусловлены лишь ошибками в расчетах или несовершенством используемых им математических методов. Что в будущем, когда будут созданы автоматы, способные производить сложнейшие расчеты и даже обладающие памятью, огромной памятью, вмещающей все, что известно человечеству, изобретательство превратится в рутинную процедуру. Это не так. Автомат, созданный человеком или другим автоматом, никогда не

будет обладать тем, что свойственно только человеку. Я имею в виду интуицию. Интуиция есть нечто, выходящее за пределы знания. Мы, несомненно, имеем более тонкую материю, которая дает нам возможность постигать истины, когда логическая дедукция или любое другое волевое усилие мозга тщетны. Размышляя логически, мы не можем выйти за пределы определенных знаний, но интуиция позволяет преодолевать громадные расстояния.

Здесь я хочу рассказать одну историю, имеющую отношение к Эдисону, главному персонажу сегодняшнего торжества. Приехав в Америку, я познакомился с Эдисоном, и он произвел на меня необычайное впечатление. Когда я увидел этого выдающегося человека, не имевшего теоретической подготовки, никакой поддержки, достигшего столь многоного благодаря невероятному усердию и применению своих талантов на практике, я ужаснулся тому, как бездарно растратил свою жизнь. Я изучил несколько иностранных языков, перерыв годы книги по литературе и искусству и провел свои лучшие годы в библиотеках, читая все, что попадало под руку. Мне подумалось: если бы я приехал в Америку раньше и посвятил все свои мысли изобретательству, как многоного бы я смог достичь! Позже я осознал, что не произвел бы ничего. Интуиция питается, с одной стороны, научной подготовкой, знанием множества фактов, далеких от предмета размышлений изобретателя, а с другой стороны, общей культурой и наблюдениями за явлениями окружающего мира. Я неоднократно рассказывал, в том числе многим присутствующим в частных беседах, о том, при каких обстоятельствах открыл врачающееся магнитное поле. Не хочу повторяться, скажу лишь, что в тот момент у меня перед глазами было заходящее солнце, завершающее свой ежедневный оборот, волнистая цепь гор, торчащие вверх вершины деревьев, в голове у меня звучали стихи Гёте, все это замкнуло какую-то цепь ассоциаций, и передо мной предстало врачающееся магнитное поле, которое тут же обросло металлическими деталями.

Или еще один пример. Однажды, когда я гулял по лесу, разразилась страшная гроза, и я укрылся под деревом. Воздух сделался тяжелым. Вдруг ударила молния, и сразу после этого хлынул ливень. Тогда у меня появилась первая идея. Я понял, что солнце поднимает ввысь водяные испарения, ветра гонят их в отдаленные регионы, где они собираются и достигают того состояния, когда легко сгущаются и вновь проливаются на землю. Этот животворный поток поддерживается исключительно энергией солнца, и молния, или иной подобный фактор, служит только спусковым крючком для того, чтобы высвободить энергию в нужный момент. Я начал работать над проблемой создания машины, которая позволила бы высвобождать потоки воды в нужном месте и в нужное время. Если бы это стало возможным, мы

Генрих Эрлих

могли бы извлекать неограниченное количество воды из океанов, создавать озера, реки и водопады и безгранично увеличить количество гидроэлектроэнергии, которой сейчас недостает. Все это привело меня к созданию электрических эффектов необычайной силы. Я также создал ряд устройств для беспроводной передачи энергии. В 1908 году я подал заявку на патент с описанием устройства, которое, я был в этом уверен, могло сотворить чудо.

Саров подскочил на месте. Тесла перевел взгляд в зал и, глядя в глаза Сарову, сказал, с сожалением разведя руки:

– Инспектор-испытатель Патентного бюро был из Миссури... Я вижу улыбки в зале. Не думаю, что это уроженцы славного штата Миссури, просто они имели с ними дела. Они уже все поняли: инспектор не поверил, что предложенное мною можно сделать, и патент мне не выдали, единственный раз в моей жизни. Инспектор хотел своими глазами увидеть устройство в действии, увидеть результат его работы. По ряду причин я не мог показать ему этого. Он так и не понял, как ему повезло. – На лице Теслы промелькнула легкая улыбка.

– Как бы то ни было, рано или поздно, при моей жизни или после, но проект передачи энергии через пространство затмит все остальные, он обречен на успех. Об этом говорит не только моя интуиция, но и мой опыт. Уже в описанное мною время мне приводилось передавать энергию без проводов на любое расстояние, ограниченное только размерами земного шара. Мой системе все равно, какое задано расстояние. КПД передачи может достигать 96 или 97 процентов, а потеря практически не существует, за исключением тех, что возникают при работе машин. Когда нет приемника, нет и потребления энергии.

Когда мы включаем приемник, он потребляет энергию. Это как раз противоположно волновой теории Герца. В этом случае, если у вас имеется передатчик мощностью в тысячу лошадиных сил» он излучает постоянно, и не важно, принимается ли где-либо энергия. В моей системе энергия не теряется. Когда нет приемников, передатчик потребляет только несколько лошадиных сил, необходимых для поддержания электрических колебаний; он работает вхолостую, как электростанция Эдисона, когда моторы и лампы выключены.

За последние годы я несколько улучшил систему, сделав ее, с одной стороны, более практичной, а с другой, расширив ее возможности, которые более не ограничены земным шаром, ей доступны все миры. Недавно я все же получил патент на передатчик, при помощи которого можно на практике передавать любое количество энергии на любое расстояние. Мы поставили несколько опытов совместно с господином Стоуном, которого я считаю если не самым одаренным, то уж точно одним из самых одаренных из ныне здравствующих специа-

листов. Я сказал господину Стоуну: «Вы видели мой патент?» Он ответил: «Да, я его видел, но подумал, что вы сошли с ума». Когда я объяснил суть дела, он сказал: «Теперь я понимаю его величие», – ему стал понятен принцип передачи энергии.

В заключение я хочу сказать, господа, что мы движемся к великим свершениям, но мы должны быть готовы к состоянию, так сказать, временного паралича. Мы стоим перед кризисом, какого мир еще не видел, и в ближайшие годы все наши усилия будут сосредоточены на том, чтобы выжить в условиях этого кризиса и преодолеть его последствия. Как раз этим я в настоящее время и занят. Благодарю за внимание.

«Как-то очень резко он свернул свою речь, – подумал Саров, – как будто сказал все, что хотел сказать. Или действительно сказал все, что хотел сказать? И о каком кризисе он говорил? Дело было в начале 1917 года. Вряд ли он имел в виду грядущие события в России или Великую депрессию и Гитлера с фашизмом и Второй мировой войной. Тесла был, конечно, великий человек, но заглядывать в будущее никому не дано, это все сказки. Н-да, непонятно».

Глава 18

В кулуарах собрания

Саров поставил на стол пустую чашку из-под кофе, откинулся в кресле, посмотрел лукаво на молодую женщину, сидевшую напротив.

– Только не убеждайте меня, Фрэнси, что Тесла придумал еще и звуковое кино, – сказал он, смеясь.

– Не придумал, то есть он никогда не говорил об этом вслух. Но ведь мог придумать!

– Мог. Там, в общем-то, и придумывать ничего не надо было. Все упиралось в технику.

– Ну вот видите!

– Что я должен видеть?

– Что он мог придумать. И устройство создать.

– И звук на кинопленку записать, – продолжил Саров.

– Вот именно!

– Угу. А еще он создал удивительный проектор, который воспроизводит звук, не имея для этого никаких приспособлений, включая динамики, и передал этот уникальный экземпляр потомкам.

– А что, не мог? – с обидой в голосе спросила Фрэнсис. – Шкатулку же передал. Какая разница?

Генрих Эрлих

– Разницы никакой, согласен. Особенно если они хранились вместе, на одном чердаке. Тогда зачем весь этот спектакль? Шкатулка в Санта-Фэ. проектор в Колорадо-Спрингс.

– Не хранились, – тихо сказала Фрэнсис, – у меня была одна шкатулка, а этот проектор я первый раз вижу.

– Верю, – улыбнулся Саров, – этот проектор вы действительно видите в первый раз в жизни. Потому что если бы вы видели его раньше, вы бы никогда его не забыли и сразу узнали. Ведь это не простой проектор, это волшебный проектор. Он продолжает работать и выдавать изображение даже тогда, когда пленка давно кончилась. Такой аппарат мог выйти только из рук Теслы, это фокус в его стиле. Да! Это еще какой-то самообучающийся проектор! То рябил и пестрил целлулоидной пленкой, а потом вдруг раз и начал выдавать цифровое изображение в лучших традициях «Планеты Голливуд».

– Я не успела, – еще тише сказала Фрэнсис, – у меня было мало времени.

– Что не успели?

– Доделать фильм.

– Значит, ваша работа... – протянул Саров.

– Да, это моя работа, я этим занимаюсь, – виновато сказала Фрэнсис и, собравшись с духом, быстро заговорила: – Я когда нашла эту шкатулку, то сразу поняла, что документы очень ценные. Я слышала о Тесле, мне еще дедушка рассказывал. И в Интернете я посмотрела, просветилась. Но я ничего не могла понять. Все эти приборы, электричество. Вы понимаете, как течет электрический ток? Конечно понимаете, все мужчины это понимают, а вот женщины – нет. Это единственное препятствие на пути феминизма, что женщины не могут понять некоторых вещей, над которыми мужчины даже не задумываются.

– Шкатулка, – тихо сказал Саров.

– Для меня все бумаги из шкатулки были как темный лес, смотрю, а ничего не вижу, то есть не понимаю. Я даже повесть Марка Твена не поняла, хотя два раза подряд прочитала. Это какой-то непривычный Марк Твен. Я все ждала, когда же главные герои отправятся в будущее, откуда прибыл таинственный незнакомец, там бы начались всякие забавные приключения в стиле Марка Твена, не этого не случилось. И зачем он это написал? Я все ломала голову, но так ничего и не придумала.

– Пленка, – шепотом напомнил Саров.

– Пленка – это мое, в пленках я понимаю. То есть я в кино понимаю. А еще вернее, в создании изображений. Я и в Голливуде подрабатывала, – с гордостью сказала Фрэнсис, но тут же спохватилась: – А вообще-то я занимаюсь анимацией, компьютерной графикой, я в

институте работаю, здесь, в Санта-Фэ. Я поэтому в эту пленку так и вцепилась. Достала проектор, просмотрела и – опять ничего не поняла. Зачем все это? То есть кому это интересно? То есть, конечно, интересно, как всякая старая хроника, интересно увидеть, как выглядел Тесла на самом деле – фотографии ведь не дают такого представления, не так ли? Но эта пленка, как бы это сказать, не эксклюзив. Все документы из шкатулки эксклюзивны, все содержат пометки, сделанные рукой Теслы, автограф мастера придает ценность даже ресторанному счету, а пленка... Она наверняка есть в каком-нибудь архиве или была при жизни Теслы. зачем ее хранить? И я тогда решила... Вы правильно угадали в первый раз, когда мы переписывались с вами. Я расчитливая особа, как и все американцы. Я решила сделать из этой пленки короткий фильм и продать его какому-нибудь образовательному каналу. Это просто, то есть сделать фильм из этой пленки – просто. Тесла все время стоит на одном месте, движутся губы, глаза, руки, изредка он наклоняет голову, иногда улыбается. Надо лишь согласовать все эти движения с текстом. Образец голоса Теслы я тоже достала. Тут еще меньше нужно. Пусть актер скажет мне одну коротенькую фразу, через неделю я озвучу любой фильм с его участием, никто не отличит, и он сам в том числе. Так что тут все чисто, с экрана говорит Тесла.

– А текст? – спросил Саров.

– С текстом я намучилась, хотя думала, что это самое простое. Но ведь я не специалист по Тесле.

– Я не это имею в виду. Я тоже невеликий специалист по Тесле, нет-нет, Фрэнсис, не спорьте, я любитель, я поклонник таланта Теслы, не более того, но кое-что читал. Так, вот, полный текст этого выступления Теслы мне ни разу не попадался, хотя ссылок на него и цитат предостаточно.

– Я об этом и говорила! В результате долгих поисков я нашла текст на сербском сайте, слава богу, что на английском. Но текст был какой-то странный, очень длинный, путаный...

– Тесла был, как бы это помягче сказать, многословен, а полные тексты своих выступлений не готовил заранее. Да и вся обстановка того собрания... Я вам рассказывал... Немудрено, что временами он мог говорить сбивчиво и пугано.

– Здесь немножко другое. Такое ощущение, что речь записывали несколько разных людей, а потом просто сложили получившиеся варианты, не потрудившись убрать повторы и разнотечения.

– А вы убрали? – с улыбкой спросил Саров. Фрэнсис кивнула головой с виноватым видом.

– Я сделала что-нибудь не так? – спросила она.

Генрих Эрлих

— Нет, вы все сделали правильно. И все правильно угадали. Пленке ценна не сама по себе, она лишь знак, указатель на текст, смысл — в тексте. И мне кажется, что этот смысл вы уловили верно. Хотя, конечно, надо внимательно прочитать исходный текст, тот, что вы достали, вдруг вы что-то упустили, какую-нибудь мелкую деталь.

— А что вы уловили?

— Пока все очень неопределенно, — Саров повертел пальцами в воздухе, — но кое-что проясняется.

— Я помогла вам в вашем расследовании?

— Каком расследовании?

Вопрос остался без ответа. Собеседники молча смотрели друг на друга. Наконец Саров сказал:

— Вы попросили меня изучить некоторые документы, чтобы определить их значимость. В моем исследовании, — подчеркнул он, — рано ставить точку. Но надеюсь, что в ближайшие дни я заполню имеющиеся пробелы.

— В Америке то, чем вы занимаетесь, называется расследованием. У нас так говорят, — извиняющимся голосом сказала Фрэнсис, — но вам, как ученному, конечно, ближе слово исследование, я понимаю. И каковы же предварительные результаты вашего исследования? Расскажите, пожалуйста, мне ужасно интересно. Я страсть какая любопытная! А вы так увлекательно рассказываете! Так много знаете!

«Ох, лиса! — подумал Саров, сдерживая улыбку. — Знаешь, как с нашим братом обращаться!» Улыбаться расхотелось.

— Конечно, расскажу, — сказал он, — вот заполню пробелы и — расскажу. Будет повод навестить вас. Заодно и шкатулку с документами верну.

— Не спешите! Ой, я хотела сказать, не спешите возвращать шкатулку с документами. А заезжайте в любой день. Как заполните какой-нибудь пробел, так и заезжайте, я буду вас ждать.

«Похоже, мне мягко намекают, что пора и честь знать», — подумал Саров.

— Что ж, время позднее... — сказал он, поднимаясь с кресла.

— Ну куда же вы поедете? Время позднее, — ответила Фрэнсис, но без призыва в голосе, дань вежливости, не более того.

Саров подошел к проектору.

— Нет-нет, — быстро сказала Фрэнсис, — позвольте мне. А вы сделайте, пожалуйста, еще по чашечке кофе.

— Надеюсь, когда-нибудь вы мне расскажете, как вы все это сделали, — сказал Саров, улыбаясь.

— Может быть, и расскажу, — кокетлива ответила Фрэнсис.

— Ловко вы меня провели! — воскликнул Саров. «Вот только зачем? — подумал он. — Зачем все эти тайны мадридского двора?»

– Вас очень трудно провести, Пётр!

Глава 19

Будь проще!

Трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Эта древняя мудрость вспомнилась Сарову после того, как он по возвращении в Колорадо-Спрингс еще раз просмотрел документы из шкатулки. Три дня назад казалось, что в них действительно содержится некое зашифрованное послание, скорее даже что-то вроде инструкции или руководства к действию. Во время вторичного посещения дома Фрэнсис и совместного просмотра старой кинопленки это ощущение не только окрепло, в голове забрезжила разгадка, стали пропасть контуры какой-то установки, казалось, еще чуть-чуть и... И – ничего. Все резко свернулось, и наступило отрезвление. Сейчас все представлялось таким образом, что он просто пошел на поводу у Фрэнсис, которой непременно хотелось, чтобы документы из шкатулки были чем-то большим, чем собранием автографов Теслы, что, поддавая ей, он сам невольно поверил в существование какого-то зашифрованного послания, что же до забрезжившей разгадки и видений контуров некой установки, так это все следствие откровений Теслы в прослушанной ими лекции.

В комнату заглянул Сэм, окинув оценивающим взглядом кипу документов, опустошенную шкатулку, понурого Сарова, понимающе кивнул и с преувеличенной бодростью сказал:

– Что-то засиделся ты, парень, над своими бумагами. Эдак можно и умом двинуться. Поедем-ка лучше в горы. Давно собирались.

В горы так в горы. Саров был сейчас на все согласен. Тем более что он был уверен, что Сэм тянет его в горы не ради прекрасных видов или свежего воздуха, что у него есть в загашнике какой-то сюрприз. Так и оказалось. Сэм не долго мучил Сарова горными дорогами и пронизывающим ветром на смотровых площадках, где-то через пару часов он мягко дотронулся до руки Сарова и сказал:

– Сейчас будет поворот направо. Вот, сразу за мачтой высоковольтной линии. Поверни. Заедем в одно место.

Единственным указателем была табличка с надписью «Частная собственность». Узкая дорога шла через негустой лес, главной достопримечательностью которого служили щедро разбросанные валуны, покрытые мхом. Через полкилометра дорога уперлась в символические ворота, сделанные из нескольких толстых жердей и навевавшие

Генрих Эрлих

мысли об американском ранчо или русской деревне. Сэм вылез из машины, отвел в сторону створку ворот, призывно махнул рукой.

Бревенчатый одноэтажный дом с высокой двускатной крышей, скалистые горы за спиной и горка из камней перед домом, пологий склон с разбросанными там и тут кустами. Смутно видневшийся поодаль и внизу город лишь подчеркивал уединенность этого места и его оторванность от цивилизации. Саров вдруг ощущил необычайную легкость в теле и мыслях, как будто он парил над землей, возносясь к высшим сферам бытия и сознания. «Возможно, нечто подобное испытывал в этих местах Тесла», – подумал он и, повернувшись к Сэму, сказал:

– Славное mestечко! Ваше? – Сэм кивнул головой. – Загородное поместье?

– Что-то вроде этого, – сказал Сэм, неопределенно помахав в воздухе рукой, и добавил: – У нас раньше все люди стремились обзавестись домиком в горах или у озера, в общем, на природе, чтобы было куда сбегать от городской суеты.

– У нас тоже, – ответил Саров, – только у нас еще и выращивали что-нибудь полезное, картошку, ягоды, фрукты.

– О, экологически чистые продукты, – понимающе протянул Сэм.

– Да нет, просто продукты, у нас были с этим проблемы, – сказал Саров, – тут уж не до экологии и не до природы. Участки были небольшие, что-то в десятую долю акра, и плотно лепились один к другому, сотни участков. А у вас тут просторно. И соседей нет.

– Есть, несколько таких же бирюков, как и я. Я их и не вижу.

Саров тоже не увидел вокруг никаких домов, сколько ни всматривался.

– Славное mestечко, – повторил он, – тут бы жить да жить.

– Вот и живи, – просто сказал Сэм.

Саров внимательно посмотрел на него, вопросительно подняв брови. Сэм, наоборот, брови опустил, пряча хитрый взгляд. «Так-так, – подумал Саров. – вот, значит, куда меня заманивали. Что ж, славное mestечко». Вот ведь привязалось!

Он повел головой из стороны в сторону. Отметил толстые провода, тянущиеся к дому. Да они никак к высоковольтной ЛЭП подсоединились. Зачем им такая прорва электроэнергии? Почти из самого конька крыши торчала вертикально вверх длинная металлическая спица. Явно не телевизионная антенна. Саров обошел дом. Обнаружил две глубокие, с человеческий рост, ямы, где-то метр на метр. Рядом высились кучи извлеченной породы, преимущественно камни с относительно свежими сколами. Да и листвы с хвоей между камнями было немного.

— Недавно копали, — с неопределенной интонацией сказал Саров, то ли вопрос, то ли констатация.

— Прошлым летом, — ответил Сэм и застыл в ожидании следующего естественного вопроса.

«Зачем копали, это мы потом выясним, — подумал Саров, — вернее. Сэм сам все расскажет».

За домом стоял сложенный из бревен сарай без окон и крыльца, с широкой и высокой дверью. Монументальная кладовка, подумал Саров, направляясь к нему. Сэм, опередив его, отомкнул навесной замок, широко распахнул дверь, щелкнул выключателем. Сарай озарился ярким светом, в котором тепло и мягко засветилась медь, которая была тут повсюду и в любом виде — проволока толстая и тонкая, свернутая на бобины, какие-то болванки и заготовки непонятного предназначения, стержни толщиной в палец, листы.

«Страна непуганых идиотов, — подумал Саров, — у нас такое богатство дня бы не пролежало, мигом бы очутилось в пункте приема вторсырья. Совсем местные бомжи обленились, только и знают: мистер, дай десятку!»

Он подошел к прислоненным к стене медным листам. Толстые, почти в сантиметр. Прикинул вес, вышло, что никакой бомж не увлечет. Еще раз прикинул размер — в аккурат в выдолбленные ямы войдут.

— Хорошее заземление, — сказал он, — только дорогое.

— Дорогое! — протянул Сэм. — Мы хотели еще жидким воздухом залить, вот это было бы дорого!

Сказал и осекся. «Как учил нас великий Тесла», — подумал Саров и продолжил вслух:

— Лучше жидким азотом, В советское время жидкий азот у нас стоил дешевле газировки.

— А сколько стоила газировка? — спросил Сэм.

— Одну копейку, — ответил Саров, — что-то около цента, за стакан, это если без сиропа. С сиропом — три копейки.

— Все равно почти даром, — сказал Сэм и махнул рукой в сторону дома: — Давай зайдем, что ли?

Они поднялись на высокое крыльцо, вошли в дом. Никаких перегородок внутри, входная дверь открывалась в единственную комнату, казавшуюся очень большой, потому что в ней почти ничего не было. Посередине стояла катушка, свернутая из толстой медной проволоки диаметром около двух метров, от нее вверх шел провод, соединявшийся с толстым медным стержнем, судя по всему, с антенной, торчавшей из крыши. Вдоль всей дальней глухой стены тянулся стол, на котором ничего не стояло, на стене висела запаянная с двух сторон стеклянная трубка, обычная трубка, без проводов и прочих

Генрих Эрлих

приспособлений. Сэров перевел взгляд в левый от себя угол. Холодильник, антикварного вида умывальник, тумба, на которой стояли электроплитка и чайник, прислоненная к стене разделочная доска, над ней несколько висящих на гвоздях металлических кастрюль и сковородок, микроволновка на специальной полочеке. Саров посмотрел вправо. Узкая лежанка, покрытая сшитым из красных и зеленых квадратов одеялом, простой дощатый стол, на их фоне офисное кресло на колесиках смотрелось неуместно. Впрочем, сбоку от стола стояла обычная деревянная табуретка. Жить можно, подвал итог Саров.

— Тут и Сеть есть, — сказал Сэм, — вот только удобства на улице, биотуалет, рядом с сараем.

— Ничего, мы привычные, — ответил Саров.

— Я музей тут начал создавать, — сказал Сэм, — давно, очень давно. Все сам, нелегко было. Кое-что собрал, кое-что сделал. Но здесь места мало, сам видишь. Пришлось в город все перенести.

— Друзья помогли? — спросил Саров.

— Да, — ответил Сэм, — я же со многими в поисках материалов контактировал, у нас даже некое общество образовалось, насл... — Он застонал и быстро продолжил: — Людей, которые наследием Теслы интересуются, вот они и помогли. Я бы сам тот дом, где сейчас музей, не потянул.

— Значит, музей теперь там, а здесь что-то вроде лаборатории, — сказал Саров.

— Что-то вроде этого, — пожал плечами Сэм.

* * *

«Зачем нужно было так все усложнять? — с легким раздражением подумал Саров, глядя на кипу лежащих перед ним бумаг. — Истина как соль, если хочешь спрятать кристаллик соли, совсем не обязательно растворять его в кубометре воды, достаточно поллитровой бутылки. Можно вообще не растворять, а положить в пакетик и оставить на видном месте — никто не заметит. Если Тесла хотел оставить какое-то послание потомкам, то почему он не написал все четко и ясно, для конспирации, коли уж нашла охота играть в эти игры, придав тексту вид черновика статьи. Засунь его в стопку из десятка других статей и — все, ни одна собака не найдет, разве что будет точно знать, что и где искать».

Положим, где искать, он знал — вот в этой самой кипе. Он даже принял в качестве исходной гипотезы, что существует предмет поисков. Вот только он никак не мог определить, что же, собственно, надо искать. Древняя мудрость несколько трансформировалась: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если на самом деле это не кошка, а мышка.

«Неужели Тесла так ничему и не научился за свою долгую жизнь? – продолжал размышлять Саров, – Сколько раз он подносил человечеству на блюдечке великие изобретения, а люди не принимали дар. В некоторых случаях из эгоистических соображений, как тот же Морган с беспроводной передачей энергии или Форд с электродвигателем, это еще можно объяснить. Но в других-то – от непонимания, от нежелания понять, от неспособности понять. Почему Тесла считал, что в будущем люди будут способны понять его идеи? Они что – станут умнее? Мы – стали умнее?»

Под словом «мы» Саров подразумевал ученых. И он сильно сомневался в том, что ученые начала двадцать первого века умнее их старших коллег времен Николы Теслы, Эйнштейна, Шредингера, Бора, Гейзенберга и прочих. Старики были широки, они видели общую картину мира и решали глобальные проблемы. А мы, нынешние, слишком специализированы, слишком узки, мы видим лишь узкий фрагмент картины и занимаемся техническими задачами. Знаем-то мы в своей узкой области неизмеримо больше, но применяем эти знания как-то механически, не задумываясь над сутью вещей и явлений. А как стали во всем полагаться на компьютеры, так вообще думать разучились.

«Да, старики записки Теслы скорее всего бы поняли», – подумал Саров и принялся вновь перебирать карточки, на которые он выписал некоторые ключевые, как ему казалось, выдержки из найденных в шкатулке текстов. С картонками получалось не то чтобы лучше, чем на компьютере, но как-то по-другому, совсем другие мысли приходили в голову. Он раскладывал пасьянс из карточек, так и эдак, надеясь, что какое-то сочетание вызовет цепь ассоциаций, натолкнет на ключевую мысль, покажет путь к разгадке.

Ничего не получалось. Самое простое содержалось в письме Моргану: «То, что я задумал, не есть просто перенос сигналов на большие расстояния без употребления проводов, а скорее трансформация всего глобуса в существо чувствующее, каким именно и является глобус, могущий чувствовать всеми своими частями, и сквозь который мысль проносится, как через мозг».

Все остальное именно что проносилось через мозг, не оставляя там никакого следа. Мозг отказывался понимать фразы типа: «В ходе экспериментов удалось определить частоту и вид модуляции тонкого тела живых людей и разноплановых душ». Последнее Саров перевел только с помощью словаря, а потом еще пришлось найти в Сети и прочитать, что такое разноплановая душа. Понимания это не прибавило. Слово «душа» Саров всегда употреблял исключительно в метафорическом смысле, в бога Саров не верил, а без бога и души нет,

так он себе представлял. Как несуществующее можно охарактеризовать какими-то частотами? Да никак нельзя. Тупик.

Еще труднее оказалось поверить в эфир. Бог и душа лежали за пределами знания, это все вопрос веры, Саров, например, не верил, но он мог ошибаться. Он в этом деле не эксперт, можно сказать: полный профан. Он до самого последнего времени даже не задумывался над этими вопросами. Его неверие было той же самой верой, но со знаком минус. Он в этом неверии вырос и прекрасно обходился все эти годы без бога и души, они ему были не нужны даже на уровне гипотезы. Но если ему явят неопровергимые доказательства их существования, то он вполне может изменить свою точку зрения. Вот до чего он додумался, сидя в одиночестве в избушке в Скалистых горах.

С эфиром другое дело. Тут Саров считал себя экспертом, он это давнее заблуждение разбивал на лекциях студентам походя. И всегда досадовал, что Тесла так упорно держался за эту концепцию. И в своих записках все выводил именно из нее. Материя у него выходила одной из форм возбужденного состояния эфира, «сгущенным светом». Все объекты, включая людей, были сложены фактически из электромагнитных волн, все события, происходящие в природе, были лишь проявлением действия этих волн, все в мире, вещи, люди, происходящие с ними события, оказывалось во взаимосвязи за счет электромагнитного резонанса, который возводился в статус одного из наиболее общих природных законов. Из этого вытекало множество выводов. В частности, то, что, будучи связанными за счет резонанса со всей Вселенной, мы, в принципе, знаем все обо всем, надо только уметь распознать это знание. Что резонанс устраниет время и расстояние. Что материя рождается из эфира за счет резонанса. А еще каждый объект, каждый человек, должен характеризоваться некоторым набором частот, строго индивидуальных, своеобразным идентификатором, который позволяет человеку воздействовать на любой другой объект Вселенной, влиять на все космические процессы.

Саров посмотрел на карточку, на которой было написано: «Сознательное намерение обладает огромной мощью, и наш главный выбор заключается в том, чтобы принять ответственность за его результаты». Подобные фразы он встречал и раньше в различных статьях Теслы, но теперь она приобрела совершенно другое звучание.

Вообще-то Саров не в первый раз столкнулся с такими теоретическими построениями. Апостолы так называемой новой физики, ссылающиеся на Теслу как на мессию, заполонили Интернет своими статьями об эфире, новой концепции времени-пространства и связи всех объектов и явлений посредством резонанса. Но если бог лежал за пределами знания, то эти работы лежали за пределами науки, в сфере лженауки, они были уделом маргиналов, не принадлежавших к нау-

чному сообществу. Научное сообщество было в этом смысле чрезвычайно строго, ученые могли снисходительно посмеиваться над верой кого-нибудь из коллег в бога, но любой отход от «генеральной линии» в науке карали беспощадно – изгнанием из своих рядов. Собственно, все общепринятые современные воззрения объявлялись когда-то ересью и лженаукой, меланхолично подумал Саров, и тогдашним ученым новые теории казались столь же неубедительными, как и построения апостолов «новой физики» ему самому. Да и Тесла, к сожалению, тоже неубедителен. Он еще раз просмотрел записи на листах, приколотых к поздравлению Эйнштейна, Математические выкладки выглядели как-то слишком просто, можно сказать, по-детски, из-за этого вся теория представлялась несколько наивной.

Единственное, что Саров воспринял более или менее спокойно, были рассуждения Теслы о «параллельных мирах». Концепция множественности миров, как бы вложенных один в другой, всерьез обсуждалась в научном сообществе. При вполне разумных предположениях она вытекала из существующих теорий и была ничем не хуже той же теории Большого взрыва – не противоречила имеющимся научным данным, но и не имела никаких доказательств. Некоторые фразы Теслы можно было понять таким образом, что он нашел способ установления некоторой связи между частотами колебаний нашего мира и других миров, это еще можно было допустить, и даже способ перемещения физических объектов, а вот это в голове не укладывалось.

«Все, – решительно сказал сам себе Саров, – пора завязывать с этим делом».

Но при этом он не сложил вещички и не укатил в Лос-Анджелес, что было бы, несомненно, самым здравым его поступком за последние десять дней. Он лишь оставил попытки разобраться в теории, сосредоточившись на практике. В конце концов, для того, чтобы собрать компьютер, совсем необязательно разбираться в физике полупроводников и понимать принципы магнитной записи информации. А чтобы работать на компьютере, необязательно знать языки программирования. Излишнее знание вообще вредит. Сын, Ромка, осваивал все компьютерные игры намного быстрее Сарова, не заглядывая ни в какие инструкции и не пользуясь «помощью». У Сарова даже мелькнула крамольная мысль, что сам Тесла, возможно, не всегда понимал, как работают его устройства. Озарение потому и озарение, что ты сразу приходишь к конечному результату, минуя покрытые тьмой незнания участки, на которых увязают другие, мыслящие логически и последовательно. А если устройство работает, то какая, в сущности, разница, почему оно работает?

Стоило Сарову принять эту точку зрения, как дело сразу пошло на лад. И зачем он столько времени зря потерял?! Ведь с самого начала

его не оставляло ощущение, что все технические документы, лежавшие в шкатулке, имеют отношение к одному вполне конкретному устройству. Он отобрал все чертежи и схемы, включая нарисованные на клочках бумаги, на салфетках, на полях статей. Каждая деталь была изображена как минимум на двух рисунках. К примеру, магнитный сердечник для трансформатора на чертеже, приколотом к счету-фактуре, на нем тщательно нанесены размеры, диаметр, длина, и требования к материалу. Точно такой же небрежный рисунок на полях статьи с единственным числом — $\frac{1}{16}$. Можно предположить, что необходимо взять сердечник, размером в 16 раз меньше, чем изображенный на чертеже. И так шаг за шагом, пока не осталось ни одной незадействованной детали, ни одного неиспользованного числа, все сошлось. Саров если чем и восхитился, то отнюдь не точностью своего анализа, а тщательностью работы, выполненной Теслой на излете жизненных сил.

Теперь оставалось собрать детали в схему. Фрагменты схемы тоже наличествовали, разбросанные там и тут, две-три детали, соединенные между собой с оборванными линиями выходов. Вновь в ход пошли карточки. На них Саров перенес все нанесенные фрагменты и принялся складывать их как пазл, соединяя оборванные линии, пока перед глазами у него не появилась схема, электрическая схема устройства, которое он определил как резонансный приемник-усилитель.

Уф, облегченно выдохнул он.

Похожий звук издал и Сэм, который заехал к Сарову тем же вечером, привез продукты. Он мельком глянул на письменный стол, на котором по-прежнему лежал сложенный из карточек пазл. и сразу ожиился, засуетился, принялся складывать из привезенных продуктов собственный пазл, вышло что-то весьма вкусное и хорошо сочетающееся с виски «Мэйкерс марк». В общем, получился у них маленький праздник.

Глава 20

Черная пятница, март

В тот вечер Сэм, естественно, никуда не поехал. А поднявшись с утра, озадаченно спросил: «А какое сегодня число?» – и стал шарить глазами по стенам.

Точно ответить ему Саров не мог, он сам сбился со счета дней, поэтому он взял мобильник, разблокировал клавиатуру, хотел уже посмотреть на дисплей, но Сэм отвлек его.

— Молодежь! — протянул он. — А я больше люблю по старинке, чтобы календарь на стене висел. Где-то ведь у меня был. — Он принялся бродить по комнате, заглядывая во все углы, под столы, приговаривая: — И куда же я его засунул? А, вот он! — воскликнул, наконец. Сэм, извлекая рулончик из-под лежанки. — Мемориальный, между прочим, коллекционеры бы с руками оторвали.

Он развернул рулончик. Обычный настенный календарь на 2009 год, разве что картинка необычная, хотя и очень известная, и широко растиражированная: Тесла сидит в кресле, читает книгу, вокруг — молнии, молнии, молнии. И надпись соответствующая в картишке почерком, похожим на почерк Теслы: Эксперимент Николы Теслы, Колорадо-Спрингс, 1899.

— Юбилей какой-никакой, — сказал Сэм, приклеивая скотчем календарь к стене, — сто десять лет.

Приkleил, собрался и немедленно уехал, даже кофе не попил.

«Очень интересно, — сказал сам себе Саров, подходя к календарю, — зачем это он его привез?» Он точно знал, что никакого календаря под лежанкой не было, после развода с женой он приучился сам делать уборку, не хуже, чем Танька, пожалуй, и получше, вот и под лежанкой шваброй прошелся, до самых стен, ничего там не было.

Впрочем, на календаре тоже кое-чего не хватало. Ведь подобные календари выпускают обычно какие-нибудь общества или фирмы в качестве дешевого сувенира и одновременно постоянного напоминания о своем существовании, ничего подобного на календаре не было. Но скорее всего было — присмотревшись, Саров заметил, что от календаря снизу было что-то отрезано, очень ровно, но все же отрезано, нижняя кромка была совсем не такой, как верхняя. «Очень интересно, — вновь повторил Саров и уставился на календарь, — нет, все же бесполковая вещь, если вдуматься, — подумал он, — ну как по нему определить число, если ты не знаешь дня недели? И самой недели. И даже месяца. Нет, сейчас все же должен быть февраль». Он принялся прикидывать, сколько дней прошло со злосчастной черной пятницы. Никак не больше десяти. Или все же две недели? Но все равно еще февраль. А взгляд уже переполз на март, прошелся по первому столбцу чисел, по второму и, не дойдя до низа, замер на пятнице, пятнице, 13. «Вот ведь черт!» — воскликнул Серов. Действительно, черт, и пятница его. Впрочем, есть и другие любители этого дня. Вот и Саров ощутил какое-то возбуждение при одной только мысли о нем, какой-то даже зуд, просто руки зачесались что-нибудь сделать именно в этот день. То есть, конечно, не что-нибудь, не абы что, а что-то очень даже конкретное, с непонятным, правда, результатом. Что-то, к чему подталкивали его и документы из шкатулки, и Фрэнсис с Сэном, которые вдруг объединились впервые в сознании Сарова, и все обстоятель-

ства. «А ведь дел-то еще непочатый край!» – промелькнула мысль, и зуд перешел в лихорадочную деятельность.

Собственно, что он успел сделать? Да, считай, почти ничего, расшифровал схему приемника. Приемник – он на то и приемник, чтобы что-то принимать. А вот что? Понятно, что электромагнитные волны, какие-то сигналы, но какие? И откуда? Из космоса? Или с Земли? И кто их будет передавать? Или уже передал?

Вопросов много, а ответы должны содержаться в документах из шкатулки, это факт. В который раз Саров разложил бумаги перед собой. Дело все же несколько облегчилось, все, что имело отношение к расшифрованной Серовым схеме, можно было теперь отложить в сторону.

Остались числа, ни к чему не привязанные. Числа и размерности к ним. Вот, например, 38 958 км, это, как было известно когда-то любому школьнику, приблизительно размер меридиана или, если угодно, экватора. Но написанное рукой Теслы имело отношение, конечно, к длине волны. Тем более что сочеталось это со значками «....?» и «....?», написанными на полях одной из статей рядом с абзацем, посвященным сверхдлинным стоячим волнам на земной поверхности.

Удалось также Сарову идентифицировать значения семи частот. Временной декодер, который показал ему Сэм, тоже настраивался на семь частот и в тех же достаточно узких диапазонах. Вряд ли это было случайным совпадением. Это не могло быть случайным совпадением. Но Саров строго-настрого запретил себе задумываться над этим, он прихлопывал любую наклевывающуюся мысль по этому поводу, потому что мысли эти, еще неясные, отдавали каким-то безумием, тем, что никогда не может быть, потому что не может быть никогда.

Да и не до мыслей о сути вещей было Сарову. Его передатчик беспокоил. Коли длина волны связана с размером Земли, то и передатчик должен быть на Земле, космос здесь ни при чем. Но все же передатчик должен быть далеко, на другом краю Земли. Саров залез в Интернет, вывел на экран глобус, выделил меридиан, проходящий через Колорадо-Спрингс. «И где сидит мой антитоп?» – подумал он. Оказалось, что сидеть он может только в лодке в Индийском океане, а вокруг на сотню миль – ни одного островка.

Вид глобуса на экране компьютера напомнил Сарову об одной не совсем понятной картинке в документах Теслы. В машинописном черновике статьи, посвященной истории создания всемирной системы беспроводной передачи энергии, была приведена карта мира в привычном прямоугольном виде, на карте звездочками были отмечены места, где Тесла планировал разместить передающие станции. Над картой ручкой было проставлено: 1903. Той же ручкой на карту была нанесена извилистая линия, она проходила по территории США, по

восточным штатам, стекала к Карибскому морю и далее через Южную Америку в Антарктиду, потом выныривала из нижнего края карты, проходила по западной оконечности Австралии, по Индокитаю, делала крюк по Тихому океану, огибая Японию, проникала через Чукотку на территорию России, устремлялась куда-то в середину Сибири, в район Енисея и Тунгуски, и все дальше на юг, огибалась Аравийский полуостров, через Эфиопию и Египет выходила на Балканы, а дальше прямиком наверх, к Северному полюсу, почти к полюсу. На полях рядом с этой картой был нарисован прямоугольник много меньший, над которым сверху стоял вопросительный знак, внутри была также нарисована извилистая линия, чем-то похожая на первую, сверху вниз, потом снизу вверх, нарисована пунктиром.

Знакомая картинка, подумал Саров, но тут же отвлекся мыслью на удивительные совпадения: Балканы, восточные штаты США, Тунгуска, места, связанные с именем Теслы. Только потом сообразил, что напоминает ему картинка – изогону магнитного склонения. Залез в Интернет. Точно, она. Вот и по годам данные. Но 1903 год, понятное дело, отсутствует, не измеряли тогда магнитное поле во всемирном масштабе. А вот в 1942 году уже измеряли, картинка один в один с тем, что Тесла нарисовал. Так, наверно, тогда и нарисовал, вернее, срисовал. А магнитное склонение, как известно, меняется с годами, не потому ли и вопрос над вторым прямоугольником? А при чём здесь магнитное поле Земли? Разве что при том, что учитывать в расчетах надо не географические полюса, а магнитные, которые тоже на месте не стоят. Саров учел. Его воображаемый антипод переместился на юго-западный берег Австралии, который оказался удивительно населенным. Вот Перт, почти полтора миллиона человек, знатный город! А вот, хм, Банбери. Очень знакомое название. Он его уже встречал, встречал недавно...

Саров схватил пачку писем из шкатулки. Тесла – Моргану, Тесла – Джонсону, опять Тесла – Моргану, миссис Джонсон – дорогому Тесле, а, вот оно!

«Дорогие друзья, братья,

благодарю вас за поздравления в связи с моим шестидесятилетием. Мне было вдвое приятно получить их от соотечественников, живущих, как и я, вдали от родины, но хранящих ее в своем сердце. И я был очень польщен вашим желанием основать в Банбери музей моего имени, музей-лабораторию, который бы служил, с одной стороны, просвещению подрастающего поколения, а с другой, позволил бы молодым людям, заинтересовавшимся электротехникой, сделать первые шаги в науке. Прилагаю схему универсального устройства, которое может служить как для научных экспериментов по генерированию

Генрих Эрлих

стоящих волн, так и для беспроводной передачи сигналов и энергии. Собрать его из доступных и недорогих деталей не составит большого труда, если вы будете следовать инструкции, еще раз примите мою искреннюю благодарность,

Навеки ваш,
Никола Тесла
13 августа 1926 года»

Никакой приложенной схемы не было, как не было никаких пометок ни на полях письма, ни на обороте. Поэтому Саров и не обратил на него внимания. А вот теперь заинтересовался. В первую очередь дату проверил, поспорив сам с собой: если пятница, то за ужином позволит себе полстакана виски, если нет, значит – нет. Выигрыш поднял настроение. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Потому что больше из письма было выжать нечего. Повертел его и так и эдак, Саров набрал в поисковике: Bunbury + Tesla. И немедленно выскоило: Музей-лаборатория Николы Теслы в Бенбери, Западная Австралия.

Сайт свежий, но год основания музея – 1926-й. Странно, что он ничего о нем не слышал. Да и фамилии отцов-основателей какие-то не сербские, но это уже детали. Информации не шибко много, а вход на форум – только авторизованным пользователям. Саров зарегистрировался, но треп любителей смотреть не стал, ему хватило и перечня сокровищ «библиотеки» – ну почему большую часть поклонников Теслы тянет в эзотерику, в который раз с раздражением подумал он. И открыл фотогалерею. В общем, понятно, как ни пыжатся, а бедновато, в смысле здания и экспонатов. У Сэма куда как лучше, неизмеримо лучше. А вот и гвоздь экспозиции. Знакомое письмо Теслы в рамочке, бесценный автограф. А рядом, как икона в окладе, нарисованная от руки схема. Черт бы вас всех подрал, раздолбай, кто же так документы на сайте выставляет, ни хрена не видно! У вас там что, в Австралии, цифровиков нормальных нет? Все, блин, расплывается при малейшем увеличении! Фотографию приличную сделать не могут, а туда же: сайт, форум, библиотека! Долго ругался Саров, да что толку? Оставалось только полюбоваться видом установки, собранной в каком-то отдельном помещении, да внушающей оптимизм табличкой: действующий экспонат.

Саров нашел в контактах адрес электронной почты директора музея. Написал длиннущее письмо. Расшаркался по полной программе, какие они молодцы и все такое прочее. Представился и наговорил о себе с три короба, какой он энтузиаст и как на Теслу молится, дал ссылки на свои статьи на разных сайтах и рассказал о проекте «Энциклопедии славянских народов». Написал, и рука не дрогнула, что был в похожем музее в Колорадо-Спрингс, но американцам до них, как от той же Америки до Австралии. У американцев все – новодел да муля-

жи, а у них – действующий экспонат. Что, действительно действующий? Да он бы полмира пролетел, чтобы посмотреть, как он действует. Они, к слову сказать, не собираются ли его запустить, для демонстрации? А если собираются, то когда? Не могли бы они его известить? А в конце пустяшная просьба: не затруднит ли господина директора прислать ему по факсу, а еще лучше по электронной почте схемку, что у них на сайте выставлена и на стенке в музее висит. Он ее с их разрешения и с непременной ссылкой на музей в Банбери на своем сайте вывесит. А если не разрешат вывешивать, так он ее просто в личный архив положит. Искренне Ваш, с наилучшими пожеланиями, с надеждой на плодотворное сотрудничество, шарк, шарк, шарк.

Саров посмотрел на часы: в Австралии глубокая ночь, или раннее утро, что ж, ответа ждать до завтра, ничего, подождем. Почему-то в том, что ответ непременно будет, Саров не сомневался.

Сэм тоже не сомневался. Он заявил вечером и, застав Сарова за приготовлением нехитрого ужина, подключился к процессу, добавил кулинарных изысков. По ходу дела Саров рассказал ему, что, бродя в Сети, случайно наткнулся на упоминание о музее Теслы в Австралии, посмотрел сайт и даже написал письмо. Простое такое письмо и просто так, для знакомства, вдруг ответят.

– Ответят, – уверенно сказал Сэм, – сразу и ответят, за стол сесть не успеем.

Саров вспомнил свои расчеты, усмехнулся:

– До ужина не ответят.

– Пари! – воскликнул Сэм, он заводной был по части пари, Саров это уже заметил.

– На что?

– Если я выигрываю, но мы вдвоем с удовольствием выпиваем по стаканчику виски.

Саров улыбнулся про себя: он, помнится, недавно спорил сам с собой на то же самое, удивительно они все же с Сэном похожи! Улыбка выплеснулась наружу.

– А если проиграешь? – спросил он.

– Тогда мы выпьем каждый поодиночке, причем я – без всякого удовольствия.

– Отличное пари! – рассмеялся Саров.

– Ты, чем гоготать, лучше бы почту проверил, – сказал Сэм, – а я пока на стол соберу, ужин-то уже готов!

Ужинать сели не скоро, потому что ответ таки пришел. С приложенной схемой, которая ясно читалась, и с инструкцией Теслы, которой не было на сайте. Саров погрузился в их изучение. Действительно, передатчик, причем поразительно сочетающийся по параметрам с

Генрих Эрлих

тем приемником, схему которого расшифровал Саров. Вот ведь совпадение! Только Саров задумался об этом, только вперил взгляд в потолок, как подоспел Сэм, молчавший до этого как рыба.

– А пишет-то чего? – нетерпеливо тряхнул он Сарова за плечо.

Письмо было длинным, под стать саровскому. То же расшаркивание по полной программе, нарочито скромный рассказ о деятельности музея-лаборатории, сетования на ограниченность средств. Маленькая шпилька: наслышаны мы о музее Сэма Шитовски в Колорадо-Спрингс, куда нам до него. А потом о передатчике. Да, действует, последний раз прошлым летом запускали, правда, после очень долгого перерыва. Потому как специалистов нет, городок у них маленький, а установка уникальная, они к ней и прикасаться боятся. Когда последний раз запускали, такое началось! Замкнуло что-то, и все пробки в городке повысили. Так что когда опять запустят, неизвестно.

Задумчивым сел Саров за стол, не глядя чокнулся с Сэном, выпил, съел ужин, не ощущая вкуса еды, потом сказал:

– Вы ведь прошлым летом не только копали? Вы ведь тут что-то испытывали?

– Вроде того, – ответил Сэм, – экспериментировали, да ничего не вышло.

– А что делали?

– Так ведь не вышло же, чего и говорить?

– Ну, как знаешь, – не стал давить Саров, – а еще немного поэкспериментировать хочешь?

– Это мы всегда готовы, – ответил Сэм, – а что делать будем?

– Да чего раньше времени говорить? – в тон ему сказал Саров. – Вот когда сделаем да получится что-нибудь, вот тогда это что-нибудь и будем обсуждать, если охота будет.

– Ну, как знаешь, – с легкой обидой в голосе сказал Сэм. – От меня-то что требуется?

Саров взял несколько чистых листов бумаги, написал короткий перечень приборов с характеристиками, потом принялся рисовать разные детали, объясняя размеры и материалы. Это есть, это сделаю, это достану, говорил Сэм, делая необходимые пометки на тех же листах и поправляя некоторые рисунки Сарова.

– А жидкий воздух нужен? – с какой-то даже надеждой спросил Сэм в конце.

– Жидкий азот, – в свою очередь поправил его Саров, – надеюсь, без него обойдемся. Он у вас тут дорог, даже дороже кока-колы.

– Это моя проблема, – сказал Сэм, – ты в голову не бери.

Саров если и взял что в Голову, так это необходимость еще раз перелопатить бумаги Теслы на предмет упоминания жидкого воздуха.

Сэм уехал далеко за полночь, отвергнув все уговоры Сарова остаться.

– Дел много, – коротко сказал Сэм, потрясая пачкой исписанных листов.

Дел было действительно много. И главная головная боль – передатчик в Банбери. Как его запустить? Саров сел было писать подробнейшую инструкцию для директора музея, а потом вдруг вспомнил о Володьке Опенкине, который жил в Олбани. Не в том Олбани, что столица штата Нью-Йорк, в в том Олбани, что в Австралии. Куда только не разбросала судьба одноклассников, сокурсников, коллег и прочих знакомых Сарова, вот и в Австралии трудится несколько человек, но на ум пришел именно Володька, потому что парень свой в доску, рукастый и с головой. За что и пострадал,шибко умных нигде не любят, даже и в Австралии, преподает теперь в каком-то коммунальном колледже, техникуме районного масштаба в городе с населением – Саров залез в Интернет – в тридцать тысяч жителей, располагающийся вдали от основных культурных центров, но, с радостным удивлением констатировал Саров, поблизости от Банбери, всего-то километрах в двухстах. Да если бы и в тысяче, Володька для друга эту тысячу пешком отмахает.

Через день Саров разговаривал с Опенкиным по телефону. Мож но было и по мылу списаться, но по телефону надежнее, если что не так, можно уловить. Да и убедительнее получается, когда по телефону, нет у собеседника времени задуматься, как перед текстом на экране компьютера.

– Хочу сделать один эксперимент, описанный в бумагах Теслы, – перешел, наконец, к делу Саров после обмена последними, за три года, что они не общались, новостями.

– Что за эксперимент? – спросил Володька.

– Даже не хочу рассказывать. А то ты подумаешь, что я в Америке умом тронулся.

– Так-так, одна из безумных идей Николы Теслы?

– Вроде того, – ответил Саров, подцепил у Сэма выраженьице.

– А достаточно ли она безумна, как сказал бы старик Альберт, чтобы быть правдой?

– Старик Никола Альберта ни в грош не ставил, но на это он бы сказал: у этого молодого человека бывают иногда правильные мысли.

– Увиливаешь от ответа!

– Всего лишь показываю, что нахожусь в трезвом уме и твердой памяти.

– Показал. Теперь колись: достаточно ли безумна эта идея?

– Эбсолютли!

– Отлично! Согласен на все! Но при одном условии.

Генрих Эрлих

- Каком? – спросил Саров.
- Чтобы коалы не пострадали, – ответил Володька абсолютно серьезно.
- Почему коалы? – удивился Саров.
- Ты на Теслу запал, а я на коал. Каждый сходит на чужбине с ума по-своему. Но я сделал эстетический выбор. Коалы – они симпатичные.
- А коалы где обитают? – на всякий случай уточнил Саров.
- Да у нас тут преимущественно, на восточном побережье.
- Коалы не пострадают, – сказал Саров со всей возможной серьезностью.
- Отлично! Что я должен делать? Саров коротко объяснил.
- Хоть завтра могу поехать, – сказал Володька, – у меня каникулы.
- Какие каникулы в конце зимы – начале весны? У вас такие три mestры? – удивился Саров.

– У кого зима, а у кого и лето, – рассмеялся Володька, но потом вновь посеръезнел: – А методику ты мне все же пришли, как можно более подробную, я еще покумекаю, в смысле на месте, вдруг там чего сделать придется.

За Оленкина Саров был спокоен. Да и Сэм не подвел, все доставил вовремя. Даже с поставщиками жидкого азота договорился, но Саров его тормознул, не нашлось в бумагах Теслы ничего о сжиженных газах. Собрали установку, подключили все приборы.

11 марта Володька позвонил.

- У меня все готово, – сказал он.
- У меня тоже, — ответил Саров.
- Чего ждем?
- Срока.
- Может быть, устроим пробный прогон? – предложил Володька. – Никогда не повредит.

– Нельзя.

– Так ведь пробный! Для проверки системы! – чуть не взмолился Володька, совсем, видно, заскучал, потому и позвонил, раньше-то все по электронной почте общался, все по-деловому.

– Пробный – все равно что начало, а срок отсчитывается по началу? – несколько туманно сказал Саров.

Но Володька понял.

– Это как в каталажке! – рассмеялся он. Как в воду глядел.

Двенадцатого Сэм ходил кругами вокруг Сарова, в глаза ему заглядывал, но крепился, ни о чем не спрашивал. Наконец, не выдержал.

– Завтра когда приезжать? – спросил он.

— Да вроде все сделали, — безразличным голосом прятнулся Саров, — но не в пятницу же эксперимент делать? У меня все пятничные эксперименты либо срывались, либо, как назло, затягивались, так что приходилось все выходные на работе сидеть.

— Но здесь-то все равно... — начал было Сэм.

— Я никогда не начинаю свои эксперименты в пятницу, — сказал Саров, — это мой принцип. И вообще, Сэм, давай так: я завтра здесь, а ты — у себя. Я... один побывать хочу. И — без обид!

Жестко получилось, Саров так не хотел, само выговорилось. Но оказалось, что к лучшему. Сэм сразу отстал, осмотрел все деловито напоследок и принялся собираться.

Саров подошел к нему со шкатулкой.

— Забери ее с собой, Сэм, она мне больше не нужна, а у тебя це-
лее будет, — сказал он.

— А не боишься? — спросил Сэм. — В ней же, наверно, документы
важные, вон сколько ты над ними сидел и все от меня загораживал.

А у самого глаз хи-итрый! Серов даже обрадовался: не обиделся
Сэм, у обиженных таких глаз не бывает.

— Да чего уж там, — сказал он, — тень на плетень наводить.

— Ну ладно, — ответил Сэм, беря шкатулку из рук Сарова, — бывай,
Питер. И — удачи тебе!

— Увидимся! — бодро ответил Саров.

К вечеру он пожалел, что прогнал Сэма. Вдвоем как-то веселее
время, оставшееся до эксперимента, коротать. В предыдущие недели
Саров не страдал от одиночества, привык уже, а тут вдруг взгрустну-
лось. О Фрэнсис вспомнил. Еще хуже стало.

«Нет, надо чем-то заняться», — сказал он себе. А чем заняться,
если один Тесла с его устройствами и документами на уме? Вот и
пришла ему в голову идея написать короткий рассказ из жизни Теслы.
Если получится, то можно будет такими рассказами дополнить на сай-
те биографическую справку, оригинально выйдет и для молодых за-
влекательна

Принялся писать, сначала со скрипом, а потом расписался. Так
увлекся, что чуть полночь не проворонил. Но Володька напомнил по
электронной почте: «У меня солнце в зените. Начинаем, что ли?»

Саров ответил историческим «поехали». Включил последователь-
но установку, все приборы, сам удивляясь своему спокойствию. А оно
как будто передалось установке и приборам, они сразу, без обычных
шалостей, деловито загудели, замелькали цифры на дисплеях, перо
на самописце немного подергалось, да и поползло вверх, проволоч-
ная рамка на приборе Теслы вдруг сама собой плавно двинулась с
места, остановилась, двинулась обратно, и — пошла качаться, с каж-
дым разом все шире.

«Все тип-топ. У тебя как?» – написал Саров.

«ТыфуЗ», – пришел лаконичный ответ.

«Володька в своем репертуаре», – усмехнулся Саров.

И сел опять за компьютер. Ожидание могло выйти долгим, не-предсказуемо долгим. «Хорошо, если сегодняшним днем обойдемся, а то ведь, как всегда по пятницам...» – подумал Саров и принялся быстро стучать по клавишам: «Пока друзья разговаривали о литературе, в округе происходили странные события. Сначала послышался нарастающий гул, потом стала мелко вибрировать земля под ногами, зазвенели стекла в домах...»

Черная пятница набирала ход.

Глава 21

Американ зэк

Случалось ли вам сидеть в американской каталажке? Ах, вы и в российской-то не парились. Что ж, вам повезло во всех отношениях, кроме одного – вы не можете сравнить и почувствовать разницу. Не верьте тем, кто говорит, что американская тюрьма лучше нашей, тюрьма – она и в Америке тюрьма, стерильная параша не может компенсировать решетки на окнах.

– Меняю американскую камеру со стерильной парашей на дом в русской деревне с удобствами во дворе с правом свободного выхода в этот самый двор! – крикнул Саров.

Никто не откликнулся. Мудрено ждать ответа, если кричишь по-русски в «обезьяннике» полицейского участка в американской глубинке. В этом-то и состоит главное различие. В нашей каталажке вокруг – родные лица, пусть даже мелькают среди них лица кавказской и среднеазиатской национальности, все одно – наши люди. Оно и глазу привычнее, и поговорить можно по душам, послушать, кто за что ни за что попал, посмеяться вместе над превратностями жизни. А в Америке одна чернота вокруг. Не в том смысле, что одни негры, хотя их как минимум половина. Есть и латиносы, смуглые и черноволосые, мачистого вида. Попадаются и белые лица, но какие-то неестественно белые, как бескровленные, наркоманы, эти хуже всех, особенно когда ломка начинается. Но как ни крути, враждебное окружение, это чувствуется, от этого неуютно. От последнего слова Сарова смех разбрал. Хоть бы кто улыбнулся в ответ или спросил, чего, собственно, смеется человек, может быть, анекдот какой вспомнил, так расскажи, вместе посмеемся.

Приблизился какой-то белый.

-
- Русска?
 - Yes, – ответил Саров.
 - А я из Приштины, – сказал белый с мягким славянским акцентом.
 - Сочувствую.
 - Стиве, Стив по-здешнему.
 - Привет, Степа, – Саров пожал протянутую руку, – а я Петр.
 - Хорошее имя. Наше имя.
 - Угу.
 - За что тебя сюда? Нарушение иммиграционного законодательства? – Последние слова как от зубов отскочили, сразу видно – очень знакомый собеседнику оборот.
 - Еще не знаю.
 - А я – да. Теперь посадить могут. У них это легко.
 - От сумы и от тюрьмы не зарекайся, – со вздохом сказал Саров по-русски, отвечая более собственным мыслям.

Но Стиве что-то понял, кивнул согласно.

- Да не посадят скорее всего, – решил поддержать его Саров, – вышлют.

– Если они всех высыпать будут, самолетов не хватит. Только мексиканцев, их можно автобусом до границы.

Саров широко зевнул – господи, как спать-то хочется! Он посмотрел на часы. 23.56. Нет, эта чертова пятница никогда не кончится! Не его это день, нет, не его! Больше никогда!..

Тут он почувствовал, что Стиве дергает его за рукав.

- Тебя, похоже, – сказал он, показывая Сарову на полицейского у решетки «обезьянника».

– Эй, русский, выходи, – призывающе помахивал дубинкой полицейский.

Саров инстинктивно схватился за ребра, которые противно ныли. Не от дубинки пока, ударился, падая, о камни во время задержания, но лиха беда начало. Но делать нечего, пошел на выход, замедляя шаг, чтобы переступить порог в счастливую или хотя бы нейтральную субботу, 14, авось повезет, и все неприятности останутся в прошлом.

Когда шел перед полицейским по коридору, руки сами собой сцепились за спиной – генетическая память. Привели в кабинет, точь-в-точь как изображают в фильмах, что американских, что отечественных. «Почему так получается, – отстраненно подумал Саров, – мент на копа не похож, а кабинеты у них одинаково унылы и загажены?» За столом с потрескавшейся столешницей, в белесых кругах, сидел немолодой коп, сержант или офицер, Саров так и не научился различать американские звания, перед ним бумажный стаканчик, накрытый крышкой, наверно, с тем, что здесь называется кофе, и наполовину

сыеденный гамбургер на развернутой бумажной обертке. Коп показал на стул напротив себя, у стола, придвинул телефон:

– Один звонок.

Звонить Сарову было некому. Разве что Сэмю и Володьке, но не отсюда же! Так что он отрицающе покачал головой. Коп явно изумился.

– Адвокат! – напомнил он едва ли не в первый раз за долгое время службы.

У Сарова не было не то что личного адвоката, но даже ни одного знакомого, так что он вновь покачал головой. Впрочем, адвокат не медленно появился. Тут никаких сомнений: немолодой, но подтянутый, волнистые, с проседью волосы, уложены волосок к волоску, тонкий кожаный портфельчик с золотой монограммой, костюм сидит как влитой, дорогой, наверно, тут Саров не спец, но ботинки крокодиловой кожи, это он научился определять, свежая сорочка, тщательно погвянанный галстук и платочек под цвет в нагрудном кармане пиджака, все это в полночь – адвокат, факт.

– Джеймс Уорвик, представляю интересы задержанного Питера Сароу, – отрекомендовался он и тут же повернулся к Сарову: – Надеюсь, вы еще не начали давать показания?

Саров ответил отработанным за последние минуты движением.

– Мне сдается, он не говорит по-английски, – сказал коп.

– Прекрасно говорит, – ответил адвокат, – вот мы с ним и поговорим. Вы проводите нас в специальную комнату или сами выйдете?

Коп пожал плечами, встал и вышел.

– Отличная работа, – сказал Саров и протянул руку: – Питер.

– Джеймс, – вновь представился адвокат, пожимая руку Сарова, – вы мне уже нравитесь, именно таким я вас себе и представлял. Я знаю, что вы натворили...

– Я ничего не натворил, – прервал его Саров, спокойно и твердо.

– Да, конечно, – поспешил согласиться адвокат, – я хотел лишь сказать, что посвящен в обстоятельства того, что вы творили. – Он улыбнулся, принял ответную улыбку Сарова и продолжил: – Так что никакой дополнительной информации мне не нужно. И вообще, никакой информации не нужно, никому, вы меня поняли? – Он дождался очередного кивка Сарова, на этот раз утвердительного. – Вот и отлично. Сейчас мы оформим ваше освобождение под залог.

– Я не располагаю для этого средствами, – чистосердечно признался Саров, – равно как и средствами для оплаты ваших услуг. Извините, – он сокрушено развел руки.

– Это не ваши проблемы, – сказал адвокат, – все расходы берет на себя общество «Наследники Теслы», я действую по их поручению.

У Сарова от изумления глаза на лоб полезли, буквально, так что Джеймс остановился и с удивлением посмотрел на своего клиента.

– Похоже, для вас это сюрприз, – протянул он, – странно. Впрочем, дела это не меняет, в процессе обсуждения вашего освобождения под залог мы узнаем, что вам на самом деле инкриминируют, а по размеру залога определим, насколько серьезно относятся власти к этому делу. В любом случае завтра к полудню мы все решим, и вы выйдете на свободу, естественно, с некоторыми ограничениями.

– А интересы мисс Фрэнсис Клиффорд тоже вы представляете? – спросил Саров, не так чтобы совсем наобум.

– Да, ответил Джеймс, – именно из-за нее я немного задержался, прошу меня извинить. Но это было минутное дело. У мисс Клиффорд – никаких проблем. Ей ничего нельзя инкриминировать, более того, мы можем настаивать на компенсации за незаконный арест и пережитый ею шок. Но это как захочет мисс Клиффорд.

– Я плохо знаю американские законы, а теперь совсем запутался, – сказал Саров, – с одной стороны, можно стрелять в человека, нарушившего границы частной собственности, а с другой – незаконный арест, как в этом случае.

– По-моему, все предельно ясно: мисс Клиффорд гуляла на своем участке и тут на нее...

– Да-да, я понял, – остановил адвоката Саров, – я упустил из виду, что это собственность мисс Клиффорд. А уж в своем лесу она может гулять в любое время, даже и ночью, играть в прятки и вообще делать все, что угодно.

– Вот именно! – радостно воскликнул Джеймс. – Я рад, что вы наконец поняли суть дела. Вы были гостем мисс Клиффорд и действовали с полного ее ведома, согласия и одобрения. Мисс Клиффорд не имеет к вам никаких претензий.

Он достал из портфеля лист бумаги, показал, не опуская на стол и не давая в руки, Сарову. Тот прочитал. Действительно, никаких претензий.

– А как там... ее дядя? – спросил Саров. – Надеюсь, здоров?

– Старое дерево долго скрипит, – ответил адвокат, бросая на Сарова одобрительный взгляд, – он, кстати, был у меня недавно, он ведь мой давний клиент, вчера был, нет, уже позавчера, ближе к вечеру, мы едва в банк успели, документы ему надо было в сейф положить, шкатулку с документами, она едва в банковскую ячейку вошла, а потом мы с ним поужинали в ресторане. Он мне много всего интересного рассказал. Он хороший рассказчик.

Убаюканный этой речью и успокоенным сознанием того, что все у всех хорошо, а его проблема переходит в разряд мелкой неприятности, о которой можно будет вспомнить как-нибудь смеясь за столом,

Генрих Эрлих

Саров едва не уснул. Джеймс поднялся, вызвал копа и бодро возвестил на прощанье:

– Надеюсь завтра увидеть вас на свободе!

* * *

Не увидел, ни завтра, ни в следующие несколько дней. То есть видел, но не на свободе. Джеймс навещал Сарова ежедневно, излучал оптимизм и веру в завтрашний день, когда уж непременно, но Саров чувствовал, что его дело – швах, что открылись какие-то новые обстоятельства, как пишут в детективах. Джеймс мрачнел и удваивал заботу, казалось, он все для своего клиента готов был сделать. Саров, впрочем, пользовался, без зазрения совести. Попросил, в частности, уладить все его дела в Лос-Анджелесе, в институте, в общаге, собрать и перевезти личные вещи. Джеймс все дотошно расспросил, записал в свой органайзер, потом продиктовал текст доверенности. Вдогонку Саров попросил продать машину, было у него такое нехорошее предчувствие, что она ему в ближайшие годы не понадобится.

Джеймс все сделал. В один из его визитов Саров пристал к нему с настойчивыми расспросами, в чем затык. ФБР, коротко и нехотя ответил тот.

Стоило произнести вслух зловещую аббревиатуру, как тут же ФБР и материализовалось, как будто только того и ждало. В какой-то степени это соответствовало действительности – специальный агент Флик, ведший расследование, решил немного помариновать задержанного, чтобы был посговорчивее. Специальный агент Флик нутром чуял, что из этого дела можно выжать что-нибудь интересное в плане перспектив карьеры, но как-то не выжималось. Одна надежда оставалась: что этот русский интеллектуал испугается, как все интеллектуалы, ужасных тюремных условий и начнет сотрудничать со следствием.

Не на того напал. Этот русский совсем не выглядел испуганным, а на все мягкие подходы и посулы Флика отвечал смехом или короткими энергичными словами на своем тарабарском наречии. Пришлось сменить тактику. Добрый Флик, вникающий в положение подследственного и жаждущий вместе с ним найти достойный выход из создавшегося непростого положения, превратился в злого Флика, могущего и желающего испортить несомненно виновному всю оставшуюся жизнь. Если, конечно, он не проявит здравый смысл и добрую волю. Флик угрожал обвинениями в подготовке террористического акта, в попытке осуществления террористического акта, в терроризме, в связях с «Аль-Каидой» и Уго Чавесом. Вы опоздали на два месяца, спокойно парировал русский, у вас новая администрация, у нее другие приоритеты. Крыть было нечем, тем более что новые приоритеты были пока

покрыты туманом, как бы тут не ошибиться в плане перспектив карьеры. Тогда Флик нанес самый сокрушительный удар, он пригрозил выслать русского из Соединенных Штатов, на историческую родину, где КГБ, коррупция, ущемление свободы слова и прав человека, выслать без права въезда на территорию Соединенных Штатов, выслать с волчьим билетом, мог бы сказать он, если бы знал это выражение. Высылайте, с какой-то даже радостью сказал этот странный русский, вы мне сэкономите деньги на билет. И добавил что-то по-русски.

– Идите вы все на хер! – вот что сказал Саров. И сразу почувствовал себя намного лучше. Как будто решение принял. Принял – и все сомнения, раздумья, взвешивание за и против, все прочь отлетело. И дела как-то сразу на лад пошли. Тут верные признаки: Джеймс повесел, а Флик помрачнел.

Через два дня Саров предстал перед печальные очи Флика.

– Вам знакома эта шкатулка? – спросил Флик, выкладывая на стол перед Саровым несколько фотографий.

Она, родимая. Отпираться бессмысленно, на ней отпечатки его пальцев в пять слоев и снаружи и изнутри, а другой комплект отпечатков здесь где-то лежит, прокатали при задержании, да плюс в госдепе, заставили при последнем въезде.

– Я видел несколько похожих шкатулок, – ответил Саров.

– Но эту вы еще и открывали, — надавил Флик.

– Возможно, и эту.

– Эксперимент, во время которого вы были задержаны, связан каким-либо образом с документами, находящимися в шкатулке? – попытался огородить неожиданным вопросом Флик.

– Какими документами? – спросил Саров.

– Бумагами Николы Теслы!

– Нет, не связан.

– Готовы утверждать это под присягой? Согласны пройти проверку на полиграфе?

В ответ Флик услышал уже известную ему недлинную фразу по-русски. Услышал и почему-то успокоился.

– Но вы просматривали эти документы? – спросил он.

– Да, именно для этого меня пригласила мисс Клиффорд

– Вы эксперт по документам?

– Нет, я эксперт по Тесле.

– Ну и что в этих бумагах?

При этом вопросе в голосе и в лице Флика отразился неподдельный, неслужебный интерес, он стал похож на нормального человека, на обывателя, прикоснувшегося к какой-то тайне и сиявшего ее понять. Вероятно, поэтому Саров ответил ему развернуто и по-житейски:

Генрих Эрлих

– Старческий хлам, беспорядочная смесь вырезок из газет, старых писем и записок, счетов, карандашных набросков каких-то схем и устройств, математических расчетов, сделанных на бумажной салфетке в ресторане, отрывочных набросков для мемуаров, рукописей старых статей, всего того, что обычные люди, не имея решимости выбросить этот мусор, складывают в коробку из-под обуви и запихивают на верхнюю полку антресолей.

– А-а-а, – разочарованно протянул Флик, – а я-то думал...

Единственным уловом Флика в этом деле была шкатулка, за которой ФБР охотилось шестьдесят пять лет. Зря, как выяснилось, охотились, но это уже не его проблемы, он свой плюс заработал. За это он дал обязательство освободить русского. Нормальная сделка.

* * *

На следующее утро Сарова выпустили, вчистую, без залога и ограничений по передвижению. О чем ему и рассказал встретивший его Джеймс. За спиной адвоката маячили Сэм и Фрэнсис, несколько смущенные,

– Ты, Питер, того, давай без обид, – сказал Сэм, подходя к Сарову, – мы не хотели тебя подставить. Так получилось.

– Хотели как лучше, а получилось как всегда, – произнес Саров бессмертную фразу и тут же добавил: – Это цитата.

– Рейган или Джордж Буш-младший? – поинтересовался Джеймс.

– Нет, это наш бывший премьер-министр, – ответил Саров.

Джеймс с Сэном рассмеялись, несколько натянуто, что Саров отнес на счет неудачного перевода.

– Ты, Питер, того, – вновь заговорил Сэм, – не думай, что мы тебя выбрали потому, что ты не наш и по временному контракту работашь. Нам специалист был нужен, самый лучший, у нас-то, как ты, наверно, догадался, ничего не вышло. Хотя люди работали – о-го-го. Не мне чета.

– Это я вас выбрала, Пётр, – впервые подала голос Фрэнсис и с какой-то решимостью двинулась к Сарову, – специалист – это все так, но главным было то, – она резко выдохнула, – что вы мне понравились. И по фотографии на вашем сайте, и потом, когда я специально в ваш университет приезжала.

– Если я правильно понял, это был эстетический выбор, – сказал Саров и широко улыбнулся.

* * *

Улыбка развеяла напряженность и смущение, все легко и весело заулыбались ему в ответ. А Сарову его слова напомнили об Опенкине, которому он все дни заключения хотел позвонить, но опасался

прослушки и длинного Володькиного языка. Он посмотрел на часы – поздновато, конечно, а в деревне рано спать ложатся, с другой стороны, Володька всегда был полуночником. Саров обратился к Джеймсу, он адвокат, он богатый.

– Пожалуйста, один звонок, в Австралию.

Джеймс вынул телефон, показал, как им пользоваться, Саров-то ведь так и не завел I-phone'a. Саров отошел в сторону, разговор был не для чужих ушей, пусть и не понимающих по-русски, напряг память, вспоминая номер, вспомнил, с этим у него всегда было хорошо.

Опенкин не спал, все эти дни не спал, если верить его словам.

– У меня все нормально, – успокоил его Саров, – жив, здоров.

– А чего не звонил?

– В тюрьме сидел.

– Как в «Мимино», помнишь? – рассмеялся Володька

– Точно. Ты как? Без, последствий?

– Все хорошо. Даже установку не спалил.

– Чем занимаешься?

– Оболтусов местных учить начал. И думаю, не податься ли домой?

– С чего это? Обрыдло?

– Это само собой. А тут Разумовский… Ну, ты его знаешь.

– Не просто знаю, работали вместе, – сказал Саров.

– Так вот он письмо приспал, зовет обратно. Там наверху решили объект реанимировать…

– Какой? – осторожно спросил Саров.

– Ну, там, где ты с Морозевичем подрался в студенческие годы.

Вас еще в реку столкнули, чтобы охолонули.

С Морозевичем он дрался на студенческой практике, а практика была в открытой зоне объекта, который Саров даже в мыслях предполагал не называть ни одним из имевшихся у него названий. Но главное, что объект располагался в Красноярском крае, поблизости от реки Ангары, которую многие местные именовали Верхней Тунгусской.

– Помню, холодная была вода, – сказал Саров.

– В качестве компенсации за холодную воду предлагает очень даже сносную зарплату, по любым меркам. Он и твои координаты спрашивал, сказал, что по старым ты не откликаешься.

– Ну и глупь! – сказал Саров после некоторой паузы.

– Это с чем сравнивать, – со вздохом ответил Володька.

* * *

Улетал Саров из Денвера. В Нью-Йорк, потом сразу в Москву. Билет в один конец. Разговор с Опенкиным никак не повлиял на его ре-

Генрих Эрлих

шение, да и Разумовскому он не стал писать, прилетит в Москву – позвонит. Да – значит, да. Нет – значит, нет.

Тянуть было не в его правилах. Ближайший рейс, на который были билеты в Москву, был на третий день после его выхода из тюрьмы. На него и купил. Потому еще спешил, что с каждым часом его решимость ослабевала. Фрэнсис задержалась в Колорадо-Спрингс, задержалась ради него, как бы ему не задержаться, в свою очередь, ради нее. И что он будет здесь делать? И вообще, баловство все это, сегодня есть, завтра нет.

Сэм с Фрэнсис вызвались его проводить, на машине. Перед посадкой вручили подарки. Новый навороченный ноутбук заместо безвозвратно погибшего при эксперименте. Свернутый бумажный рулончик, мемориальный календарь, безошибочно определил Саров. Фрэнсис чмокнула его в щеку, сказала призывающе и томно: – Может быть...

– Может быть, – ответил ей Саров и отправился на посадку.

Гуд бай, Америка!

* * *

Часа через два после вылета из Нью-Йорка, маясь бездельем долгого полета и бессонницей, Саров решил посмотреть календарь, а ну как там какой-нибудь сюрприз. Календарь был тот же самый, но немного длиннее. На отрезанной когда-то Сэном полосе было напечатано: «Наследники Теслы» и все полагающиеся реквизиты. Сверху фломастером было выведено: Питеру Сарову на память о Колорадо-Спрингс. Подписи Фрэнсис, Сэма и Джеймса, их Саров знал, а под ними почти до самого низу, оставляя свободным лишь изображение самого Николы Теслы, лепилось множество безымянных росчерков. И вдруг среди них опять мелькнула подпись Фрэнсис, размашистая, с энергично перечеркнутыми одной линией двумя f. Саров смотрел на эту подпись, располагавшуюся уже собственно на календаре, на числах месяца ноября, смотрел долго и, вероятно, менялся при этом в лице, потому что сосед обеспокоенно спросил его:

– Вам плохо? Могу ли я чем-нибудь помочь? Вызвать стюардесу?

– Спасибо, не надо, – ответил Саров, – все хорошо.

И он, наконец, оторвал взгляд от календаря, от числа 13, от 13 ноября, пятницы.

Глава 22

Черная пятница, ноябрь

Он воспроизвел все почти что в точности. Даже сторожка, которую он выделил для эксперимента, была бревенчатой, в одну большую комнату, как в Колорадо-Спрингс. С этим не было проблем. Сторожка располагалась на краю охраняемой зоны объекта а это его епархия. Служебное положение для того и существует, чтобы им пользоваться. Вот Саров и пользовался, утешая себя народной мудростью: дальше Сибири не сошлют. А он и так был в Сибири. Что же до оборудования, так он его даже не воровал, воровство – это когда за забор, а он туда ни ногой.

И друг любезный Володька Опенкин тоже все воспроизвел почти что в точности. Он так и не собрался в Россию, засосал австралийский быт, семья и коалы. Но на просьбу Сарова откликнулся с готовностью, у него опять были каникулы, опять летние.

Что нельзя было воспроизвести, так это расстояние. Но если соединить на глобусе Банбери с Колорадо-Спрингс, то линия как раз поблизости пройдет, более того. Саров почти точно посередке оказался. Надо было всего лишь длину волны вдвое уменьшить, все как доктор Тесла прописал.

Саров был полон решимости довести эксперимент до конца. Будь что будет, а дома и стены помогают. Да, собственно, чего бояться? Все, что делал Никола Тесла, было во благо, он не мог предложить ничего плохого или катастрофического. Хотя поостеречься, конечно, не мешало, технику безопасности никто не отменял.

Установку Саров включил в час ночи 13 ноября, так они заранее условились с Володькой. Со связью было плохо, поэтому Саров с некоторым напряжением следил за показаниями приборов, а ну как у Володьки что-то сорвалось. Нет, не сорвалось, с облегчением подумал он, когда перо самописца дрогнуло и медленно поползло вверх. Теперь оставалось только ждать. Сколько ждать, непонятно, ведь параметры изменили. Время от времени, не доверяя показаниям, Саров выходил на улицу, смотрел на темное небо.

И вот, наконец, прошел первый всполох. Все воспроизводилось. Отлично! Саров с нетерпением ждал продолжения, не переставая любоваться игрой света и красок. Как ни ждал, а все равно все случилось неожиданно.

Вдруг посреди всплохов на небе появилась яркая точка, которая, набухая и разрастаясь, стала стремительно приближаться к земле. За ней тянулся мерцающий, переливающийся хвост. «Метеорит!» – подумал Саров.

Генрих Эрлих

мал Саров и на мгновение инстинктивно зажмурился. Он ждал сильного удара, но почувствовал только легкую вибрацию, да и та исходила от его дрожащих ног. «Уф, пронесло!» – выдохнул Саров и открыл глаза. Над сторожкой, от крыши до неба, стоял светящийся столб, в котором клубилась холодная плазма. Картинка держалась невероятно долго, секунды две или три, затем небесный конец столба поблек, потух, навалилась тяжелая космическая тьма и вдавила столб в сторожку.

Все закончилось внезапно, как гроза. Всполохи скатились к горизонту и там истаяли. На небе простирали яркие звезды. В наступившей тишине откуда-то издалека доносились жалобное поскуливание собаки.

«Вот и поэкспериментировали, – подумал Саров, – надеюсь, без глобальных последствий. Земную ось не сдвинули, очередным цунами Юго-Восточную Азию не затопили». Иронизировал, пытаясь подбодрить себя. Было все же как-то боязно, неизвестное всегда страшит. Не боятся только люди без воображения. С воображением у Сарова все было в порядке, вот ведь за минуту до этого точно определил светящийся столб как холодную плазму. Но что же там в сторожке? Не может же ничего не быть! Мы же воспитаны на законах сохранения всего и вся, ничто не может исчезнуть бесследно, ничто не может возникнуть из ничего, все перетекает из одной формы в другую... Хватит болтать, иди да посмотри! Пойду и посмотрю! Ну, так иди! Уже иду, иду!

Саров с трудом оторвал ноги, вцепившиеся в землю, сделал первый неуверенный шаг, второй, разошелся. Под конец припустил бегом. И застыл как вкопанный перед чуть приоткрытой дверью сторожки.

– You have betrayed me once again!¹

Голос, слабый и скрипучий, доносился из-за двери. Пораженный Саров даже не сразу сообразил, что говорили по-английски.

– Я?! Тебя?! Обманул?! – сквозь наигранное возмущение простирая добродушная усмешка.

Второй голос тоже был слабый, но чистый и ясный. И какой-то звонкий. Казалось, что он шел не из сторожки, а наполнял все вокруг. Звенел воздух, или звенело в ухе у Сарова, тут не различить.

– Когда это я тебя обманывал? И в чем?

– Ты обещал мне сто пятьдесят лет жизни. Что, не так? Или ты скажешь, как Эдисон, что я не понимаю шуток? Что я не понимаю высшего юмора?!

¹ Ты опять обманул меня!

– Не скажу, хотя мог бы. И между прочим, если ты еще не знаешь, сейчас две тысячи девятый год, тебе уже сто пятьдесят три, налицо перевыполнение обещаний. Нет чтобы спасибо сказать.

– Что?! – От возмущения в голосе первого собеседника пропали скрипучие нотки. – Я что – жил последние шестьдесят шесть лет?

– С устным счетом у тебя всегда было хорошо. А я без калькулятора не могу.

– Не заговаривай мне зубы!

– Было бы что заговаривать... – усмехнулся второй собеседник. – А по поводу того, что случилось шестьдесят шесть лет назад... Ты ведь сам себя уморил, обидевшись на неблагодарное человечество. Это был твой свободный выбор.

– Но ты обещал мне додать остаток.

– Обещал, не отказываюсь. И выполняю обещание.

– Но я же старый! Я ощущаю себя еще более старым и немощным, чем тогда.

– По возрасту и ощущения. Тебе, позволю себе напомнить...

– Помню!

– Я ведь, друг любезный, тоже не молод, провалы в памяти стали случаться, вот тоже, как и ты, обиделся в свое время на род человеческий, неблагодарный такой род оказался, а на что обиделся – не помню. Такая вот незадача!

– Ты меня обманул!

– Опять двадцать пять!

– Ты обещал мне молодость.

– Нет, не обещал. Активное долголетие, как сейчас говорят люди, обещал. Вот и работай. Я же работаю, не жалуюсь.

– Я... обойду тебя! – крикнул первый собеседник.

– Ты хотел сказать – обману. Видишь, обмануть ты меня не можешь. А обойти можешь. Ты изобретательный. Даже интересно, что ты придумаешь.

– Что я могу придумать?.. – Выплеснув себя в крике, первый собеседник вновь заговорил тихо: – Мой дар – твой дар. Я был простым ретранслятором твоих идей, я просто воплощал в металле то, что ты показывал мне в видениях. Творец – ты, я – марионетка. Сверхчувствительная марионетка, резонирующая с твоим сознанием.

– Смирение – это хорошо. Смирение я люблю. В обычных людях. Но ты не обычный, нет. Дар я тебе дал, это так. Я многих одариваю, да немногие умеют этим даром пользоваться. Растрячивают его попусту, на пустяки, на удовольствия, на потребу себе. Ты не таков. Ты честно выполнил договор. Я просто изумлялся, наблюдая за тобой, а я много чего видел в своей жизни, в сущности, я все видел. Но таких, как ты – не видал. Сколько идей! А как ты избегал соблазнов!

Генрих Эрлих

Их не я тебе подкидывал, кто – ты, полагаю, догадываешься. Но и не я помогал тебе их избежать, это был твой свободный выбор. Деньги, женщины, власть – это ты все отмел. Тут ты не уникален, были и другие, немногие, но были. А вот соблазн стать благодетелем человечества, ох, непреодолим. Сколько людей, твоих лучших друзей, говорило: не разбрасывайся, сосредоточься на немногом, самом нужном, во плоти в жизнь хотя бы одну из своих великих идей, и благодарное человечество воздвигнет тебе памятники при жизни. Сколькие и сколько раз говорили, а уж как часто нашептывали. Стоило тебе взять этому, и ты погряз бы в суете. Суete усовершенствований, доработок, строительства, продаж, конкуренции, прибыли, интриг, Нобелевских премий, благодарственных речей и торжественных банкетов. Ты щедро предоставил это другим, у которых был на это свой дар, у многих, не скрою, от меня. К сожалению, не у всех. От меня. Да-а... Ты остался верен идее, идеям. И идеи эти – твои и только твои. Что ты там сказал? Ретранслятор, резонирующая. Да я слов таких не знаю. Я все больше по планетам, по зверюшкам, по судьбе. Я не создавал мир, в котором есть переменный трехфазный ток. Это придумали вы, люди, это придумал ты! Ты еще много чего придумаешь. Не сомневаюсь. Удачи тебе.

Раздался звук, похожий на звон лопнувшей струны. Сквозь него до Сарова донесся тихий шепот: «А подслушивать, молодой человек, нехорошо», – и воцарилась космическая тишина, даже собака умолкла.

Саров глубоко вздохнул, толкнул дверь, вошел в сторожку, осторожно заглянул в единственную комнату. Яркий неземной светрезанул по глазам, воздух при вдохе вдруг ожег легкие, ноздри сморчились от мерзкого, как из преисподней, запаха. Да нет, свет как свет, обычный, решил Саров мгновением позже, это после наружной темноты показалось. То же и с запахом, изоляция подгорела, всех дел-то. Хотя нет, есть еще что-то. Саров втянул носом воздух. Ну конечно же, озон.

Он обвел взглядом комнату. Все на месте: большая катушка, исключающая тот самый мерзкий запах, но на вид целая; провод антенны, убегающий в потолок; временной декодер на монтажном столе – не-нужная, судя по всему, игрушка. Вот разве что у большого постера на стене отклеился и завернулся нижний угол, как будто обнаженная красотка застеснялась и прикрыла ноги. Кресло у письменного стола так и стоит вполоборота, как он оставил его, выбегая. Черный свитер на подлокотнике. Саров поднял руку, почесал грудь. Да нет, свитер вот он, на нем. Ничего на кресле не было, когда он вскакивал.

Саров сделал два шага вперед и остановился, сделав следующее открытие. На подлокотнике кресла лежала рука, облаченная в черный,

чуть ворсистый рукав. Открыта была только большая кисть с невероятно длинными тонкими пальцами. Кисть казалась бестелесной, сквозь нее, как через лупу, виднелись мельчайшие пятнышки на обивке.

– И долго вы там будете топтаться?

Саров подпрыгнул от неожиданности, отпрянул назад, но потом решительно скакнул вперед и резко развернулся кресло.

В нем, сгорбившись и уронив голову на грудь, сидел человек. Желтая и сухая, как папирус, кожа просвечивала на темени сквозь редкие седые волосы. Руки человека судорожно вцепились в подлокотники, он напрягся и с огромным усилием выпрямился. И сразу стал очень большим. Лицо поражало худобой, сходясь острым длинным клином от широких славянских скул к подбородку. Тонкий нос загнулся крюком над узкой прорезью беззубого рта. Кожа была покрыта россыпью маленьких коричневых пятнышек. Это был невероятно старый человек, Саров таких и не видел. Вот только глаза... Глаза, молодые и ясные, двумя стальными клинками впились в Сарова. Он не выдержал их испытующего блеска, опустил взгляд, прошелся им по стоячему воротнику сорочки с загнутыми уголками, по аккуратно повязанному шейному платку, по застегнутому на все – раз, два, три, четыре – пуговицам пиджаку, по идеальным стрелкам брюк и уперся в остроносые, по моде последних лет, ботинки. В ботинки можно было смотреться, как в зеркало.

Во рту было противно сухо. Саров подвигал щеками, собирая слону, слотну и тихо спросил:

– Откуда костюм?

– Это все, что вы хотите узнать?

Голос был тихий и скрипучий, но в нем проступала добродушная усмешка.

– Да. Для начала.

– Какой пытливый ум! Этот костюм я заказал у Аарона Либермана, всегда шейте костюмы у евреев, немолодых евреев. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Да, спасибо. А...

– Все-все-все! Довольно болтовни. Нам пора работать! У вас есть парк?

– Э-э-э, у-у-у, – замялся Саров, – есть!

– Отведите меня туда!

– Мне кажется, что вы слишком слабы...

– Так отвезите! У вас есть кресло-каталка? Нет? Так отнесите! Вы же здоровый молодой человек.

На фоне этого старца Саров ощущал себя очень здоровым и очень молодым. Он подхватил кресло, но тут же поставил его обрат-

Генрих Эрлих

но. Извлек почти невесомое тело, перенес на топчан, привалил к стene.

– Подождите одну минутку, – сказал он, – я сейчас все устрою. У нас в парке нет скамеек, но зато там есть снег. Холодно, – пояснил он.

Саров подхватил кресло и выбежал в сени. Принялся рыться на вешалке. Расправил большой туалуп – годится! Отложил в сторону. Взял телогрейку, вышел на двор, поставил кресло спиной к корпусам завода, лицом к диким просторам, почти не загораживаемым рядами колючей проволоки. Разложил телогрейку на сиденье – все теплее будет! – и отправился назад в дом. Закутал старика в туалуп, отнес в кресло, усадил поудобнее, нахлобучил на голову шапку-ушанку.

– Как хорошо! – сказал тот, оглядываясь. – Ночь, любимая ночь. Горы, снег, вечнозеленые ели. Как в детстве. Это то, что мне нужно. Сейчас. Ощутить себя молодым, юным, ребенком. Записывайте, молодой человек!

– Мне не на чем и нечем, – смущаясь, ответил Саров, который сам, первый почувствовал себя ребенком, несмышленым и недогадливым.

– Вы бестолковей моих секретарш! Ми-и-и-ис всегда ходили за мной с блокнотом и карандашом в руках. Другое дело, что я им ничего не диктовал. Серьезного. Вы еще здесь?!

Саров опрометью бросился в дом, схватил ежедневник, ручку, бегом вернулся обратно.

– Я готов!

Вот принесла нелегкая. В разгар
Видений моих дивных – мой подручный!
Всю прелесть чар рассеет этот скучный,
Несносный, ограниченный школляр! —

прошептал старик и, спохватившись, продолжил уже громче: – Да-да, хорошо. Вы записывайте. Я никогда ничего не записывал, я все держал в голове. О, сколько всего хранится в этой голове! – Он поднял руки, скинул шапку, провел рукой по волосам, разделяя их на прямой пробор и приглаживая в стороны. – И все это пропало вместе с головой. Слава богу, не навсегда. Человечество не наделало бы столько глупостей, если бы знало десятую долю того, что я не успел передать. Мы больше не допустим такого просчета, не так ли?

– Не допустим, – поддакнул Саров.

– Ваше дело – записывать, – осадил его старик и вдруг начал декламировать, все повышая голос:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt

Versuch ich wohl, euch dismal fest zu haften?
Fühl ich mein Herz noch jenem Wahn geneigt?¹

- Маэстро, я не понимаю!
- Гете мало кто понимает!
- Я язык не понимаю!
- Так записывайте, когда начнете понимать! Господи, как же я не люблю ассистентов! Не мешайте мне!

Старик продолжил декламацию:

Ihr drängt such zu! nun gut, so mögt ihr walten,
Wie ihr aus Dunst und Nebel um mich steigt:
Me in Busen fühlt sich jugendlich erschüttert
Vom Zauberhauch, der suren Zug umwittert.
Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,²
Und manche liebe Schatten steigen auf...²

По мере того как он читал, страницу за страницей, без запинки, с ним происходили удивительные перемены: расправилась грудь и выпрямилась спина, бестелесный скелет оброс плотью, плоть наполнилась соками, загустели и засверкали в лунном свете волосы. Это иней, пытался убедить себя Саров, а порозовел он от свежего воздуха и холода.

Но последний бастион трезвомыслия рухнул, когда старик вдруг рывком поднялся с кресла и начал выхаживать по дорожке, с каждым шагом все более твердо и энергично. Из далекого леса вдруг вырвалась в небо маленькая черная точка, за ней вторая, третья. И вот они уже кружат над ними, три птицы, размером с голубя или сойку. За все недели, что Саров провел на Подкаменной Тунгуске, он ни разу не видел птиц ночью, только слышал как-то уханье филина. А старик лишь не удивился. Он помахал птицам рукой и прокричал:

– Приветствую вас, друзья мои! Я вернулся, чтобы дать вам корм и чистый воздух. Дать всем, и вам, и людям. А еще я вернулся, чтобы победить старость. Думаете ли вы о старости? Нет, конечно. Вы – счастливые создания. А мы, люди, всегда думаем, обо всем, но боль-

¹ Вы снова здесь, изменчивые тени.

Меня тревожившие с давних пор.

Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?

² Но вы, как дым, надвинулись, виденья.

Туманом мне застлавши кругозор.

Ловлю дыханье ваше грудью всею

И возле вас душою молодею.

Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.

Генрих Эрлих

ше всего о жизни и смерти. Мы хотим жить если не вечно, то долго. Но как этого достичь? Творец создал совершенный организм, бегущие в нас токи находятся в гармонии, мы черпаем энергию из окружающей среды и отдаем ее в виде работы. Но с годами каждый орган начинает петь свою песню, и от этого происходит какофония, которая называется старостью. Организм нуждается в настройке. В настройке по камертону вечно живой и вечно молодой природы. И тогда все органы будут вновь работать в резонансе, в теле воцарится гармония и к человеку вернется молодость. Что для этого нужно сделать? Надо взять...

– Маэстро, я не успеваю! – взмолился Саров, дуя на озябшие пальцы.

– Я придумываю быстрее, чем вы записываете! Бог с вами, запоминайте. И кстати, обращайтесь ко мне впредь как подобает: мистер Тесла. Никола Тесла!

**Генрих Эрлих
ЗАГАДКА НИКОЛЫ ТЕСЛА
НАУЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ**

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *М. Пыкина*

ООО «Издательство «Яузा»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

Подписано в печать 06.03.2009.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Европа». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 7000 экз. Заказ № 4902164

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignsaller@eksmo-sale.ru

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignsaller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д.1, а/я 5. Тел. /факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный),
E-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел. /факс: (044) 495-79-80/81.
В Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел. /факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел. /факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел. /факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arnar.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин – Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346 99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-98-74.**

НИКОЛА

ТЕСЛА

Его величают гением, «пророком» и «повелителем Вселенной».

Его изобретения изменили мир и стали фундаментом современной цивилизации.

Ему приписывают невероятные открытия, способные не только осчастливить, но и погубить человечество; его подозревают в причастности к чудовищной катастрофе, известной как «падение Тунгусского метеорита», и создании поистине дьявольского оружия, страшных «лучей смерти», которые, по его собственным словам, в состоянии «расколоть Земной шар»...

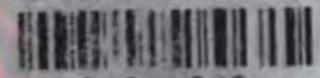
Но Никола Тесла ненавидел смерть, поэтому изобрел еще и генератор «лучей жизни» – как воду живую и мертвую, как две стороны одной медали, как дорогу с двусторонним движением, пронзающую бесчисленные миры. И в свой последний день на Земле, 7 января 1943 года, великий ученый отправил зашифрованное послание будущим поколениям.

Сможем ли мы разгадать его скрытый смысл? Сумеем ли им воспользоваться? Узнаем ли главную тайну Николы Тесла? Решим ли его загадку?

Читайте новую книгу проекта «Рассекреченная история» – первый научный детектив о гениальном изобретателе!

Интернет-магазин

OZON.ru

2421 690

ISBN 978-5-699-33733-0

9 785699 337330 >